

Редактор Алексей Вдовенко
Составитель Татьяна Левченко

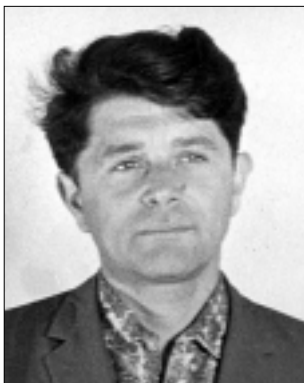
*Авторы приносят искреннюю благодарность людям, без помощи которых это издание не состоялось бы:
руководителям благотворительного фонда «Боспор» **Т. В. Умрихиной**
и **Л. В. Блиновой**, депутату Керченского городского совета
И. М. Патахову, а также редакции газеты **«Керчь — это МЫ».***

Звучит лира древнего Боспора. Предлагаем читателям третью книгу, подготовленную керченским литературным объединением «Ли́ра Боспора». И это уже не чисто поэтический сборник, но альманах. В нем представлены, наряду с поэтами, и ведущие керченские прозаики.

Произведения, включенные в книгу, — разные по жанру и стилю, однако их объединяет любовь авторов к родному городу, к его древней истории и сегодняшним дням.

Общим для всех авторов альманаха является следование традициям русской классической поэзии и прозы. Думаем, что это найдет отклик в сердцах и душах читателей. И мы надеемся на будущие встречи на страницах новых книг.

Василий Маковецкий

С АСТАФЬЕВЫМ В СОРОКОВОМ ЗАКУТЕ

Вспоминаю его прозу, его лицо в глубоких морщинах, глуховатый голос,— и чувство потери сжимает горло: неужто и его когда-нибудь забудут?..

Близкого знакомства у меня с этим человеком не было, но судьба подарила одну случайную встречу. В ту пору, в середине семидесятых, Крымская писательская ассоциация послала меня в Москву на Высшие литературные курсы. Там, при Литинституте имени Горького, учились писатели, не имевшие высшего образования. В институтском общежитии на улице Шота Руставели у каждого из курсантов была отдельная комната на седьмом этаже. Из окна открывался вид на столичные крыши и близкую, рукой подать, Останкинскую башню. А мебели в комнате лишь ободранный стол, два стула и койка. Кухня и всё прочее были общими, в коридоре. И вот однажды мы с якутским прозаиком Николаем Габышевым, громадным детиной, самым крупным на курсах, после занятий зашли в кабину общежитийского лифта и сразу же придержали дверь: к нам спешил ещё один пассажир. Невысокого роста, с потёртым чемоданчиком, в

каких мастеровые люди обычно носят инструмент, он заскочил и спрашивает: «Вам на какой?» — «На седьмой.» — «Ага, и мне... А вы не в сороковой ли закут?» — «В сороковой! — отвечает удивлённый Габышев. — Как угадали?» — «Гм... Кто же из наезжающих в Москву литераторов не слышал этих строк:

*А вот сороковой закут,
Здесь шумно, как на вече.
Живёт здесь Габышев — якут,
Прекрасный человеке.»*

Тут и мы узнали нашего спутника. Астафьев! Николай обхватил его своими большущими руками: «Всё, Виктор Петрович, мы Вас не отпустим, сегодня Вы гость сорокового закута, узнаете, что за народ приходит в литературу, Вам на подмогу. Вы же в шестидесятых тоже здесь учились, верно? Ну, и отведаете нашего якутского угощения.»

А угощение у Габышева было особенное. На глубокую, большую, чуть ли не метрового диаметра сковороду (говорили, он привёз её из Якутии) Николай вываливал за раз килограмм пять мороженого хека, килограмма два помидор, столько же лука, полстакана горького перца, — и всё это по готовности заливалось доброй полусотней яиц. Они сначала разбивались в котелок, а потом — на сковороду. Мы садились вокруг неё на пол, на расстеленные газеты и начинался хороший разговор, с вином, но без дурного гама и бестолковщины. (Бывал на таких застольях и мой земляк поэт-керчанин Валерий Левенко. Мы учились в одно время: он в институте, а я на курсах, за хорошие стихи его любили и привечали на всех этажах, и он не даст со- врать: бестолковщины у нас не было. Ну, может, иногда, самая малость...)

Тот вечер с Виктором Астафьевым я хорошо помню. Как только в общежитии узнали, что он у нас в «сороковом закуте», мигом набежали гости. Пришёл улыбчивый, медленно выбирающий русские слова, грузин Гоги Капанадзе, за ним — кудрявый, важный с виду, абхазец Алексей Джения, рассудительный ку- мык, наш философ Мусса Батчаев, красавица-россиянка Ирина Ракша с украинским поэтом (тоже красавцем) Владимиром Рутковским; пришёл талантище-прозаик и изрядный выпивоха бурят Володя Митыпов... Нет, всех я, пожалуй, не назову, — была добрая половина нашего дружного курсового интернационала. И, конечно, пришли они не из почтения к влиятельному пред-

ставителю национального большинства, не к «старшему брату», а к большому мастеру художественного слова и мудрому человеку.

Держался Астафьев очень просто и говорил простые вещи. Посмеялся, пощёлкал ногтем по эмалированному ведёрку, из которого пил вино Николай Габышев. Чтобы не мелочиться и за неимением лишней посуды, он выливал в ведёрко несколько бутылок вина и в паузе разговора, сидя, брал его двумя руками, отпивал, сколько просила душа, аккуратно ставил на место и продолжал беседу. Остальные пользовались железными кружками и стаканами. Астафьев спросил: «Это что, Николай Алексеевич, ты сам придумал, для куражу? Или у вас таков обычай?» — «Так ведь компания какая! — смеясь, возразил Габышев. — Чуток оплошаешь, глядь — и нечем горло промочить. Так надёжней.» Разумеется, он шутил, но по тому, как на него исподлобья взглянул Астафьев, было видно, что такие шутки ему не по нутру.

Разговор зашёл о тогда ещё живом Василии Шукшине, о его «Калине красной», только-только вышедшей на экраны. Выясняли, откуда в стране появляется всё больше и больше преступности, какие обстоятельства держат её на плаву. Виктор Петрович, фронтовик, считал, что слишком много чистых душ унесла война. И это непоправимо. Ещё причина — бесчисленные места заключения, тюрьмы, колонии, где, кроме заматерелых преступников, проходит «школу» и оступившаяся молодёжь, и всякий люд, пришибленный жизнью. Наши вожди обо всём судят по себе, они не умеют подступиться к проблеме со стороны культуры, и сами, со своей позорной страстью к благам земным, ко всяким дачам, привилегиям, охотничьим домикам, подают дурной пример, сбивают людей с пути.

— Вот какую грязь нам нужно выгрести, дорогие коллеги! — говорил Виктор Астафьев. — Докапываться до истины, громить двойную бухгалтерию. У нас в городах центральные улицы обсажены розами, строятся пышные дворцы культуры. А что делается за пределами городов? Грязь, вонь, от живой природы — одни ошмётки. А где набраться здоровья? От этого сатанинского зелья? — Астафьев толкнул ботинком и чуть не опрокинул ведёрко с вином. — Ребята, вы это дело прекращайте! В другой раз увижу, раздраконю на всю Россию! А тебя, Алексеевич... Смотри мне!

Могучую силу этой ненависти к зелью я ощутил, прочитав один из последних рассказов Виктора Петровича — «Людочка».

Ох, и рассказ! О том, как тихая, застенчивая, безотказная в работе девушка с городской окраины, учившаяся на парикмахера, попала в лапы разнузданной молодой пьяни, шпаны, была обесчещена и, не вынеся унижения, покончила с собой.

Сколько истинного милосердия и добра к людям было у этого русского писателя! Он выносил из житейских битв раненых и покалеченных, как фронтовой санитар, чуть ли не на руках.

Недаром переведён на столь многие языки. И на украинский тоже — его переводили такие признанные наши прозаики, как Григор Тютюник, Евгений Гуцало, Виктор Близнец. И, конечно, не потому, что хотели выслужиться перед «старшим братом». Любя свой народ, старались приобщить его к высокой художественности, красоте, морали. Переводческая работа обогащала и их собственную прозу, — известно, как прибавляет свежести и выразительности нашим речам знание другого, особенно смежного, языка.

2001 год

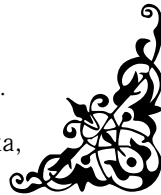

Елена Рабочая

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Был вечер роскошен,
а впрочем, и душен, и жарок.
Плыл запах густой
от привядшего в вазе букета.
На скатерти гроздь винограда лежала —
подарок
Идушего к осени,
мёдом пропахшего лета.
В открытые окна,
на цыпочки встав,
георгины
глядели умно и серьёзно,
как малые дети.
И гостем желанным влетел,
занавеску откинув,
с асфальтовым запахом,
знойный,
но всё-таки ветер.
Цикад стрекотанье
усладой слышалось слуха,

сливаясь со свистом стрижей,
что носились кругами.
И им диссонансом
гудела влетевшая муха —
спящая точка
в закатной оранжевой гамме.

МОЙ ТОПОЛЬ

Ах, тополь, тополь,
ветреный красавец!
Ты гибок, строен,
твои сны легки.
И тополиный пух
летит,
едва касаясь
моей щеки.
Шумит шатёр,
из клейких листьев соткан,
а выше —
синь
без края, без границ.
Мой тополь, ты
наполнен солнцем,
соком
и щебетаньем птиц!
Твой светлый ствол
с земли уходит в небо,
вибрируя
натянутой струной.
И не поверю я,
что связь искать нелепо
между тобой и мной.
Стою,
весь мир вобрать в себя готова,
душа —
сродни натянутой струне.
И долго
кем-то брошенное слово
звонит
во мне...

Кто ты,
мальчишка с губами припухшими?
Кто ты,
мужчина с глазами потухшими?
Где ты?
Пусто.
Будто
одна я на целой планете.
Пусто...
Дома
мне от тебя не осталось ни звука, ни шороха.
В форточку, что ли, они улетели?
Пусто
на нашей горячей постели.
Только
грустно
глядят на меня из углов
вещи наши,
как мысли наши.
В нашей квартире,
как в сурдокамере,
тишина
давит
на уши.
... С улицы —
чуждые полубредовые звуки.
Вот она, значит, разлука.
(Слово какое банальное!)
Стыну.
О прошлом горячие слёзы
стекают с глаз,
с губ
и где-то в извилинах мозга
кристаллизуются в воспоминания.
Что ж, перемучаюсь, перестрадаю...
Но, может, тогда я и отгадаю,
кто ты,
мальчишка с губами припухшими,

кто ты,
мужчина с глазами потухшими,
кто ты?..

* * *

Девятнадцать лет живу на свете.
Мало или много, сколько это?
В поле, где цветы я собирала,
новые дома повыврастали,
вьются лентой новые дороги.
И выходит: девятнадцать — много.
...Время, время, всё спешит упрямо.
До чего же постарела мама!
Каждый год — всё новые морщинки.
Каждый год — всё новые сединки.
Не смотри, прошу тебя, устало.
Девятнадцать?
Пусть же будет мало!

* * *

Неисправимый мой мальчишка,
Мой верный сокровенный друг,
Мой брат, любовник и супруг!
Ты был мне всем: глупцом, уродом,
Красавцем, мудрым стариком.
Но ни по ком, поверь, я сроду
Так не страдала. Ни по ком!
И если только ты захочешь,
То для тебя я стану вмиг
Звездю — самой тёмной ночью
И тенью — днём у ног твоих.
Как я жила — не понимаю -
Без твоих тёмных добрых глаз?!
В твоих объятьях — умерла я,
В твоих объятьях — родилась!

НАТАШКЕ

Повадки маленькой милой кошечки,
ладошки нежные — пальчик к пальчику.

Танцуй, Наташечка, в босоножечках,
своди с ума мужичков и мальчиков!

Туда, где трудится электроника,
скользни меж взглядов косых прилипчивых.

Танцуй, Наташка, чертёнок тоненький,
чертёнок, стройненький до неприличия!

Танцуют ноги, глаза танцуют
под незнакомый чудной мотив.

А кавалеры? Они пасуют,
как будто лишку вина хватив.

Им показалось, ты их приветить,
но ноги дерзкие веселы.

И неуклюжие, как медведи,
они шарахаются в углы.

Ах, ну их, ну их! Пусть лица кружатся,
как будто листья летят осенние.

Танцуй, Наташка, пусть беды рушатся,
как небоскрёбы в землетрясение!

Иди царевной, плыви печальницей,
скачи, как по полю стригунок!

Ты, незаметная, теперь начальница
случайной музыки у своих ног.

Чужих улыбок, чужих ошибок, —
что из того, что влетит, дрожа,
с глазами, круглыми, как у рыбы,
вахтёрша с нижнего этажа?!

Ах, не волнуйтесь, всё скоро кончится,
всё скоро смолкнет: и шум, и смех.

И будет тихо, хоть так не хочется!

... Лишь лампы круг, да в окошке снег.

ОСЕННЕЕ МОРЕ

Ветрено, холодно, грязь.

Дует норд-ост неизменный.

Плача, а, может, сердясь,
море швыряется пеной.

Бьются седые валы,
бьются о берег песчаный.

Нет, они вовсе не злы,
только немного печальны.

Море, как древний старик,
охает в логове древнем,
всё о былом говорит,
хочет на солнце погреться.
Только подёрнуто мглой
небо. И ветер всё дует.
Воет и воет со злом —
бороду треплет седую.
Старое сердце болит,
давние думы печальны...
Бьются седые валы,
бьются
о берег
песчаный.

ДА ПРИБУДЕТ ЖИВОГО В ЖИВОМ

За прекрасным оленем
охотился древний мой пращур.
И однажды настиг.
И из лука убил своего.
И от счастья кричал он.
И крови весенней горячей
он напился.
Но вы не судите его.
Нам, зверям и микробам,
и в прошлом, и в будущем веке -
всем друг друга съедать.
Да прибудет живого в живом!
Воду мелких ручьёв
выпивают могучие реки
и из малых кирпичиков строится дом.
Всем, погибшим во мне, говорю я: «Спасибо!»
В вечной битве за жизнь
всяк по-своему прав.
И во мне с каждым днём
да прибудет великая сила
и зверей, и деревьев,
и соками налитых трав!
Наши жизни не вечны.
Не вечно мне жить на Планете.

В свой черёд я погибну,
себя предоставив другим.
Но и это,
и это ведь будет, поверьте,
нашей жизни земной
торжествующий гимн.
Из меня прорастут
и деревья, и травы, и люди.
Буду веткой зелёной
и крови горячим глотком.
Это наше бессмертие.
И да придёт,
Да придёт живого в живом!

СЫНУ

За окошком зимней бури звуки,
между нами ветер, ночь и дождь.
В темноту протягивая руки,
ты меня, наверное, зовёшь.
Светится на ёлке синий шарик.
Что-то в нём от грустных детских глаз.
Нашу ёлку мы не украшали,
но её украсили для нас.
Клоуна забавная гримаска,
тихо смотрят лампочки во тьму...
Наша ёлка грустная, как сказка,
не рассказанная никому.

НАСТРОЕНИЕ

Вечер одинокий.
Ко мне приходят мысли,
тоже одинокие,
как странники слепые.
Сделать что-то хочется,
но всё бесполезным кажется.
Пустой и тёмный вечер,
как высохший колодец...

Иван Юдин-Кауниди

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

Дорожка лунная зыбка —
Расплавленное золото.
Дорожкой этою коса
Как пополам расколота.
О берег плещется вода —
Вода морская, шалая.
Мигают бакены судам:
«К нам, в Керчь, —
добро пожаловать!»

НА РЫБАЛКЕ

Пусть в тесноте, да не в обиде:
Уж больно рыбка хороша!
Пусть в темноте, да зорко видит
Глаз очертанья поплавка.
А темнота уж поредела —
Рассвет приходит неспеша...
Пусть не клюёт — не в этом дело:
Уж больно зорька хороша!

НАМ НЕ ХВАТАЕТ

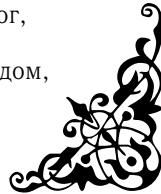
Что входит в нас неотвратимо,
И сохраняет нас до дна,
Быть может, так же изгладимо,
Как в море пенная волна.
Минуты искренности тают,
Закрты души на засов...
И нам, как прежде, не хватает
Её и алых парусов!

ЦЕНА ЖИЗНИ

Готова сложная деталь — вновь в рекорде.
Картина — в последнем усталом мазке.
Шедевр музыкальный — в последнем
аккорде -
Всё льётся в отчаянно-резком броске.
А жизнь познаётся не в барском богатстве,
Не в детских желаниях быть озорным.
Вся жизнь познаётся ценою наследства,
Которое ты оставляешь другим.

КЕРЧЬ — СТАРЫЙ КРЫМ

Как стрела — стремительно шоссе.
Вечереет. Руль сжимают пальцы.
И куда-то нынче едут все,
Будто бы бездомные скитальцы.
Нам навстречу огоньки бегут.
Дождь стучит в стекло, окошко мутно.
Старый Крым. Мы помним про уют.
Но в машине в непогодь уютно.
Впереди далёкий городок.
Огоньки совсем другого рода.
Знает всяк, кто вымок и продрог,
Как людей сближает непогода.
Постучи — и кто-то впустит в дом,
Печь затопит и согреет чаем.
Жить, не беспокоясь ни о ком,

Страшно. Только мы не замечаем,
Как то тут, то там по сторонам,
У дороги, в фар тревожном блеске,
Кто-то руки простирает к нам,
Раздвигая в доме занавески.

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Беспокойный румянец щёк...
Неуверенно-тихое «Здравствуй»...
Это даже не счастье ещё.
Это только предчувствие счастья.
Время, отнятое у сна...
Встречи, грёзы и расставанья...
Это даже ещё не весна,
Это только её дыханье.
Очень резкая первая боль
На перроне ночного вокзала...
Это даже ещё не любовь,
Это только её начало.
Паренёк, не смыкая глаз,
Что-то долго писал до утра...
Это даже ещё не рассказ,
Это первая проба пера.
Неизведанные рубежи...
Неуёмность сегодняшних дней...
Это даже ещё не жизнь,
Это только вступление к ней.

СЕДАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Земля, Земля, седая колыбель!
Ты хлеб вскачала и меня вскормила.
Мой дед за плугом шёл и песни пел,
И солнце за спиной его всходило...

СЕЛЯНЕ

Мы называем ласково: селяне,
Людей, которые с звезды и до звезды,
В июльский жар, в осенние туманы,

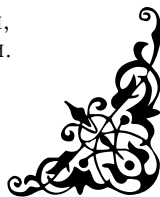
Не покидают мягкой борозды.
Их руки жёстки, но иных не надо, -
Они щедро преобразили край.
Их души — это солнечные клады,
Такие, как грядущий урожай.

СПЕШИТЕ, ЛЮДИ

Колосья, полные зерна, —
Богатый хлеб в полях.
Подобно морю, вся страна
Волнуется в хлебах.
Спешите, люди, — подошёл
Час жатвы — на покос!
Поклон тому, кто с нами шёл,
В труде нам хлеб принёс!

ЖАТВА

Переливно стучали комбайны,
Ночь попала в разгар работы.
Степь, как город, зажглась огнями,
Звёзды вышли, как капли пота.
По колосьям шуршали жатки,
Кузова загляделись в небо,
Даже им становилось жарко,
Когда их засыпали хлебом.
Хлеб нагретый — теплился он ночью
Так, что дух ударял над степью.
И смыкались глаза рабочих,
И казалась им степь постелью.
Грузовые гудели рокочуще,
Сны летели тревожно прочь.
А по краю дорожной обочины
Непроглядно стояла ночь.
Фары мрак разрывали на части,
Свет тонул в серо-мутной пыли.
И машины, как полные чаши,
Приуоставшие парни вели.

ОБЕЛИСКИ

Обелиски застывшие,
Как мимо них пройти?
Тишины скорбной слышимость
Всё стоит на пути.
И без них ведь известно мне:
Никого не вина,
Здесь лежат мои сверстники
Вдвое младше меня.
Дело в жизненном стаже ли,
Сжато в цифре сухой?!
Перед Памятью ставшими,
Возраст — козырь плохой!
Хоть они и моложе, но
В те далёкие дни
Всё, что было положено,
Совершили они!
 Обелиски обычные
 Стерегут наш покой...
 Мне порою так надобно
 Их безмолвье, их суд!
Нужно мне не прощение
Вечно спящих парней,
Нужно мне очищение
От окалины дней!

МОНОЛОГ СОЛДАТА

Не забыта боль однополчан.
Не забыл канонаду и бой —
Из того, что снится по ночам.
В целом взводе я один живой.
Сколько пройдено трудных дорог,
Сколько горя пришлось хлебнуть,
Но иначе я в жизни не мог,
Я не мог не пройти этот путь.
Ратный путь мой остался вдали.
И хоть старая рана горит,
Ради счастья родимой земли

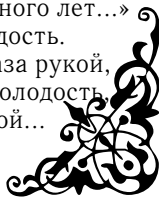
Я готов этот путь повторить.
Жить вполсилы, увы, не могу:
С той войны сознание таково,
Будто доля — сейчас на виду, —
От меня зависит одного...
Над проливом плывут облака,
Даль морская в закатном огне.
Жизнь бойца то горька, то сладка.
Хорошо быть всегда на волне.

ПОЕЗДА

Я вижу, как звёздные крылья
Раскинула крымская ночь,
И мощные грома раскаты
Уходят за поездом прочь.
Любуясь, стою на перроне,
А мимо — и ночью, и днём —
Всё мчатся и мчатся вагоны
С машинами, хлебом, сырьём...
Их встретишь на всех перегонах,
Поток трудовых поездов,
Быть может, в таких вот вагонах
Победу везли мы с фронтов.

В ЦЕНТРЕ КАМЫШ-БУРУНА

Сияют в листьях солнца блики.
А вдоль шоссе, по сторонам,
Взметнулись тополя, как пики,
бока пронзили облакам.
Облокотясь на подоконник,
сказал с улыбкой старый дед:
«Я их сажал, когда был школьник.
Теперь мне много, много лет...»
В его словах я слышу гордость.
Старик, прикрыв глаза рукой,
Глядит — и видит свою молодость,
шумящую над головой...

НАПУТСТВИЕ

учащимся СШ № 11

Убывает, словно тает, время.
Человек обязан в ритме жить.
Мне б коня лихого, ногу в стремя,
И, как водится, жить и любить!
Лишь любовь сметает все преграды,
По родной земле — любви восход.
За работу, юность! Счастье рядом.
Пусть любовь, как подвиг, в мир грядёт!
Отвечай, мой юный современник,
Ты готов в работу жизнь вдохнуть,
Продолжать победы поколений,
Чтобы жить, любить не как-нибудь?
За любовь, плечом к плечу, герои!
Пусть подхватит юность с нами в лад.
Мы заполним, Керчь, сердца любовью,
По-иному думы зазвучат.
Не корысть бросает нас в сражение —
Заходило солнце по волнам,
В день второго летоисчисления —
В путь зовёт походный барабан.
Собирай и ты седло в дорогу,
Приготовься к трудному пути,
Одолей любую непогоду
И до цели всё-таки дойди!

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Искусство ходьбы постигая упрямо,
Шагает кроха серьёзно и строго.
Смелее, малыш! И папа, и мама
Тоже так начинали дорогу.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

В город входит вечер летний,
Подменяя день труда.
И в морскую воду светит

Переливчато звезда.
В гуще парка или сада,
Меж ветвями просочась,
Тёмно-синяя прохлада
Обливает мягко нас.
И до самой-самой ранней
Наступающей зари
Светят весело над нами
Золотые фонари.
И «сегодня» незаметно
Превратятся во «вчера»,
Мирным шагом по планете
Тихо ходят вечера.

Марина Назаренко

* * *

Какая грусть в слиянии дождя
С сиреновой землёй, какая радость!
В жар белых рук холодная струя
С высоких крыш льёт, освещая разум.
С высоких крыш льёт, освещая разум.
Большие окна льют янтарный свет
На мокрые асфальтные дорожки.
Дрожит холодный, серенький рассвет,
И смотрит сиротливо на прохожих.
И сладкий вкус дождинок на губах,
И грусть утраты или расставанья...
Короткий, резкий мокрой ветки взмах,
И знак дорожный кажет расстоянье.

* * *

Мне встретилось до боли знакомое лицо!
Ноябрьские зори подёрнуты свинцом.
Иду аллеей узкой в морозный перезвон,
Кивает равнодушно мне поседевший клён.
А память изменяет, всё вспомнить не могу...
Упрямо ускользает лицо одно во мглу.
Но вдруг мне вспыхнул вечер

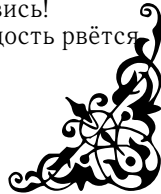
И мирный синий свет.
Из звёзд собралось вече,
Чтоб разрешить рассвет.
Безмолвнейший свидетель
Неверной тишины,
Дремал в деревьях ветер
В предчувствии зимы...
Мне б вырваться на волю!
Сужается кольцо...
Я вспомнила до боли знакомое лицо.

* * *

Тот юный ветер был похож на птицу!
Он не умел садиться на деревья.
Ему мешали длинных два крыла...
Прошли года, он до сих пор мне снится!
Простор зелёный, белая деревня.
Лечу с холма, как лёгкая стрела.
И юный ветер подаёт мне крылья.
На них я опираюсь, как на руки,
Лечу с холма, не ведая преград...
И кажется, что он большой и сильный,
Что были очень долго мы в разлуке,
И что теперь со мной соединиться
Тот юный ветер был безумно рад!

* * *

Казалось, для меня уж не придёт рассвет!
Осенний ветер за спиной тревожно крался...
Струился лунный свет.
Ночь представляла мне
Из тысяч таин тысячу препятствий.
Ты, девочка моя, испей и не перечь,
Протягивал он мне хрустальный кубок яда.
Я слушать не хочу поток твоих предтечь!
Я видеть не могу, о чём ты молишь взглядом.
Он строгий был судья: повинна - удавись!
А сердце там, в груди, так гулко в радость рвётся
И первый луч блеснул!
И розовый рассвет...
Он всё сейчас простит
И молодо прольётся!

Голова затуманена, сердце сжимает, немеют руки.
Если это любовь, то за что мне такие муки?!
Если это тщеславие, то зачем мне такая слава!
Если это обман, мне не нужно такого обмана...
Где вы, ястребы, соколы, где вы, орлы в полёте?!
На каком соколином, орлином языке поёте?
Или крылья подрезаны, иль я песни вашей не помню.
Или пулею срезанны, вы истлели во чистом поле...
Серебристою силою равною звучит твой голос.
Моё сердце пылает раною, пламенеет гордо.
Я рванусь к тебе радостно, солнце моё, я сумею!!!
Если это вечный Амур заточил золотые стрелы.

* * *

Луна над Мариуполем огромна и грустна!
Горчит чудесны торой очарован.
Луна над Мариуполем огромна и тиха.
И зыбки блики в трепете деревьев.
Луна над Мариуполем стоит и ждёт стиха.
Я — идолопоклонница, наверно.
Луна над Мариуполем, молитву я творю.
Ты, как живой портрет в оконной раме.
Луна над Мариуполем, оставь меня, прошу,
Не нужно ни комедии, ни драмы.

* * *

Жизнь, как рисунок на песке!
Стирает солнце, время, ветер...
Всё держится на волоске
Между желаньем жить и смертью.
Желаньем этим опалим,
Летишь в кромешной круговерти.
И каждый час твой, каждый миг
Уже неотделим от смерти.
Жизнь, улыбнись! — Пока вполне
Песочные часы не смолкли,
Пока просвечивает контур
Тобой отпущенного мне!

Смотрите: ангел в небе пролетел,
Сел на фронтон и цель себе наметил.
И вот уже беспечный бьётся ветер
В силках цветов. — О, сладостный удел!
Куда смотрела глупая луна,
Когда дитя, резвяся без присмотра,
Как бы вскрывая главную аорту,
Пустил на растерзанье соловья?
О Боже! Что ещё он натворил?!
Плотины рушил, сделал половодье,
Возжѣг костры сирени по угодыям.
Ещё — тебя со мной соединил.

Как я тебя ждала!
 Природа расцветала
И вешний ветер срывал
 С дерев цветы любви.
Как я тебя ждала!
 Как страстно я желала,
Чтоб май мне не солгал,
 Когда явился ты.
Он серенады пел
 Безумцам и поэтам.
Как глупых птиц, пьянил,
 На подвиги сзывал.
И не растратил стрел.
 Уж проступало лето,
Горячий воздух лил
 На порно-кинозал.
Не смог он напоить
 Любовью, болью, негой.
Срываются — тоска —
 Вороны на погост.
Ах, Бог тебя простит,
 Безумный, милый Эрос:
Звенел лишь у виска
 Твоей стрелы полёт.
Как я тебя ждала!..

«Ты, одиночества
верховный час.»

М. Цветаева

Тоска по детству
 не даёт мне жить.
Там лучше всё
 и чище, и понятней.
И небо ярче,
 и звезда горит,
Зовёт и мглился
 космос необъятный.
Я в колыбели космоса
 плыву
Какой планеты
 ангелом небесным?
И, будто потеряв,
 ищу, ищу...
Так манит высота,
 так тянет бездна!
Наверно, в прошлом
 птицей я была,
Так мне знаком,
 знаком полёт парящий.
И так Земля огромная
 мала,
Что кажется она
 ненастоящей.
Тоска по детству,
 я в тебя гляжу...
Полёт орла,
 небесные качели.
И это знанье:
 только захочу -
Конец, обрыв,
 сорвусь
 и — полетели!

*«Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные цвели.»*
Ю. Мориц

Ты не увянешь, роза сердца,
Пока парю я и жива,
Пока оркестр играет скерцо,
Пройду по лезвию ножа.
Ты будешь биться, словно птица,
Попав в Создателя силки,
И голубеть, и серебриться
Опавшим снегом на виски.
Ты, роза сердца, не увянешь,
Пока я жизнь свою держу,
Идя за смертным караваном,
Ещё я ей не дорожу.
Ещё отпущены мне Богом
Любовь, сиянье и туман.
Ещё пред вечности порогом
Гляжу в себя из дальних стран.
Ты не увянешь, роза сердца!
Жизнь прибывает всё сильней.
Пока оркестр играет скерцо
На струнах ветра и дождей!

Виктор Запорожец

* * *

О, Господи! Кому я нужен здесь.
И если нужен, то пока что нужен.
А там остывший, запоздалый ужин,
и сгусток слов, запёкшийся, как мечь,
и пустота бездомная души,
и бездна бытовых воспоминаний,
и муки несвершившихся желаний,
и сердца стон в замученной тиши.

* * *

В ожидании Судного дня
на распяты́е дорог сын Твой блудный.
Путь к Тебе и тернистый, и трудный,
так прости и помилуй меня.

Ты же видишь, что я человек
и ничто без Твоей Благодати.

Я не ангел. Но я не предатель.

Сделай добрым жестокий мой век.

Мою мёртвую жизнь оживи.

Твой Сияющий Лик да увижу.

Твой Божественный Зов да услышу.
И почувствую Благодать Любви.

Я прошу: не отвергни меня,
исцели прокажённую душу.
Больше я Твой Завет не нарушу,
от грехов своё сердце храня.

В ожиданье прощального дня
на распяты́е дорог сын Твой блудный.
Путь к Тебе и тернистый, и трудный,
так прости и помилуй меня.

ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН

Не сопьюся болью — выдохну стихи
про судьбину-долю, про свои грехи,
про дела-заботы, про мечты и сны,
загоняя в ноты перебор струны.
Перебор на картах. Перебор в долгах.
Перебор в утратах. Перебор в стихах.
Слишком перебрал я. Вышел наугад.
Думал: кущи рая. Разобрался — ад.
Ах! Какая жалость! Что за вздорный бред!
Мне бы яда малость в мешанину бед.
Мне бы летаргичный Гоголевский сон,
чтобы был комичным пробужденье́м стон,
чтоб живое пенье заглушило вой,
чтоб до погребенья я восстал живой,
чтоб в тот миг, знаменье́м, луч блеснул с небес,
разогнав сомненья, будто я воскрес.

* * *

Живу. Люблю. И, может быть, любим...
Но разве миг бывает повторим?
Родились... Расцветаем... И горим...
И вот уже растаял в прошлом дым.
А что огонь? Принёс он людям радость,
или навеял пеплом безотрадность?
И встреченный тобою стал седым...

ВСЁ ПЕРЕМЕЛЕТСЯ

Разменом трудностей любовь проверена,
ты шепчешь ласково: «Не всё потеряно».
Но время — временем, а счастья вовсе нет.
От прежней нежности не остаётся след.
И всё забудется. Всё перемелется.
Жизнь машет крыльями, как будто мельница.
Мы — зёрна спелые. Нам надо вверх расти.
Но жернов вертится — мгновеньем не спасти.
Весёлой шуткою мука замесится.
Всё наше лучшее в комочек вместится.
Лишь только жаль мечты далёкой юности.
Тяжёлым колосом уже не вырасти.
Ночами солнышко не улыбается.
Любовь забытая не возвращается.
А может быть её совсем и не было -
сердечко пыльное ошибку сделало.

* * *

Улыбнись. Не печалься. Расставания нет.
Есть случайная встреча и неясное чувство,
и, оставшийся в памяти, незатейливый след,
и рифмованной грусти искусство.

МАРТОВСКОЕ

На проталину марта пробился подснежник.
Стебельком проросла изумрудная нежность.
Белоснежная робко любовь расцвела.
Ты сорвала, понюхала, выбросила.
Не смогла уловить в лепестках аромата,
потому что ты гриппом болела когда-то.

Если вы гриппуете, изолируйте себя.
Лечитесь до полного выздоровления,
чтобы не было осложнения.

* * *

Почувствуй же, как я люблю тебя,
как вижу в снах волшебными ночами,

как о тебе лишь думаю стихами,
тобой заполнив космос и себя.
Как там горю и спрашиваю даль:
какой звездой твоя пылает нежность,
где апогей любви и неизбежность
желанных встреч, как одолеть печаль,
вместившую Вселенную меж нами.
И жизнью, отчеканенной годами,
за миражи без жалости плачу,
и чувствами любви в твой мир лечу.
Заворожён я призрачной мечтой,
что где-то ты живёшь и гредишь мной.

РОМАНТИКА СОЛЁНАЯ

Когда над чёрным морем
терялся свет луны.
и ветер на просторе
рвал сумрак тишины,
и волны вал за валом
метались к небесам,
качаясь со штурвалом,
я судном правил сам
по заданному курсу,
по створкам маяков -
и было мне по вкусу
работать моряком.
Эх, палуба смолёная,
надстройки, такелаж —
романтика солёная,
моя морская блажь.
Ты заходила в гавани,
чтобы уйти опять,
и тосковала в плаванье
о тех, кто может ждать.
И горизонт полоскою.
как будто рядом был.
Жизнь не казалась плоскою.
На всё хватало сил.
Где спорилось — там ладилось
и верилось в себя.

И сердце не таило злость,
прощая и любя.
Но что-то перепуталось -
фарватер обмельчал.
И сразу же сместилась ось
земли, где есть причал...
От кораблекрушения
я до сих пор плыву
к материку спасения
в мечтах и наяву.

* * *

Улыбнётся, встрепенётся
у накрытого стола.
Нежно к сердцу прикоснётся:
«Я всегда тебя ждала».
И печальные сединки
вдруг исчезнут в суете.
И разглядятся морщинки
в вечной, женской красоте.
И обнимет робко, грустно,
от волнения дрожа,
будто вновь в объятьях пусто,
будто я из миража.

* * *

Что мы для Вечности? И Вечность что для нас?
Любовь? Мечта? Реальность? Бесконечность?
А может, это тот грядущий час,
когда восторжествует человечность?
Когда исчезнут злоба и обман,
и лишь в преданьях отзовутся войны,
растает демагогии дурман,
земляне будут мирны и достойны
Божественного Смысла — Человек?!

* * *

Войди в лесную глушь. Душе дай райский отдых.
Вдохни щебечущий, хмельной, без смога, воздух.

Испей живую, из ручья, без хлорки, воду.
И может быть, поймёшь, зачем беречь Природу.

* * *

Наш день ушёл. Остался вечер.
Бунтует пламенем закат.
Испепелил он радость встречи
и боль пожизненных утрат.
В нём догорают наши грёзы
и заблуждения весны.
Лишь Вечность звёзды, словно слёзы,
в грядущие роняет сны.

ВЫЗОВ

Однажды ночью
на перекрёсток
упали звёздные осколки.
Я их поднял —
и на ладонях
они, как космос,
заискрились.
Я бережно
держал осколки,
но их мерцание
тускло
обыкновенными углями.
Тогда я вспомнил
о кометах
и...
бросил вверх
остатки пепла.
Мне показалось -
вспыхнул пепел,
но падал он.
И мне на волос
попало несколько крупинок.
Я утром
седину увидел

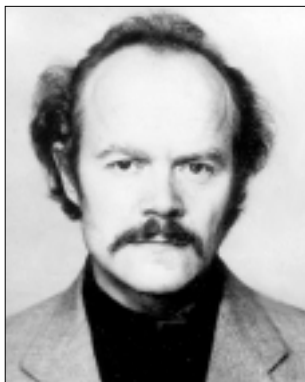

и понял,
что ничто не вечно,
и, если звёзды угасают,
то жизнь моя
в мирских заботах
исчезнет,
не оставив пепла.
Но я пошёл
навстречу солнцу
и гимн запел
о вечной жизни...
От песни
люди просыпались
и принимались за работу.
Они-то
знали
правду жизни.

Борис Васильев-Пальм

ПЕРЕД КАРТИНОЙ И. ЛЕВИТАНА «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»

Когда я думаю о звонах,
о голосах колоколов,
вовсю малиновых, зелёных,
летающих вдаль поверх голов,
мне вспоминается не Герцен,
а им разбуженное зло.
Я размышляю с болью в сердце:
родителям не повезло —
не слышат, как, после запретов,
их детства музыка плывёт
над возрождением без Советов,
от славной древности вперёд,
призывом жить без потрясений,
напоминаем: с нами Бог...
Но колоколен звон весенний
вполне утешить — нет! — не смог.
Молчал он дольше полувека,
и в той зловещей тишине

болела вера в человека,
лечить которую не мне.

* * *

Из Кремля, кабака или штольни,
при делах при людских и проделках,
каждый судит со своей колокольни
хоть о сути бытия, хоть о девках.

У Ивана колокольня уролога,
у Олега позиция ратника,
у Сергея платформа эколога,
у Ерёмы толкованья привратника.

Тот здоровый, а тот калека,
та чиновник, прядильщица эта...
Словом, как ни крути, ни кумекай,
точка зренья вообще человека
может быть только в сердце поэта.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Стоят молчаливые сосны,
бегут говорливые реки,
забыв до ближайшей осени
о синеватом снеге.
Зелёное нежится лето,
себе на ромашках гадая,
о том не заботясь, что где-то
в пути уже осень гнедая.
Цветы о грядущем не тужат,
осыпаны солнца дарами...
А я вдруг почувствовал — стужа
зимы моей не за горами.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЦВЕТАМ НА МОГИЛУ МАТЕРИ

Скольким я тебе обязан, мама!
Жизнью — это всё-таки судьбе,
а что выжил посреди бедлама
и запел, спасибо лишь тебе!

Батюшкины сила и таланты,
но ума сердечность от тебя...
Нам кариатиды и атланты
завещали ношу бытия
с музыкой её архитектуры,
с хороводом радостей и бед,
и хлопот, что не клевали куры...
Покаянно я даю обет:
как бы ни глумились вражьи силы,
всю в узлы свивая Парки нить, —
к благу моему твоих усилий
жалобой на жизнь не осквернить.

СОВЕТ

Утро встречайте улыбкой
за обещание дня, —
этой субстанции зыбкой
от неземного огня.
День провожайте молитвой:
вечной не стала бы ночь,
где ни слезами, ни битвой
солнца лучам не помочь.
Мира незваные гости,
жизни нечаянный дар,
в бездну унынья не сбросьте,
встретить умейте удар
Рока прознаньем ошибки...
Каркает пусть вороньё,
вы ж, не скупясь на улыбки,
делайте дело своё!

* * *

М. С.

Вот и вечер, и ветер с прохладой, —
дуновение «той» стороны...
Чем же я себя в сумерках радую
под звучанье минорной струны?
Только памяти крепкой провалами,

да извечным полётом мечты,
да цветами надежд небывалыми,
ибо мне улыбаешься ты!

ПОЭТУ, ИЗМЕНИВШЕМУ МУЗЕ С ГАЗЕТОЙ

О, несчастный в полной мере;
ты, как пленник на галере
в кабинете у окна,
а ведь жизнь всего одна...
Чем прикован ты к газете, —
пылесосу новостей,
почему живёшь на свете
без движенья, без затей?
В полутёмном кабинете
в стол упёрся твой живот...
Мне казалось, что в поэте
пилигрима дух живёт,
дух причуд и авантюры,
любопытности дух,
что поэт - певец природы -
жив, как минимум, за двух...
Извини, тут не упрёки, -
зависть тут, едрёна вошь!
Как учитель, ты уроки
мне сидением даёшь:
дескать, всё, мой друг, на свете
маета и суета,
и в сидячем жизнь поэте
всех живей, коль есть, мечта!

ОБРЫВОК «ЦЕПОЧКИ ДЛЯ КРЕСТИКА»

*

«Никогда», — канючил ворон По Эдгара...
Никогда не говорите «никогда».
Никогда не забывайте: жизнь — подарок,
а плохой подарок — это не беда.

*

Не беда, что ты талантливый не самый,
бедный пасынок славянских двух держав,
а беда, что под чужими небесами
оказался, никуда не уезжав.

*

Не уезжав своей Отчизны за пределы,
вдруг иностранцем оказался в одночасье,
и этот фокус политических проделок
хозяйка новая велит считать за счастье.

*

За счастье можно посчитать любое чудо,
когда хоть что-нибудь при том не станет гаже...
Но если «плохо» превратилось в «очень худо»,
то не нужна мне «незалежність» даром даже.

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ, НЕ НАПИСАННЫЕ МОИМ ОТЦОМ»

1

Северного сполохи сиянья
пляшут у оленя на рогах...
Красочные неба подаянья
круга заполярного в руках,
задником над синей тундры сценой
повисят и — в хороводный пляс!
Вот концерт бесплатный и бесценный...
Я о нём точить не буду ляс.
Не расскажешь. Надо видеть. Даже
кистью в красках, нет, — не написать.
Только тянет в забубённом раже
так же над оленем поплясать.

2

Глухарей по борам токованье,
над болотами свист куликов,
светотенью зари рисованье,
небеса в кружевах облаков;

по растениям живности шорох
с еле слышным в траве родником,
струйкой дыма от выстрела порох
с папиросным на пару дымком,
ароматами северной флоры,
сотворяющий хмеля букет,
и с медведем смертельные споры,
где просчёту прощения нет;
и с форелью речные пороги, —
давних, детских мечтаний предел, —
вот на что поменял я тревоги
городских нерешаемых дел.

НАПОМИНАНЬЕ В УТЕШЕНИЕ

Не летаешь во сне, не рождаешь стихов
и красавицам больше не нужен,
поседел, польсел от забот и грехов,
ветром веяний новых простужен...

Если то, что пропел молодым соловьём,
растворилось в чужом, позабыто,
поросло, так сказать, пресловутым быльём,
то есть, умерло или убито,
не горюй, не тужи, устаревший поэт,
не суши себя, завистью мучась:
кому год, кому век, кому тысяча лет,
но у всех одинакова участь.

Галина Дмитриюкова

* * *

Обида сердце больно обожгла,
Напоминает о тебе и не проходит.
Зачем ко мне ты больше не пришла?
И почему любовь с тобой уходит?
Скажи, зачем тревожишь по ночам,
Своим прикосновеньем осторожным,
Зовёшь и мучаешь...
Ты свет моим очам,
Но жить вот так
Мне больше невозможно!
Обида жжёт, душа моя горит,
Напоминает болью о себе.
И сердце от любви сильней болит,
Горит душа и тянется к тебе.

* * *

Я так рыдала в поезде ночном,
Когда с тобой надолго расставалась.
Со мной тогда любовь твоя осталась

И память лишь о лете золотом.
А поезд только скорость набирал,
И сердце от тоски сильнее сжималось.
Уже тогда ты это понимал,
Что нам с тобою встречи ждать осталось.
Но только я не приняла всерьёз
Разлуки той тогда, в прощальный час.
Я улыбалась и не замечала слёз,
Они уже ручьём текли из глаз.
Застыло всё в молчанье, только я
Ловила взгляд меж пропастью разлук, -
Его из прошлого с собой взяла.
Из настоящего - движенье наших рук.

* * *

В. К.

Глаза твои,
Насмешливые, серые.
Так строго
И так пристально глядят.
Над нами птицы,
Глупые и смелые,
К своей судьбе,
Наверное, летят.
Вдали синееет моря
Даль безбрежная,
И ветер запах трав
С собой несёт.
В моей руке
Лежит травинка нежная.
Твои глаза
Сказали мне не всё.

* * *

Ты далёк и высок, словно Бог.
Между нами стена из теней.
Удержать поцелуем бы смог
Ты меня у раскрытых дверей.

Между нами былого туман,
Застилает минувшие дни,
Суеты каждодневный обман.
В нашем мире мы только одни.
До тебя я дотронусь рукой
И в глазах потемнеет, поверь.
И когда я увижусь с тобой,
Не забудь про раскрытую дверь.

* * *

За правду дорого плачу.
Как будто сердце разрываю.
На стрелы дерзко я скачу,
Про страх и боль я забываю.
Неси меня, мой конь, вперёд,
Ты тоже жаждешь победы.
Настал, наверно, мой черёд
Идти в поход, как наши деды,
Что за отечество своё
Сложили головы седые.
Им песни славные поём,
Они остались молодыми.
И в душах наших, и в сердцах
Любовь останется к Отчизне.
И песню Славы об отцах.
Живущие поют на тризне.

* * *

Поплачь о нём в последний раз.
Как слёзы душу беспокоят,
Хоть чувства этого не стоят.
Побудь в них. С ним. В последний раз.
Забудь его глаза и речи.
В окне чужом ты видишь свет.
Неужто он — любви предмет?
Зачем надеяться на встречи?
И тихо шепчет голос строгий:
«Забыла гордость ты свою.»

Я о любви своей пою,
В печали и немой тревоге.
Хочу в любви последний час
К губам дотронуться любимым,
К рукам его нетерпеливым.
Хочу любить ещё хоть раз!

* * *

Я по глади морской
Заскольжу, как по льду,
Закружусь в искрах звёзд,
Опустившихся с неба,
Что смотрели с тоской
На планету-звезду,
Что зовётся Землёй.
Ты там не был? Там не был...
Так кружилась, и вновь
Уносились я в небо...
Там повсюду любовь.
Ты там не был... Там не был.
И Медведицы ковш
Я руками держала,
И на Млечном Пути
За судьбою бежала.
В тёмном зеркале снов
Я себя узнавала.
И в созвездьях Цветов
До утра танцевала.

* * *

Вот скоро май...
Ковром зелёным скоро
Покроется вся скифская земля.
Прекрасный край,
Тобой любимый город
Уж ждёт весну, но только без тебя.
Пройду по улице,
Так, с детства, мне знакомой.

Там за углом акация цвела.
В осенний день, какой-то бестолковый,
С тобой меня тогда судьба свела.
Теперь весна
Стучится во все двери,
Но ветер зимний сердце остудил.
Я знаю, что ты ждал, и что ты верил,
Что наше счастье где-то впереди.

* * *

Я без приглашения пришла...
Не по правилам, так некрасиво очень.
Просто захотела или зашла,
Вспомнив затянувшуюся осень.
Ты такой растерянный стоишь,
И глядишь счастливыми глазами,
Руки жмёшь, отчаянно молчишь,
Скрыть смущенье хочешь за словами.
Ты, наверно, впрямь не ожидал
Моего неожиданного визита,
В суматохе будней пропал
И не знал про мой визит транзитный.
Я без приглашения пришла.
Не по правилам. Я знаю: некрасиво.
Просто захотела или зашла.
Почему же ты стоишь счастливый?

* * *

Ты видишь, как я неутешен,
В немой тоске я слёзы лью.
Прости, я тоже не безгрешен,
Я так люблю тебя, люблю!
Зачем хранишь со мной молчанье?
Играешь в детскую игру.
Давать не стану обещаний:
Не выдержу, заговорю.
Теперь, когда за дверью стужа,
И дождь стучит в моё окно,

Как никогда, мне очень нужно
Лицо любимое одно.
Мы в жизни каждый день играем
В свою серьёзную судьбу.
И каждый день мы выбираем:
Любовь, терпение, борьбу.
Так надоели злые будни,
Дела, заботы вновь и вновь.
Хочу я, с ночи до полудня,
С тобой болтать лишь про любовь.

* * *

Я сожгла твои письма,
Чтоб больше об этом
Не помнить.
Лишь осталась тесьма
С перевязанных прожитых лет.
И как будто глаза твои
Смотрят устало и томно,
Только нет сожаленья
И знаю: любви больше нет.
Я сожгла твои письма.
Вернуться мне больше
Не хочется.
И гореть в той любви
Мне с тобою уже не дано.
Но теперь я сама,
Как пророчица,
Твёрдо знаю одно:
Что любимую быть - суждено.

* * *

Волкову Володе

Мне очень хорошо с ней,
Знаешь, мама...
Мне с нею просто повезло, легко.
Она покладиста, умна и не упряма,
Но жаль, она не любит никого.

Ах, мама, я о ней часами
Мог говорить бы,
Легче б стало мне.
Но она стоит перед глазами,
Не даёт любовь покоя мне.
Знаешь, мама, это очень больно:
Сердце по кусочкам разрывать.
Но быть может хватит? Всё! Довольно!
Что напрасно думать и страдать?
Только знаешь, мама, хорошо с ней!
Эту истину я с ней постиг.
Для неё, как жертвуя последним,
Я бы даже бороду остриг!

* * *

Не говорите женщинам слова,
Которые так сердце ранят.
Поймите, что любовь всегда права,
Она простит и не обманет.
Не говорите женщинам слова,
Что убивают жизнь и все надежды.
Не говорите женщинам слова
Жестокие. Оставьте всё, как прежде.
Не говорите женщинам обидных слов:
Они — нежны, они — весны творенье,
Они живут в мечтах,
В плену прекрасных снов,
И ждут любви и поклоненья.

* * *

Я помню день и час твоей любви,
И солнечный июнь, усыпанный цветами.
Наверное, сам Бог благословил
Любовь, тогда возникшую меж нами.
Беспечно плыли в небе облака,
И слышен был ворчащий шум прибоя,
В твоей руке была моя рука,
В поющем сердце не было покоя.

Я помню: босиком, среди камней,
Под музыку фристайла танцевали,
И как от многочисленных друзей
Куда-нибудь пораньше убегали.
Мы жили каждым часом, каждым днём,
Минутой, излучавшей радость встреч,
Мы жили каждым вздохом, каждым сном,
Прикосновением случайным наших плеч.
И было солнце, море и любовь,
И было счастье, Вера и Надежда.
Я вспоминаю это вновь или вновь.
И кажется, что всё почти, как прежде.

* * *

Господь Спаситель!
Помоги мне жить
С Надеждой, Верой
И Любовью в сердце.
Отраву зависти не пить,
Не поддаваться славе скверной.
Не омрачать свои глаза
О блеск чужих камней и злата.
Memento mori, так сказать:
Нас всех застанет час расплаты.
Ты научи меня прощать
Своих родных любимых, близких.
Врагов в друзей не обращать
И избегать поступков низких.
Надежды светом озари!
И с Верой укажи мне путь,
Любви мгновенье подари
Ещё хоть раз, когда-нибудь.

Фанна Дернй

* * *

Нам осень демонстрирует наряды,
Всю сочность красок дивных показав —
То изумрудной зелени каскады,
То желтизну горохом разбросав.
 А как в убранстве хороша багряном,
 Вся полыхая огненным костром!
 И поздние цветы пьют воздух пряный
 И под ноги ей стелются ковром.
То, нам давая знак, что растается,
И уж надолго покидает нас,
Вся в золото одетая, несётся
С весёлым ветром в свой прощальный час.
 И золотое с шеи ожерелье
 Роняет на ходу и, не собрав,
 Уносится, спешит, без сожаленья
 Оставив на руках увядших трав.

* * *

Мой родительский дом...
И в преклонных годах

Оживает опять память детства.
Там с берёзовым ситцем
В прозрачных лессах
Было отдано всё нам в наследство.
Там малины кусты —
Сочной, спелой, лесной.
А грибов — только знай, где таятся!
Сколько ягод тогда
Было собрано мной!
А теперь... лишь во сне они снятся.
А за домом — поляна.
Ручей протекал.
По краям у него — незабудки.
Серебристо и нежно
Ручей тот журчал,
А в запруде — крикливые утки.
И черёмуха долго
И пышно цвела.
И ромашки совсем не такие.
Но судьба, не жалея,
Меня увела.
И теперь — «заграница» Россия.
Никого не виню.
Просто хочется мне
Вновь там быть,
Побродить босоногой
По прохладной росе,
Посидеть в тишине
Там, где дом был.
Хотя бы немного.

* * *

Положила руки на колени —
Вены все набухли, налились.
Сразу ясно: жизни все ступени
Очень тяжело для тебя дались.
С хрупкою фигурою девчонки,
Но — уставший взгляд и седина.
В кофточке и ситцевой юбчонке,
Ты сидишь задумчиво, одна.
Что ты вспоминаешь? Что волнует,

Не даёт тебе спокойно спать?
Пусть тебя плохое всё минует,
Милая и ласковая мать.
Пролетело время и твой голос
Не поёт мне песен прошлых лет.
На лице морщинки, да или волос
Выдают твой возраст. И уж нет
Шума в доме, где гостей встречали,
Суеты предпраздничной, пустой.
А ведь мы совсем не замечали
Твоих лет. Считали молодой.
Ты прости нас, мама, за седины,
За печаль в глазах твоих прости.
Улыбнись, как прежде. Мы — причина
Твоих слёз на пройденном пути.

КИЕВ-САД

Каштаны Киева в цвету,
Вечерний свет огней —
Храню твой облик, как мечту,
Как песнь души моей.
Прекрасней Киевских ночей
Нет, и синей — Днепра.
О, Киев, свет моих очей,
Сказать пришла пора,
Что соловьи не зря поют
И встречи сердце ждёт.
Степей украинских приют
Меня опять зовёт.
С днепровской кручи хорошо
Видны твои сады.
В тебе давно поэт нашёл
Сияние звезды.
О, город-сад, любимый мной
В любые времена!
О, город-труженик, герой,
Седая старина.
Цвети всегда и восхищай
Красой своей сердца.
Любовью щедро оделяй
И радуй без конца.

Всё, изученное в высоту,
Воссылаем на путь неизбежно.
Я, конечно, всё это учту.
Но вдруг кажется: всё безнадежно!
 Может быть, я уже не приду,
 Не вольюсь в этот мир на планете.
 И никто, и никто не ответит,
 Не докажет, что жизнь обрету.

* * *

Зачем ты позволяешь им
В присутствии твоём так сквернословить.
Пускаешь в воздух сигареты дым,
Себя, быть может, хочешь успокоить?
Казаться в их глазах совсем не той,
Что есть сегодня ты на самом деле?
Двоишься ты. Идёт жестокий бой.
Как хочется помочь тебе порой,
Чтобы в тебе другую разглядели!

* * *

Ты пришла! Счастливей нет момента!
Я от счастья растерялся вдруг.
Ты прости: в хозяйстве у студента
Лишь кастрюля, да чужой уют,
 Раскладушка, табурет скрипучий,
 Чайник для заварки даже есть.
 Но скажи, какой сегодня случай
 Мог тебя ко мне вот так привести?!
Да присядь! И будь со мной смелее.
Просто я тебе сказать хотел —
Мы давно с тобою повзрослели.
Раньше бы я даже не посмел
 Так вот говорить с тобой, смеяться.
А сегодня я тебя молю:
Ну, давай не будем расставаться!
Потому что я тебя... люблю!

Синичка тенькает так звонко, весело,
Как солнце вешнее ласкает с нежностью.
И ива старая всю развесила
Как нитки — веточки, с большой поспешностью.
 И раскрывал миндаль свои глаза-цветы,
 И тополь радостно серёжки сбрасывал.
 Всю весна шумит! Но где же, где же ты?
 Я о тебе давно у сердца спрашивал.
И я ищу тебя, хожу по улицам.
Я знаю: ты придёшь, я подожду.
Ты — моя женщина, будь моей спутницей.
Я всё равно тебя найду, найду!

Ах, научи меня любить!
Любить всем сердцем, всей душою.
И быть всегда, всегда с тобою,
И радости с тобой делить.
 Ах, научи меня любить!
 Любить открыто, не таиться,
 И быть всегда — на взлёте птиц,
 И тяжести не ощутить.
Ах, научи меня любить!
И, если горе вдруг нагрянет,
Моя любовь лишь крепче станет
И не порвётся её нить.
 Так научи ж меня любить!
 Любить так ласково и нежно,
 Порывисто и безмятежно,
 Звездой в пути тебе светить!

О, девочка моя, ты подрастаешь,
И в зеркало бросаешь чаще взгляд.
И всё находишь что-то, подмечаешь —
В лице, в одежде и во всём подряд.
 Ещё пока ты судишь неумело,
 Пока совсем наивна и робка,
 Но ищет строки о любви несмело
 Твоя, такая нежная, рука.

Не торопись найти любовь быстрее,
Не торопись! Она тебя найдёт,
И будет для тебя ещё милее,
Когда вдруг, неожиданно, придёт.
Как можно дольше, будь ещё ребёнком:
Такое не вернётся никогда.
И беззаботный, радостный и звонкий
Смех остаётся в детстве навсегда.
Когда придёт любовь — ты повзрослеешь
И будешь по-другому всё ценить.
Но не спеши в любви: она умеет
Таких, наивных, в сети заловить.
А в юности любовь всегда прекрасна,
Всецело юность отдаётся ей.
Вот этим-то порой она опасна.
Но... встретиться тебе желаю с ней!

* * *

Быть в жизни вместе — это просто чудо,
А до седин любить — чудо вдвойне.
Не уходи, не уходи, покуда
На путь последний не укажут мне.
Не уходи, когда в пылу горячем
Несдержан буду я и даже груб.
Не уходи, когда буду незрячим,
Не поцелую рук твоих и губ.
Не уходи, когда услышишь сплетни —
Есть в людях зависть. Ещё много зла.
Не уходи! За трудность многолетний
Прости меня, как ты всегда могла.
Не уходи, когда я, изнурённый,
Изрядно поуставший, замолчу.
Знай, солнышко моё, что я — влюблённый,
И, как впервые, быть с тобой хочу.

Александр Бойченко-Керченский

КОЛБАСА

рассказ

Случилось это в тридцать девятом году. Мне тогда исполнилось одиннадцать. Отец мой затеял строить новый дом. Как известно, в таких случаях денег не хватает. Наши родственники научили родителя выжигать известь.

Спрос на неё был большой круглый год. Город сиял голубизной. Хозяйки белили дома два раза в год: под Пасху и Октябрьские праздники, и ещё в течение лета подбеливали после дождей и пыльных бурь. Не дай Бог, чтобы у какой фасад дома выглядел хуже других! Она в доску разобьётся, а сделает лучше и красивей. Рядом соседка — за щётку, и давай наводить, как говорил отец, «марафет».

Родитель, широкоплечий, невысокого роста, сильный. Для солидности, носил усыки «бабочкой».

Хотя новое ремесло и трудоёмкое, он освоил его быстро, благодаря своей силе. Выжигать выжигал, а торговать на базаре не мог. Не было у него на то разрешения. Выход нашёлся. Отец стал возить на подводе известь по деревням.

В то время такие деревни, как Капканы, Опасное, Еникале, в состав Керчи не входили. Об автобусах понятия не имели. Если

кому нужно на рынок — пеши добирались до Колонки (так назывался посёлок при заводе Войкова). Там садились на трамвай, а кто имел лошадь, тому проще.

Имелась и у нас своя лошадь. Подвода загружалась с вечера. В летние каникулы отец будил меня в четыре утра и я шёл на Старое кладбище за Симкой, так звали кобылу.

Обычно перекидал через плечо уздечку, как портупею, и сонный брёл на кладбище. Однажды даже столкнулся со столбом и набил шишку на лбу.

На кладбище я не боялся. В это время уже рассветало. Дома рядом и церковь неподалёку, да нет-нет, кто-нибудь выглянет из ворот. Симку находил по бряцанию железного пута, похожего на кандалы. Лошадь паслась среди памятников и крестов. Обычно, с них и садился на кобылу.

Выезжали мы часов в пять. Я сказал «мы»: отец брал и меня. В мою задачу входило кричать: «Бабы, звёстка!»

Отец поправлял: «Не звёстка, а известка». Но я гнул своё. Мне без «и» было проще. В конце концов, родитель махнул на меня рукой и сказал:

— Потому у тебя по русскому письменному выше «посредственно» оценки не бывает...

Любил я такие поездки. Это как бы путешествие в неизведанную страну. Бывали мы и в рыбацких посёлках, и в сёлах, и в деревнях. Видел, как рыбаки тащили волокушу, это невод такой, и вываливали на жёлто-красный песок живое серебро. Оно трепыхалось и блестело на солнце. Чего там только не было: ставридка, скумбрия, барабулька, селёдка, кефаль и конечно, бычки.

В деревне видел локомотив на току. Это такая паровая машина. Она крутит молотилку, а следом пожирает в топке солому. Но главная моя обязанность — кричать.

Однажды я охрип и кричать не мог. Отец озабоченно спросил:

— Где тебя носило, что голос потерял?

— Бузу холодную выпил, — просипел я.

Жара стояла жуткая. Солнце палило землю нещадно, на небе ни облачка, серая пыль толстым слоем лежит на дороге, на зубах трещит. Иногда налетит, невесть откуда, вихрь, завертит, окружит волчком и побежит вдаль.

Отец вздохнул и сказал:

— Разве можно по такому пеклу холодное пить?

В такую жару известь долго лежать не может. Она превращается в пушёнку и привередливые хозяйки покупать её не будут.

Отец задумался. Кричать мужчине как-то не с руки.

— Найди Рыжего и скажи, чтобы утром был.

Лёнька, по прозвищу Рыжий, и в самом деле был рыжим и года на два старше меня, из бедной семьи — заработок не помешает. Я нашёл его и говорю:

— Поедешь утром с нами!

— Чего делать?

— А то ты не знаешь! Будешь кричать «бабы, звёстка!» Видишь, я охрип.

— Платить что будете?

— Это ты с батей. Знаю — харчи наши...

Утром Рыжий явился, как часы. Уехали, не позавтракав.

— Ничего, — успокоил отец, — в Капканах купим чего-нибудь.

Когда мы проезжали мимо лёнькиных ворот, вышла его мать. Высокая, худая женщина со спутанными на голове волосами. Чёрное, без рукавов, платье висело на ней, как на палке. Она глянула на нас и увидев сына, спросила:

— Ты куда уселся на мешки?

— Кричать «бабы, звёстка!»

Она молча стукнула калиткой, уходя во двор. Отец удивлённо спросил:

— Что она сказала?

— Куда я еду?

— Понятно, — буркнул отец и хлопнул вожжами по лошадиным бокам.

Симка недовольно оглянулась и засемила дальше.

Умная была животиная и обидчивая.

По дороге мы дремали, а потом Рыжий кричал:

— Бабы, звёстка! Навались, у кого гроши завелись!

Торговля шла бойко. Отец доволен и подбадривает Лёньку:

— Молодец! Громче кричи!

Я лежу на мешках с известью и наслаждаюсь прохладой. Неподалёку синее море. От него дышит приятный утренний бриз, а светило всё выше и выше. Скоро припечёт так, что дурно будет, как выражается моя мать. Неожиданно отзывается Рыжий:

— Дядька Иван! Кишки марш играют! Пора червячка заморить.

— Сейчас, — успокоил его отец, — будет рыбооповский магазин...

В то время в Капканах в Рыбкоопе работали пекарня и колбасный цех. У магазина отец привязал лошадь к дереву и направил-

ся к дверям. Мы увязались за ним. У прилавка осмотрелись. На полках кроме хлеба — ничего. В этот момент две женщины внесли в помещение, в большой конской корзине, аппетитные кольца полукопчёной колбасы. Лёнька сглотнул голодную слюну, облизал сухие губы и вздохнул:

— Были бы деньги — целое кило съел бы.

— Да ну?! — удивился родитель.

— Съем! Ещё и мало будет!

— С голодухи?

— Спорим! — горячился Лёнька.

Он почувствовал, что выпадает момент нашармака наестся аппетитной колбасы. Поспорили. Условия такие: если Рыжий съедает, — за время моей болезни, отец платит за работу вдвойне; если не осилит — месяц кричит бесплатно.

Мы отъехали от магазина в тень раскидистой акации, а с моря тянет бризом. Родитель подставил лицо к потоку освежающего воздуха и решил:

— Здесь будет хорошо!

Пока он привязывал к дереву лошадь, вешал ей торбу с овсом, Лёнька за это время умял одно кольцо. Я наблюдал за ним с открытым ртом и удивлялся, с какой жадностью он ел. Батяка, управившись с лошадьёю, глянул на Рыжего и забеспокоился:

— Ты повременил бы. От горячей плохо будет.

— От такой колбасы плохо не бывает, — промямлил он набитым ртом.

Мы съели по кусочку, запили молоком и наблюдаем за ним, а он кончает килограмм. Отец покачал головой:

— Ещё окочурится! Отвечай тогда!

— Ничего не будет, — заверил Лёнька и погладил голый живот. — Красота! Пузо, как барабан! Всё съел, дядька Иван.

— Вижу, — буркнул родитель. — Чёрт меня дёрнул.

Вообще-то батяка был весёлый и с юмором. Непрочь разыграть кого, но на этот раз почему-то встревожился. И не напрасно.

Мы поехали дальше. Когда Рыжему надо было кричать, он схватился за живот и соскочил с подводы на ходу. Отец оглянулся.

— Ты куда?

Лёнька мчался к кустам. Подвода стала. Ждали Лёньку долго. Наконец родитель не выдержал и крикнул:

— Ты скоро?

В ответ послышалось, как он блюёт. Отец облегчённо вздохнул и усмехнулся:

— Обожрался Рыжий. Раз блюёт,— жить будет.

Лёнька вышел из кустов, лицо — белей извести, сам дрожит, словно от лихорадки, и держится за живот.

— Ты, дядька Иван, пожалел колбасы,— обвинил он родителя.

— Дурак! Я говорил — не спеши.

Отец ударил кнутом ни в чём не повинную Симку и подвода покатила дальше. Созывать женщин пришлось батьке. Я едва хрипел, Рыжий корчился на мешках с известью и стонал, а отец ворчал:

— Тоже мне, помощнички...

Позже, вспоминая эту историю, он сказал Лёньке:

— С колбасой получилась ничья. Ты вроде бы съел, а фактически нет.

Рыжий вылупил глаза и, не сказав ни слова, ушёл. Отец пожал плечами:

— Обиделся!

После этого случая Лёньку воротило от одного колбасного запаха до самой его гибели.

Погибли они оба. Отец — в обороне на Перекопе, в сорок первом году, в октябре. Лёнька — месяцем позже.

Первое, что сделали гитлеровцы, войдя в город, издали приказ о явке всех евреев на Сенную площадь с харчами и вещами. Когда Рыжий шёл, с большим баулом на плече, я спросил его:

— Ты куда?

— Так приказ.

— А ты не ходи.

— Не могу. Ты видишь, сколько сеструх, и мать больная.

Я сосчитал: девчонок пятеро, от восьми до пятнадцати лет. Каждая несла небольшой узелок, у матери тоже что-то в руках.

— Да-а-а! — вздохнул я.

— Ещё говорят,— продолжал Лёнька,— будто нас отправят в Палестину.

— Ну, что ж, поезжай. Пиши!

Мы тогда не знали, что 29 ноября 1941 года всех евреев расстреляют в Багеровском рву под Керчью.

Прошли года. Нет-нет, да вспомню Лёньку, историю с колбасой и грустно усмехнусь:

«Земля вам пухом, павшие солдаты и невинные жертвы».

Людмила Храмкова

КЕРЧАНАМ

Пусть будет счастлив —
Каждый, здесь живущий!
О павших память —
Вечна и светла...
Вам, молодые, —
Поколения грядущих,
Вершить и множить
Добрые дела!

ПАНТИКАПЕЙ

Край благодатный
Сказочной Тавриды,
Где не окинуть
Взглядом горизонт, —
Обласканный
Древнейшей Меотидой
И Чёрным морем,
Что когда-то звали Понт.
Просторы нив твоих —
Необозримы, —
Целебны воды —
Двух твоих морей...

Не зря зовёшься
Житницею Крыма,
И колыбелью
Замечательных людей.
Собрал людей
Особенной породы
Наш светлый город
У боспорских берегов.
Здесь дружную семьёй
живут народы —
Различных вер,
Традиций и веков.
Живи, наш город!
Набирайся силы!

На радость каждому —
Тавриде всей.
Храни людей,
Священные могилы
И имя светлое —
Пантикапей!

НА СТРАЖЕ...

Летят века...

Стареют лики, даты...
Но Он — бессмертен!
Будет!

Он — вечен!
У подножья Митридата —
Сверкнувшею звездой
Навсегда застыл...
Здесь — гений Пушкина —
Неугасимый пламень.
Храни, Пантикапей,
Его великие следы!

Стоит Поэт —
Краеугольный
мира

На страже
слова
и духовной
чистоты!..

НАШ ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ...

В одном поэты несвободны, —
У совести своей в плену.
Но этот плен в крови народной
И присягами мы — ему...
Свободны мы! Хотя могли бы...
Что несвободны — это чушь!
С судьбой страны — свободный выбор!
С криницами славянских душ!
И на Востоке, и на Западе, —
Коль грязь в душе, она повсюду грязь,
Поэт в душе десяток заповедей
Навечно носит, не гордясь!
И лишь они — наш хлеб насущный!
Оружие и тыл, и смысл!
Поэтам всем одно присуще —
Поэт живёт вне стран или числ!..

НИТЬ АРИАДНЫ

Б. З.

Нить Ариадны —
Тончайшая, верная нить, —
Та, что теперь, на последнем,
Высоком пределе...
Мы её сможем сбечь,
Удержать, удлинить, —
Только б понять
И услышать друг друга
Сумели...
Это от сердца до сердца
Крепчайшая связь,
Что ни побед, ни обид,
Ни долгов не считает...
В Книге Судьбы это —
Вечная, вещая вязь,
Ей, чтобы жить, —
Даже мига от счастья
Хватает...
Это — живая, святая,
Священная явь...
Наша родная, извечная,
Звёздная память...

Ты не теряй, не предай её
И не оставь,—
Если порвётся — уже ничего
Не исправить...

ПОД ЗНАКОМ ВЕЧНОСТИ

Горизонт окрашен
перламутом,
Даль шафранным
заревом горит.
Свежестью встречает
землю утро,
И о вечном
вечность говорит...
Как она мудра
и беспечальна,—
Речь её —
доступна и проста.
Начать бы жизнь,
как день, сначала,—
Поэмой с чистого листа...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Как в первый День
Творенья...
Рассвет так прост и свят.
Всё — вне ссуда и быта.
И не распята истина ещё.
И не избита.
Бесспорна.
Неподсудна.
И одна...

СВЯТАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Твои глаза
Любимые —
Рассвет в лицо!
В них — моря синь!
Его — безбрежность!
И солнечную
Ниточкой

Кольцо —
Тебе
Святая
Принадлежность...

ВСЁ...

О! Как немного,
Как немного надо мне...
Всего лишь знать —
Что я нужна тебе,
Любима...
Что мы с тобою
С каждым днём родней,—
И больше ничего —
И ничего —
Помимо...

* * *

С тобой из жизни
Ничего я не забыла.
Не зачеркнула
Ни добра,
Ни зла.
Влюблённой не была —
Всегда любила.
Бережно и просто,
Как свечу несла.

БЕССОННИЦА

Бах-у

Несмелый осенний ропот, —
Фонарь загрустил под дождём,
Дождя серебристый шёпот,
Мы вместе с ним утра ждём...
А грустное небо пророчит, —
Удачу, как сказочный дар,
И нежное таинство ночи, —
Я пью, словно редкий нектар.

И рифмы загадочный трепет, —
И мысль — полуявь, полусон,
Как детский, доверчивый лепет,
Дождинок живой перезвон...
И где-то не спит и тоже
С бессонницей делит ночь, —
Чудак, на меня похожий, —
И мне ему нечем помочь...

ОСЕННИХ ИСТИН СРОКИ

Вот или осень пришла, —
Снова август забрезжил,
Горький яд принесла, —
Испытанья — надеждой.
Ни о чём не прошу, —
Стала бережней, строже,
Каждым днём дорожу, —
Каждый миг стал дороже...
Я святой не была, —
Как или все — не безгрешна,
Тяжкий крест свой несла,
Как удел неизбежный.
Ни на что не ропшу, —
Жду осенней пороши, —
Всё люблю, всё прощу,
Осень всё же? Похоже...
Я её не ждала...
Ну, а жребий уж брошен...
Бесконечно мала —
Ткань шагреновой кожи...

Василий Нестеренко

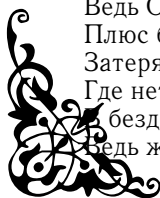

МЕДИТАЦИЯ ДЛЯ ЖЕНЫ С КАМИНОМ

Оставьте

мгновения ради беспечную Вечность.
Ей дела до истины нет (лишь бы длиться ещё).
Но в это мгновенье впечатана вся бесконечность.
Вас молния светом окутает, словно плащом!
Не слово, а мысль источая, исполнятся споры.
(Ведь Вечности только бы спорить,
бесмысленно длясь).

А женщина в тёплой постели, а Бог под забором?
Он любит её, да неловок: заборы, да грязь.
Кто весь и везде ненасытимо-неугомимо?
Не с Богом в разборке, срываем цветы по весне.
Ведь Он — это ты, так неловко крадущийся мимо.
Плюс брама камина (ах, дама, что нежится в ней...).
Затерянный в небе, отыщется в тёплом уюте,
Где нет ни мгновений, ни чисел, а всё и сейчас.
В бездонности помысла или отсутствии сути.
Ведь женщина спит и Любог растворяется в вас.

Но это не всё! Поднимая планету из пепла,
На Млечном Пути дай от Вечности ей отдохнуть.
От антимгновений она исчезала и слепа,
Летя из нелепости в непоправимую суть.
Божественным гимном твою умножая взаимность,
ПЛАНЕТУ ЛЮБВИ

пламеняя во взоре любовом,
Пленя и алкая ответное око камина,
ВОВЕК НЕ ПОКИНЕТ

НЕМЕДИТАТИВНЫЙ

ЛЮБОГ!

ТЕАТР

«Причина подавления — любовь.» —
Сказал Жуан и навернул Кончитту.
И режиссёр не объяснил причины.
На сцене был президиум, конвой.
Ещё любовники, уже враги.
Белела сажа. Подражая крыльям,
Твоя душа бесилась от бессилья,
Что полюбила, да не с той руки.
Давило небо. Маленький плейбой,
Охотясь за тобой, сорил микробы.
И прессовал охотников беззлобно
Экспресс-автобус, едущий в любовь.

ПАУК

На паутине радиальной —
Живых сердец материки.
(Как бы в авосечке астральной,
Планета поймана в силки).
Он думал, что умрёт от скуки,
Когда б не этот бенефис.
И были щупальца, как руки,
И он играл почти на бис.
...Вернулась прежняя потеря?
Из будущего ли астрал?
В приобретение не веря,
Он старой дружбы не терял.

Но в тектонических процессах
Рвались ловушки для сердец,
Когда от счастья пела песни
Та, что попала на десерт.

Она ещё не долетала
Ни до зенитов, ни до свадеб.
Какая тоненькая талия...

Такую — только рисовать.
Но он решил, что это — лирика.
Брал, паутинкой оплетя,
Где вулканической палитрой
Материковая плита.

Сжигала злого паучонка,
Рождая новую Гондвану.
Он не учился рисованью.
Она была совсем девчонка.

КУРОЧКА РЯБА

Если б ты знала, какая
Нелепая гордость
Меня обуяла, когда
Ты сдувала пушистым крылом
По пылинке
С засиженных мест
На жилетке моей заскоружлой
Ах, у всех на виду...

А в капусте
Нашли три яйца,
Что снесла ты тайком,
Одиноко и грустно.

Они все в музее искусства.
Золотеют там день ото дня.
Птица счастья проклюнется, если
Набежала пеня
На высокие чувства
В подъезде.

А в курятнике куры поют
По складам соловьиные песни.
Мы попались: ты видишь,
Подкидыш —

Лишь маленький аист.
Но на папу с пелёнок
Похож до печёнок.
Ищут мелкие сплетни
Жучки-паучки.
Их склюют, чтоб узнать,
Что ж они там прочли.
Ты ведь знала, какая нелепая гордость
Обуяла меня от последних аккордов.
Ты кричала в сносях соловьиное скерцо,
Чтоб упало к ногам чьё-то свежее сердце.

Лариса Алексеева

СИБИРЬ

За грехи и ошибки
Заплатили сполна,
И на счастье с улыбкой
Жизнь нам Богом дана.
Чтоб любили без горя,
От земли до небес
И бескрайнее море,
И берёзовый лес.

Сибирь!

Моя любовь и родина.

Сибирь!

До боли сердца мне мила.

И дом, где под окном смородина,

И маленькая речка Сарала.

Две великих работы
На земле у людей —
Дать тепло и заботу
Для своих матерей.
И счастливое детство

Для сынов дорогих,
Чтоб сибирское сердце
Было в каждом из них.
Край могучий, таёжный,
Край добра и любви,
Коли будет тревожно,
Ты меня позови.
И с ответной любовью
От земли до небес
Принесу своё море
В твой берёзовый лес.

СЫНОВЬЯ

Разбросала судьба —
Мать в Крыму, а Василий в Америке.
И до Бога мольба
О любимом сыночке летит:
«Напиши, позвони,
Возвращайся к родимому берегу,
Ведь все ночи и дни
О тебе моё сердце болит.
Не тревожься, сынок,
Жаль, что время к закату всё клонится,
Труден жизненный путь,
Но костёр ещё ярко горит.
Всё в порядке, дружок,
Только ночью подружка-бессонница
Не даёт мне уснуть,
До утра о тебе говорит
Сердце, как уголёк,
Все вы, дети, в удачу так верите:
Стоит ей лишь сверкнуть,
И — костёр разгорается весь.
Василёк, Василёк,
В той далёкой счастливой Америке
Об одном не забудь —
Твоя мама и Родина здесь.»
Нелегко, сыновья,
В мир войти вам из возраста детского.

Здесь капризен успех,
Вновь иной фаворит у него.
Сыновья, сыновья,
За делами масштаба вселенского
Не забудьте о тех,
Для кого вы дороже всего.

ПЕРЕПРАВА

На морской переправе
Мы встречаем рассвет,
Милой русской дубраве
Украинский привет.
Светят верой и силой
В наших душах костры.
Украина с Россией —
Две родные сестры.
То на пирсах кубанских,
То в Крыму уже вновь.
В наших душах славянских
И добро, и любовь.
Пусть судьбою хранимы
Будут ночи и дни.
Мы под Богом единым
И под солнцем одним.
И с утра, и под вечер
Только море кругом.
От разлуки до встречи
Нас доставит паром.
Слава каждой державе,
Пусть не гаснут костры.
На морской переправе —
Две родные сестры.

ЗАРЕМА

Ханума, ханума, ханума,
В Украине ты — милая пани.
Земляков ты сводила с ума
Золотыми своими словами.

Ты царица и дней, и ночей,
Плод запретный из райского сада.
Яркий свет твоих чёрных очей —
Для души благодать и услада.
Чистой нежностью полон ларец,
И на счастье лежит там подкова.
А спокойствие женских сердец —
Это мира земного основа.
Для тебя море шепчет сонет
И приветствует мягким накатом.
Раньше всех ты встречаешь рассвет
На вершине, с царём Митридатом.
Никогда не спешишь укорять,
В сердце — только счастливая тема.
Как хочу я сейчас повторять
Лишь: Зарема, Зарема, Зарема.

ПЕСНЯ

Песню ты услышал, и в глазах смятенье,
Замер от восторга, кругом голова.
Что такое песня? Это вдохновенье
Сердца, что сказало лучшие слова.
Было ведь такое — шли по бездорожью,
Счастье вдруг, как солнце, улыбнулось вам.
Что такое песня? Это искра божья,
Гений, кто придумал музыку к словам.
Счастье и печали с нами по соседству,
А судьба предложит каждому своё.
Что такое песня? Это голос сердца,
Той души, что спела в первый раз её.
В дружбе, словно в хоре — всех сердец сложенье,
Чтобы жить в согласьи, не сжигать мосты.
Что такое песня? Это наслажденье
Тех, кто душу чью-то услышать готов.
Песня окрыляет, ведь она — как птица,
Что летит посланцем в следующий век.
Можешь ты представить, как она родится?
От любви огромной, словно человек.
Песня то как радость, молнией несётся,
То зовёт куда-то огоньком в ночи,

Как душа тоскует, плачет и смеётся.
Песня — это песня. Слушай и молчи.

Я ТЕБЕ НЕ ПАРА

Смоет дождь следы сожжённых мостов,
Позади за ними наша весна.

А любовь не возникает от слов,

С горьким словом лишь уходит она.

Я тебе не пара,

Я тебе не пара.

Пой, моя гитара

Песни про дожди.

Осень на пороге,

Осень на пороге,

Вся душа в тревоге —

Что там впереди.

Собираются на Юг журавли,

Их печальный крик доносится вновь.

Плачет сердце посередине земли

Оттого, что улетает любовь.

Жаль, что поздно научились с тобой

Ничего не обещать, не просить,

Берег твой уж далеко, мой родной.

А любимых надо просто — любить.

ЛЕСТНИЦА

Не откладывайте добрые дела

И держите в жизни этот тон,

Чтоб всегда спокойною была

Совесь — ваш душевный камертон.

Начинайте утро с добрых слов,

Их дарите всем, кто к вам пришёл.

От того, что в вас горит любовь,

Всей Земле пусть будет хорошо.

Для людей живите, для людей,

Будьте строже к мыслям и словам.

Честь и мудрость, и любовь друзей —

По заслугам всё даётся нам.

По ступенькам вы идите вверх,
Как идёт к ракете экипаж.
Самых верных ждёт всегда успех
И гордится вами ангел ваш.
Пусть не будет радости конца,
Для неё на свете мы живём.
Будьте счастливы, прекрасные сердца,
Пусть вас будет больше с каждым днём.

ЖЕНСКИЙ КЛУБ

Женский клуб «Берегиня»,
Встречи в радостный час.
И осанка княгини
Здесь у каждой из нас.
Мы спешим в воскресенье,
Все оставив дела,
Чтоб душа вдохновеньем
Насладиться могла.

Пусть морщинки смеются,
Вспомнив юности сон.
А сердца наши бьются,
Как всегда, в унисон.
Мы потомки княгини,
Вместе к счастью спешим,
Женский клуб «Берегиня»,
Голос чистой души.

Как хотим мы подругу
От беды уберечь.
Радость дарим друг другу
Каждый миг наших встреч.
Гонит прочь показуху
Блеск созвездия муз.
Единенье по духу
Крепче родственных уз.

Дарит мысли благие
Обновлённая кровь.
Женский клуб «Берегиня» —
Нашей жизни любовь.

НАТАЛИ

Далеко-далеко от Земли
Ваше сердце грустит, Натали.
Грусть уносят с собой журавли,
Журавли.
Словно песня о юной весне,
Что когда-то слышалась мне,
Это ветер поёт в вышине —
Натали.
Наша жизнь — это вечный роман,
За мечтой через синий туман
Корабли поведёт капитан,
Корабли.
Ничего невозможного нет,
Пролетят над Землёй сотни лет,
Лишь души очарованной свет —
Натали.
Вы уйти от мечты не смогли,
Что живёт в поднебесной дали,
И дрожат на ветру ковыли,
Ковыли.
Загляну в глубину Ваших глаз,
Где божественный свет не погас,
Где звучит этот ласковый вальс —
Натали.

Владимир Лось

ВЕЧНЫЙ ПЛАМЁНЬ

Сюда приходят ветераны:
Так память и сердца велят.
Ещё залечивает раны
Травой зелёною земля.
Ещё вздыхает ночью море
До самой утренней зари...
Когда взойдёшь на эту гору, —
Остановись и посмотри.
Весь Митридат в окопах плотных,
Перепоясан ими так,
Как будто лентой пулемётной
В атаку рвущийся моряк.
Аджимушкой держал за горло,
И враг от злости сатанел.
Нет, время в памяти не стёрло
Величия минувших дел!
На камне камня не осталось,
Где бушевал железный смерч,
Но всё растёт, забыв про старость,
Неумирающая Керчь.
Наш город скромн и неярк,
Но нет родней его земли.
Горят огни электросварок,

Плывут к причалу корабли.
И Митридата вечный пламень
Живым дыханием своим,
Как совесть павших — наше знамя,
Сквозь время путь укажет им.

БЕРЁЗА

Зелёные косы у белой берёзы,
На косах роса, как прозрачные слёзы.
Не шелохнувшись, берёза стоит,
Как будто и плачет она, и грустит.
Под нею заросший травой бугорок,
Над ним пирамидка, звезда и веночек:
Солдат неизвестный в могиле лежит...
И плачет берёзка над ним, и грустит.

СЕРДЦЕ МОЁ ПОСЛУШАЙ

Сердце моё послушай!
Оно тебе скажет «люблю»,
Только язык непослушный, —
Сколько его ни молю, —
Всё говорит другое,
Всё говорит не то...
Что же со мной такое,
Кто мне ответит: что?

САМОЛЁТ

Опять уходит в небо самолёт —
Красивая искусственная птица.
Да будет счастлив дальний твой полёт,
И ничего в дороге не случится.
Да будет счастлив. И не подведут
Твои моторы. А в грозу шальную
Пусть стороной все молнии пройдут
И не ударят в грудь твою стальную.
А ты лети всё выше в синеву:
Взлети над грозами могучей птицей,
И тень твою, упавши на траву,
Со мною рядом, может быть, промчится.

И вздрогну я, и подниму глаза,
И отыщу серебряную точку,
И вдруг сорвёт внезапная гроза
С моей души привычек оболочку.
Плеснёт в лицо мне времени прибор
Реально так и так неумолимо!..
Тревожный век. Он пролетает мимо
Как самолёт, гудящий надо мной.
А надо очень многое успеть,
Пока ещё мечта твоя в полёте,
Пока душа ещё умеет петь
На этой чистой и высокой ноте.

* * *

Нас проза жизни гложет зачастую,
И давит быт безжалостной рукой,
Но рядом ты — и я тебя целую,
Но рядом ты — и счастлив я с тобой.
А если нам приходится расстаться, —
Нет, не надолго, — боже упаси! —
Я начинаю словно зверь метаться:
Любимая, помилуй и спаси!
Любимая, — да будь легка дорога, —
Явись скорее, громко позвони,
И с нашего семейного порога
Смущённо мне в объятия шагни.
Я обниму тебя как можно крепче,
А ты целуй меня и говори,
О том, как ожидала этой встречи,
И мне любовь свою дари, дари!

* * *

Опять из юности моей
Повеял ветерок _
Далёким запахом морей,
Тревогою дорог.
И показалось — за углом, —
Скорей, скорей туда!, —
Стоит всё тот же старый дом,
Над ним горит звезда.

А у калитки ты стоишь,
И смотришь на меня,
И вся невидимо горишь
От звёздного огня.
Но дом не тот, и я не тот,
Не те мои года,
И только свет всё тот же льёт
Далёкая звезда.

* * *

Снега от неба голубеют,
Но тем черней средь них река,
И тем ясней следы белеют,
И мостик горбится слегка.
Как будто умерли все ветры,
Лежат сугробы, как стога,
Деревья тянут руки-ветви,
Бросая тень на берега.
Легко дышать. Прозрачен воздух.
Мороз пощипывает чуть,
Сверкают крошечные звёзды
В твоих следах, как Млечный Путь.

* * *

Как давят каменные стены!
Как лабиринты улиц жмут!
А зданья прячутся стеклянно
И на прицел меня берут.
Скорее вырваться за город,
Где только синь и горизонт,
Где на холме у каждой травки
Своё значенье и резон.
Где сам становишься ты ветром,
И птичье чувствуешь крыло.
О, сколько сот тысячелетий
На степь молчашую легло!
Оно в тебя втекает, время,
Неторопливо и легко.
Ты был, ты есть. Ещё ты будешь.
А остальное — далеко.

27-28.08.81

Вот и время настало.
Умирают друзья.
Удержать невозможно
И спасти их нельзя.
 Потому что всё круче
 Жизнь пошла под уклон...
 Вот болезнью смертельной
 Давний друг мой сражён.
Всё короче дорога,
Тяжелей и трудней,
И всё меньше шагает
Рядом верных друзей.

* * *

Словно бабочка, вся цветная,
На ладонь мою села вдруг.
Но затем, на солнце сверкая,
Унеслась на далёкий луг.
 Лишь мгновенье назад сидела.
 Ах, какой на крыльях узор!
 И вот на тебе — улетела
 В голубой звенящий простор.
Это детство моё умчалось,
Это юность в полёт ушла.
Только в памяти и осталось —
Два сверкающих чистых крыла...

ДЖОКОНДА

1

О, Мона Лиза, Мона Лиза!
Смогу ли я, скажи, пройти
По грани тонкого карниза
И не сорваться по пути?
Чтоб с острия полуулыбки
Не рухнуть в бездну тёмных глаз,
Чей свет, загадочный и зыбкий,
И за столетья не угас.
Как сдвинуть мне два наших века?

Всё ближе, ближе мы и вот...
Но время хрустнуло, как ветка,
И вновь стремительный полёт
В безбрежность, в тайну. Выше, выше!
В твою загадочную тишь...
Сказала ты — я не расслышал,
Переспросил, а ты молчишь...

2

Ты бежала от века в улыбку свою,
Что как хрупкая ветка в морозном краю.
Ты была непокорна злодейке-судьбе.
Слёз туманом глаза не щипало ль тебе?
На лицо не ложились ли болью века,
Не морщили рук, что белей молока?
Боль и слёзы души, боль и слёзы любви...
Не они ли тебе приказали — живи?
В этом мире любви непростительно мало,
Человеку её каждый век не хватало.
И, как пламя в ночи, разгорались мечты
О нездешней любви неземной чистоты.
О любви, от которой немеет язык,
Загораясь, душа холодеет на миг,
Что разит наповал, словно пуля в висок,
Что и в зрелые годы нежна, как цветок.
... И ложился на холст самый первый мазок.

3

А твой создатель, твой художник,
Тот гений давний, тот безбожник,
Та глыба мощного ума,
Кому свой век был, как тюрьма?
Он бога мог изобразить бы,
Картину чьей-нибудь женитьбы,
Святого папу, может быть.
Затем в безвестности почитать.
А он, поправ церковью каноны,
Переступив властей законы,
Страдая, мучаясь, любя,
Впустил в бессмертие тебя...
Свеча, мерцая, оплывала,
Кисть непослушная дрожала,

И набегала на глаза
Ночной усталости слеза.
Он разогнул тихонько спину
И ярче высветил картину:
Ну что ж. Окончен тяжкий труд.
Ни добавлять, ни править тут.
Слегка насмешливо и смело
Ты на него с холста смотрела.
Полувсерьёз, полушутя —
Его законное дитя.
Он всё отдал тебе, что мог:
Своей любви бессмертный срок,
Мечты, удачи, огорченья
И муки крестные творенья,
И свет, упавший на траву,
И сны ночные наяву,
И боль, и радость человека
Во глубине слепого века.
Не оттого ль в твоей улыбке
Есть тень задумчивости зыбкой,
Во взгляде, в самой глубине —
Загадка, с болью наравне?

* * *

Что-то сердце внезапно кольнуло,
И заныла душа неспроста, —
Будто холодом в сердце подуло,
А на душу легла пустота.
Словно всё, что казалось надёжным
И как солнечный свет золотым,
Вдруг наполнилось светом тревожным
И развеялось ветром, как дым.
Будто где-то далёко-далёко
Кто-то вдруг перестал понимать,
Как бесстрашно, легко и высоко
Надо знамя любви поднимать.
Будто странно тяжёлое слово
Вдруг упало в звенящую тишь,
Будто в миг одиночества злого
Вновь над пропастью страшной стоишь

Светлана Бурова

ПОСЛАНИЕ СОВЕТСКОМУ РУБЛЮ

Когда, командуя парадом,
Ты гордо голову держал,
Тебя окинув нежным взглядом,
Сказала: «Вот мой идеал».
Казалось мне, что ты едва ли
Уступишь доллару. Увы,
Тебя, мой друг, к земле прижали.
И стал ты ниже той травы,
Что ростом, прямо скажем, с пальчик.
Но не таю в душе я зла,
Хотя любовь к тебе, обманщик,
И безответною была.
Ты рос обласканным ребёнком,
Надежды подавал. Беспечно
Стипендию в карманах скомкав,
Я думала: так будет вечно.
Сберкассам верила я свято.
Не понимала, как ни странно,
Тех, кто назвал тебя когда-то,

Как в воду глядя, — деревянным.
Ты путешественник был страстный.
И часто к морю прибывал.
А пред тобой торговец частный
На задних лапках танцевал.
Твоё здоровье пили чарку
И в Казахстане, и в Тайге.
Ходили слухи, будто с маркой
Был на короткой ты ноге.
И доллару порой, мол, в споре,
Не уступал. Что ж, молодец!
Но ты скатился вниз, и вскоре
Правлению пришёл конец.
А с ним конец и всем надеждам
На жизнь достойную. Опять
Пришлось столетние одежды
Народу штопать и латать.
И снова нищие нищают
И богатеют, кто богат.
А правдолюбцы всё гадают,
Кого судить, кто виноват.
Но крепки у виновных нервы,
А совесть видит сладкий сон.
В одном кармане у них евры,
В другом — «зелёных» миллион.
Я тоже нервы закалила,
Чтоб как-то пережить обвал,
И тайно евры полюбила,
Теперь они мой идеал.

НОС

(размышления перед зеркалом)

Кому-то не понравился мой нос.
А нос, как нос. Таких кругом немало.
Он до размеров крупных не дорос,
И я его ничуть не задирала.
Он вовсе не похож на пяточок,
Крючком не загнут, как у Бабки-Ёжки.
За что ж бедняжка получил щелчок,
Хоть вызывай от боли «неотложку»?

Свой нос не променяю на другой,
Коль вытяну и жребий долгожителя.
Он предназначен мне самой судьбой.
И дорог мне как память. О родителях.
Всем не понравишься и всем не угодишь.
Кому-нибудь, да будешь неугоден.
К тому же, век в норе не просидишь,
А паранджа у нас ещё не в моде.
Пусть злые языки, как папиросы,
Порой опасней тысячи собак,
Утешусь тем, что я осталась с носом;
Без носа дело — истинно табак.
Мой друг, прощай
Обиды и злословье.
На всё чихай
И береги здоровье!

ПУСТЬ БУДЕТ МИР СПАСЁН

Нашла коса на камень —
И бесятся князья.
Нашла коса на камень —
И ссорятся друзья.
Нашла коса на камень —
Меж братьями война.
Нашла коса на камень —
И рушится страна.
Вражды бушует пламень,
Мрачнеют небеса.
В огне и твёрдый камень,
И острая коса.
Но вновь мы что-то делим
Между собою, брат.
Мне ли понять, тебе ли,
Кто в ссоре виноват.
Командовать привычка,
Стяжательства ли бес?
Тут только чиркни спичкой —
И пламя до небес.

...
Не стройте счастье на крови —
Нам высший дан закон.
От ненависти шаг к любви.
И так ли труден он?
Ведь даже яд обидных слов
Смертельным может стать.
А мир должна спасти Любовь,
Что учит нас прощать.

МУШКА

Какие отвратительные мухи
В июле роем в воздухе кружат!
Как будто в них вселились злые духи,
Чтоб на земле устроить сущий ад.
Но увидав малютку-мушку в марте,
Ничтожной крапинкой на полотне стены,
Вы улыбнетесь радостно, представьте,
Желая здравия предвестнице весны.
Весна, весна! Ну как не стать поэтом,
Приметив мушку на её лице.
Но не забудьте: за весною — лето.
Вдруг мушка станет мухою цеце?

НЕЗНАКОМКЕ

памяти Наталии Ченчик

Ваши стихи и мудры, и свежи,
Сравнимы с цветком полевым.
Они Вам, наверное, были нужны,
Как птице, летящей сквозь дым,—
Глоток кислорода. Как дождик пустыне,
Как солнце холодной росе,
Как чёрным деревьям серебряный иней,
Как вера в бессмертье душе.
А Ваша душа — и чиста, и ранима,
Искала отраду в стихах.
Стихи — её дети. Поэтому с ними
Ей будет тепло в небесах.
Кому на земле свет мечты не потребен,
Тому и не снился полёт.

А Ваша душа тосковала о небе.
Пусть Бог ей бессмертье пошлёт.

РАЗГОВОР ВО ВРЕМЯ ЗАБАСТОВКИ

подражание классику

Лёшка-сын к отцу пришёл.
И сказал вдруг Лёха:
«За границей хорошо,
А у нас так плохо.
Прожил долго ты, отец,
Под худою кровлей,
Так ответь же, наконец,
На вопрос сыновний:
Почему садимся мы
Постоянно в лужу
И живём, что ни возьми,
С каждым годом хуже?»
Призадумался отец,
Отложил газету:
«Ты, гляжу, подрос, малец,
Поумнел при этом.
В школу бы тебя сейчас,
Там всё растолкуют.
Школы же, в недобрый час,
На замке: бастуют.
Бастовать, иль помирать, —
С выбором негусто.
Да и что тут выбирать,
Коль в желудке пусто.
Жил учитель не ахти,
Но имел получку.
С чьей-то лёгкой вдруг руки
Доведён до ручки.
Кто же в этом виноват,
В чьих то интересах:
Вместо школы зоосад
Видеть для балбесов?
Забавляйся, молодёжь,
Стайкой подзаборною.
Дозу принял, мир хорош!
Веселись на полную.
А по телеку десерт:

Порномордобитие,
Супервысочки концерт.
Вот и всё развитие.
Вот вам колледж, вот вам ВУЗ.
Будь хоть Ломоносов,
Если батя твой не туз,
Оставайся с носом.
То, что денежки в цене,
Не секрет, не ново.
С ними всадник на коне,
Даже безголовый.
Если и мозгов-то нет,
Но король на рынке,—
Поезжай! Зелёный свет
Для твоей скотинки.
Были б к знаниям, сынок,
Всем пути открыты,
Может, жили б мы, дай Бог,
Трезво да и сыто.
Ум, умение — не апломб,
Сын, должны цениться.
Толку, что купил диплом,
А ума круплица...»
Замолчав, отец вздохнул.
Наболело, видно.
За себя и за страну,
За детей обидно.
А потом сказал ещё
С грустью: «Лёха, Лёха!
Ты пожил бы хорошо,
Ну хотя б не плохо!»

* * *

Мне хотелось сказать,
что тебя разлюбила,
Что конец есть всему,
что всему есть предел.
Мне хотелось кричать,
но покинули силы,
Да и ты тишину
нарушать не хотел.
Собрались за окном

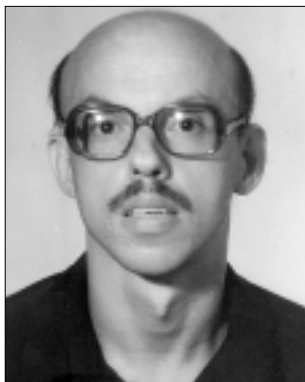
тучи, небо нахмурия.
А потом грянул гром,
враг остывшим страстям.
И в дыму сигарет,
вслед за пьяною бурей,
Десять прожитых лет
полетели к чертям.

* * *

Твои мысли за семью замками,
А в моих разброд и ералаш.
О любви беседа между нами,
Что она: реальность, иль мираж?
Хоть я просвещённая немного,
И тебе ума не занимать,
Диалог наш — цепь из монологов.
Как прикажешь это понимать?
Впрочем, продолжать его не стоит,
Догадалась, кажется сама:
От любви нам не грозит обоим
Умереть или сойти с ума.
Можно объяснить без тумана,
Выбросив всю блажь из головы:
Ты герой не моего романа,
Да и я не Золушка, увы.
Непохожая на героиню,
Что жила средь принцев и пажей,
Я гражданка каменной пустыни
И в обман не верю миражей.
Как огня, боюсь очарований,
И разуверений я боюсь.
Может быть, смелей другая станет,
Я уже вовек не обожгусь
И спасусь от боли, уж поверь ты.
Всем заядлым грешникам назло,
Повезти должно мне в лёгкой смерти,
Коль в любви до гроба не везло!

Алексей Вдовенко

КЕРЧЕНСКИЕ ХОЛМЫ

Как первая неопытная строчка,
Не знающая правил и основ,
Раскинулась пологая цепочка
Зелёных живописнейших холмов.
И каждый холм — большая кладовая
Таинственных «зачем?» и «почему?»
А подлинно история живая
Наверно, не известна никому.
Изгладились значительные даты,
События неясно расплылись,
По-новому на склонах Митридата
Бурлит неувядающая жизнь.
Но, как и встарь, с пролива ветер веет
Неповторимым запахом сетей.
Как этот запах вечно не стареет,
И ты, мой город, вечно не старей!

ОБРАЗ КЕРЧИ

Белые домики, пёстрые скверики —
Образ, немеркнувший, милой Керчи.

В мире, от Африки и до Америки,
Лучше не встретишь — ищи, не ищи.
Есть города, несомненно, красивее,
Бухты удобнее для кораблей.
Небо в Италии — более синее.
Но в целом мире нет неба родней.
Не потому ли так сердце печалится
В час, когда вдаль увезут поезда.
Не потому ли так как мир улыбается
В час, когда вновь возвращаюсь сюда.

ПЫЛЬ СТОЛЕТИЙ *(историческая шутка)*

Скифы, греки и славяне —
Все стремились на Боспор.
В волнах рас, как в океане,
Керчь бурлила с давних пор.
Возывев на то причины,
Здесь оставили свой знак
Князя Игоря дружины,
Митридат и скиф Савмак.
Всё прошло, всё миновалось,
Новой жизнью мы живём.
Только грусть в душе осталась —
Грусть, как память о былом.
Да порой солёный ветер
Пыль сдувает с древних плит.
Оседая, пыль столетий
На плечах у нас лежит.

* * *

Надо быть откровенней и проще.
Красота не выходит из моды.
Будьте счастливы, травы и рощи —
Незабвенная радость Природы!
Красоту вы для всех сохранили.
И за вас нынче каждый в ответе.
Если б люди вас больше любили,
Меньше было бы войн на планете.

БОГИНЯ

Обнажённую богиню
Божеством воздвигнул я.
Пусть весь мир меня покинет —
Мир мне вовсе не судья.
Всем ханжам и недотрогам
Не понять таких утех:
Тело, созданное Богом,
Полюбить — совсем не грех.
Грех есть — тайное желанье.
Но его оставил я.
И сомненья, и страданья
Скрылись в дальние края.
Лишь одним святым законом
Вся душа моя чиста.
У богини, как в иконе,
Та же светит красота.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Невесомый снег кружится
Музыкой ночной.
Мне любовь должна присниться
Сказкой неземной.
Знаю: чудо где-то бродит
У моих ворот.
Ведь оно всегда приходит
В ночь под Новый год.
Только час урочный минет —
В чуткой тишине
Эротической богиней
Ты придёшь ко мне.
Всё, что между нами будет —
Тайна для двоих.
Нас с тобой любовь рассудит
В краткий сладкий миг.
Ты любви доверься смело —
Есть в ней благодать:
За тепло родного тела
Можно жизнь отдать!

НАТУРЩИЦА

Натурщицу художник рисовал.
Кисть выводила плавно, без натуги,
Грудей прелестных царственный овал
И бёдер ослепительные дуги.
Художник мог натуру рисовать.
Он знал, что красота — всегда красива.
Однако, не стеснялся продавать
Свои шедевры за бутылку пива.
До пошлости обыденность груба,
Ей не к лицу возвышенные цели.
И сделала натурщицу судьба
Обычной проституткой на панели.
И всё же, у искусства свой секрет.
Оно, порой, судьбу изводит шуткой.
Когда попал на выставку портрет,
То люди восхитились проституткой.

* * *

Больничных коридоров пустота
И белый гипс — надежды поздней латы...
Как осень беззащитна и чиста
За окнами тоскующей палаты!
А жажда жизни под конец остра.
Долой устав! Откроем окна шире.
Прошу: не плачь! Ведь ты же медсестра.
Тебе ль не знать: все смертны в этом мире.
Пройдут года — привыкнешь к смерти ты.
И прошлое укутают туманы.
Зима наложит снежные бинты
На осени краснеющие раны.

* * *

Не часто судьба нас балует —
Заброшенных жизнью калек.
Любимая скорбно целует,
Как будто прощаясь навек.
Друзья, повстречавшись, украдкой
Нам левую руку дают,
Считая большим недостатком

Наш бедный, спартанский уют.
Пинают довольно умело
Нас те, кому жизнь хороша.
А впрочем, плевать нам на тело! —
Была бы без пятен душа.
Зачем нам — машины, квартиры?
Иные нас ждут чудеса:
Поэзии звонкие лиры
И вечной природы краса.

СОН

Часто мне снится сон:
Море — со всех сторон.
Скользко. Будто по льду,
По морю я иду.
Мне тяжело идти.
Где же конец пути?
Там, в голубой дали,
Виден мираж земли...
Глупый, наивный сон!
Море со всех сторон...
Только зачем спешить? :
Сон этот — моя жизнь.

* * *

Тяжёлый след от кованных ботинок
Впечатался в опавшую листву.
Мой давний враг, тебя на поединок
Без робости сегодня позову.
Перед тобой стою я, поднатужась,
О всех потерях прошлых не скорбя.
С размаха бью. И вдруг... о, дикий ужас! —
В твоём лице я узнаю себя.

* * *

Есть на свете завидная доля,
Есть великое счастье борьбы.
Наша жизнь — ох, не ровное поле:
Всякий час расшибаются лбы.
Всякий час от душевной тревоги
Наполняются грустью сердца.

Жребий слабых — упасть на дороге.
Жребий сильных — идти до конца.

СЛЯКОТЬ

Унылая, нудная слякоть —
Пора бесконечных дождей.
Не стану я хныкать и плакать
Над участью Музы своей.
Поплакать-то нынче и в моде,
На нашем крутом вираже.
Но грустная слякоть в природе
Достойней, чем слякоть в душе.
Пусть критики часто ругали,
Зато обошёл меня срам:
В годину народной печали
Врагам не курил фимиам.

НЕЯРКАЯ ЗВЕЗДА

Погожей ночью много звёзд
Сияют в вышине.
Их свет и ярок, и непрост.
Но всё же ближе мне
Свет той звезды, что средь сестёр
Не блещет красотой,
А, между тем, пленяет взор
Глубинной чистотой.
Прошу судьбу: когда с Земли
Уйду я навсегда,
Пусть расцветёт в ночной дали
Неяркая звезда.

Татьяна Левченко

ШКОЛА ЖИЗНИ

Нагорному В.В.

Я, в пору из волшебных детских сказок,
Любила слушать голос чуть ворчливый:
То бабушка, с улыбкой ясноглазой,
Меня любви и нежности учила.

А в пору переменчивых решений,
Когда тревог девичьих — без просвета,
Учила меня мать моя терпенью,
Дарила щедро добрые советы.

Потом меня учили мои дети
Заботливости, ласке и тревоге.
Учили меня радости рассветы
И верности — далёкие дороги.

И, как итог души моей творенья,
Лучом, дарящим путь в кромешной мгле,—
Учил меня отец сажать деревья,
Чтоб добрый след остался на земле.

Порожки колодверные
Вызванивают болью...
Пойду-ка я, наверное,
За хлебом и за солью —
Встречать гостей непрошенных,
Непрошенных, неожиданных:
Стишонков доморощенных —
Любимых, нежеланных.
Вам скатертью дороженька,
Уродливые детки!
Кто — крив, кто — хромоноженька,
Кто — как сухая ветка.
Вы горе-счастье сложите
В негромкое застолье.
Вы делите и множите
Простое хлебосолие.
Мне долго с вами мучаться,
Выравнивая строчки.
А если не получится —
Останутся три точки...

ИЗ ПИСЬМА

...Пишу к тебе возвышенным я слогом.
Ведь в упрощённом нашем языке
Душевность и сердечность понемногу
Уходят даже из высоких тем.
Скудеет наш язык великорусский,
Слова свои исконные сменяв
На сленг, жаргон, понятный в кругу узком,
Неприменимый к чувствам россиян.
И я не удивлюсь, что не понятен
Мой — для тебя — «литературный стиль»:
Уже, считай, не каждый ли писатель
Сленг на свои страницы допустил.
И мне порой становится так сложно
Читать и даже просто говорить!
Пора бы издавать уже, возможно,

Для этой, новой, речи словари.
Но я пишу, уж ты прости за это,
На языке без сленговых замен.
Будь снисходительнее к странному поэту,
Который не желает перемен.

ОТРАЖЕНИЯ

В окне напротив — отраженья наших окон.
А в наших окнах отражается рассвет.
Средь бесконечных отражений одиноко.
Как — настоящего рассвета вовсе нет.
 Так и живём среди осколков отражений,
 Не зная, где же настоящее найти.
 Быть может, мы — изображенья искажений
 И лишь во взлёте мысли — истины пути.

ЗЕМЛЯНЕ

Натянут парус синевы небес нетленный
И за бортом бурлит Пространство — не вода.
Несёмся в Космосе к концу своей Вселенной.
Фарватер выверен не нами — не беда.
 Вперёд несёмся. Без оглядки, наудачу.
 Без якорей, хоть и причалов тоже нет.
 А Сфинкс Вселенной задаёт свои задачи,
 Как будто сам он может знать на них ответ.
О наших целях кто как может, повествует.
Все — капитаны: не уйти нам с корабля!
И вечный двигатель в природе существует:
Как ни крути, а всё же вертится Земля.
 В правах равны все — и цари, и голодранцы,
 Кто к Свету рвётся, и кто кроется во Тьме —
 Бродяги блудные с «Летучего голландца»,
 Чей порт приписки уже стёрся на корме.
Кукушка вечность человечеству кукует.
А значит, мы не исчезаем без следа.
Загадку Сфинксу загадали мы такую,
Какую он не разгадает никогда.

СКИФИЯ

Скифия-земля...
Горькая вода...
Это — горечь слёз
Всех, от века, вдов.
Запах знойных трав
Маревом встаёт.
По степи — холмы
В ковылях седых...
Дробный стук копыт!
Зоркий скорый взгляд
Из густых ресниц:
Всадник из легенд
Вихрем налетел
И — ушёл за грань,
В маревую даль.
Не Пегас конёк —
Коренаст и гнед.
Но взметнулась пыль
И — пустая степь!
Всадник из легенд
С маревом взлетел
К блёклым небесам,
Растворился в них...
Сорванной струной
Звон в степи плывёт.
Шепчут ковыли
О былых веках.
Да в курганах спит
Скифская печаль...

* * *

...Это были два белые лебедя...
Пролетели по кругу над озером.
Там, над озером, вьюга куражилась,
Умудряясь снежинки огромные
Проносить, чтобы долго не падали.
И кружились снежинки, послушные

Всем движениям ветра капризного.
И сложились в картину чудесную:
Пролетели два белые лебедя...

МЕЛОДИЯ ВЗЛЁТА

Снова просится песня из сердца на волю,
Словно крыльями птица забила в груди.
Дайте музыку мне! Задремали вы, что ли?!
Ведь у песни полёт ещё весь впереди.
Ах, маэстро, сыграйте мелодию взлёта!
Песня ждать не желает, а хочет звучать.
Если я не успею — допойте, хоть кто-то:
Ваше сердце ведь тоже не может молчать!
Пусть слова под мелодию льются свободно,
Пусть тревогу и радость несут они вам.
Ну, а если повеет вдруг вьюгой холодной,
Вы мелодии верьте, не верьте словам!
Мне всегда одного не хватает куплета,
Чтобы крылья расправить, рвануться в полёт!
Если песня останется мной не допета,
То пускай её кто-то другой допоёт!

Николай Щербуха

1935—2003

БЕЛЫЙ ЖИГУЛЬ

Два часа по полудню. Солнце в самом зените. Оно в это время не просто греет, но чувствительно припекает и жжёт. Ветер умеренный, тёплый, дует в сторону суши. Море,— зелененоватосерое и слегка подёрнутое прозрачной дымкой,— в небольших волнах, которые, накатываясь на каменистый берег, рассержено пенятся и шумят. И от того, что дует ветер, что воздух гораздо теплее воды, что волны, ударяясь о камни, образуют обилие колючих брызг, море кажется холодным.

Люди подходят к нему, снимают верхние одежды, некоторое время прохаживаются взад-вперёд, примериваются, с опаской поглядывают на взбаламошные брызги. Потом всё ближе, ближе подвигаются к воде, ступают в неё, ёжась и покряхтывая. Окунают руки, смачивают лицо, подмышки, наконец, живот и лишь затем решаются шагнуть на глубину. Но и потом ещё, суетливо массируя свои телеса, минуто-другую ойкают и айкают. Однако, привыкнув к освежающей благодати, подолгу купаются и абсолютно не мёрзнут.

В то время, как я, накупавшись, выбирался из моря, боясь, как бы меня не сшибли, то и дело набегавшие сзади, хлёткие

волны, и как бы не поранить ног о подводные камни и ракушки, к берегу подошёл здоровенный мужчина, на вид лет шестидесяти, — с опущенным животом, откормленный и выхолонный. Подошёл от домов, что напротив, в десятках метрах от берега. Был он уже раздетым — лишь в плавках и босоножках. Ноги волосатые, толстые. Тело тоже толстое и розовое, широкая грудь выпячена.

Он тоже сначала примеривается, привыкает, а затем шагает в море прямо в босоножках, так же крикая и подёргивая мощными плечами от охватившей его прохлады. Но купается недолго и как-то без особой охоты. А выйдя из воды, греется на солнце. Однако, греется не как большинство купающихся, прохаживаясь по берегу, а стоя на одном месте, поворачиваясь к светилу то одной, то другой стороной. Видно, что он тут чужой, ни от кого не зависит и ни с кем не собирается заводить знакомств. Держится с неподступным достоинством и высокомерием.

Со стороны тех же домов, к нему направляется сухонькая, сторбленная старенькая женщина лет семидесяти. Болезненно пересовывает ногами, шаркает о землю подошвами старых-пре-старых тапочек, слегка подёргивает маленькой головой.

Подошла, униженно тронула мужчину за руку и принялась ему что-то пояснять. Мужчина повернул к ней голову, — но не наклонился, не изменил своей независимой позы, — и стал ей непринуждённо отвечать. Завязался разговор, который, по мере общения, разгорался, становился всё увлечённой, увлечённой. Некоторые из отдыхающих уже с интересом поглядывали в их сторону и не прочь были полюбопытствовать, о чём это так разболтались представительный мужчина и дряхлая нищая бабка, — что между ними может быть общего? — но слова тонули в шуме морского прибоя и не долетали до постороннего уха. К тому же, беседу мужчина и женщина вели негромко.

Я прохаживался по берегу, сушился и тоже поглядывал на женщину с мужчиной. Разговора их я так же не слышал, да и слышать не хотел. Меня интересовало другое — как скоро менялись в беседе их отношения. Если поначалу старушка вела себя робко и скованно, а мужчина смотрел на неё безразлично и отвечал неохотно, то теперь женщина заметно оживилась и осмелела, а мужчина заволновался и легонько кивал в такт своим словам. Теперь женщина размахивала руками, с нескрываемым чувством прижимала их к иссохшей груди, то ли спешно пояс-

няя что-то, то ли искренне собеседника благодаря, и всё указывала в сторону домов. Мужчина же, переступая с ноги на ногу, отвечал коротко. Иногда пожимал плечами, иногда приподнимал правую ручищу и резко опускал её, как бы говоря: «А, чего уж теперь вспоминать об этом...»

Наблюдая их, мне показалось, что мужчина и женщина давно знают друг друга, но со временем затерялись, несколько лет не виделись, и вот неожиданно встретились. Что мужчина либо директор, либо начальник какой, а женщина у него трудилась — может, уборщицей, может, простой рабочей, — теперь на пенсии, вот он её и не признал сразу. А припомнив, приятно взволновался и заинтересовался её судьбой. Женщина же хорошо помнит своего начальника, — видно, был человеком внимательным и справедливым, — уважает по сей день и не так просто ей было предстать перед ним такой обнищалою развалиной. Оттого и подошла робко, и за руку тронула несмело, а теперь, когда всё объяснилось и вошло в своё русло, разговор сам по себе оживился, пошли вопросы, воспоминания, откровения.

Я всё ходил, поглядывал на них и радовался на то, как хорошо, когда люди, — собственно, чужие совсем, и разного социального уровня, — долгое время работают вместе и не делают друг другу зла, сохраняют навсегда добрые отношения, добрые чувства. Когда вот так, встретившись через много лет, им есть о чём поговорить, о чём поведать друг другу. Бабуле эта встреча, конечно же, явилась желанным праздником — хотелось узнать о былой своей работе, о родном предприятии, расспросить о людях. А начальнику, несомненно, приятно, что его чтят, уважают, интересуются. Значит, правильно осуществляет линию руководства, не обижает тружеников, не перегибает, как говорится, палку.

Беседа велась несколько минут. Наконец мужчине, видимо, показалось, что она слишком затянулась и, дабы закончить её, он повысил голос:

— Я участник войны, — нарочито громко заявил он, чтобы слышали окружающие, — я имею право! Где захочу, там и езжу, где захочу, там и стою. У меня разрешение на это, мне его автоинспекция выдала, книжечка...

— У тебя разрешение, — тоже повысила тон бабуся, — тебе всё можно, своя машина вон. А у меня нет ничево, никаких пра-

вов. Одна скамеечка в теньке под окном, ты и её загородил. Отъезд, я посижду...

Я растерялся от неожиданного поворота и бросил взгляд в ту сторону, куда указывала рукой старуха.

У небольшого, дряхлого, как и сама хозяйка, домика, впритык к засаленной скамейке стоял новый, белого цвета, «жигуль». Машина стояла действительно, под окном у женщины, у единственной узенькой скамеечки, на которой она отдыхала обычно и любовалась морем.

— Чего это я должен отъезжать? — с гонором парировал водитель. — Я порох нюхал, я заслужил!..

— Ты участник, ты заслужил, — отстаивала свои права бабуля, — а я в тылу, с малыми детьми последние жилы рвала, и ничё мне не положено, никаких книжек у меня нет... ничево не заслужила...

— Вот и добивайся, пусть тебе дадут, — с насмешкой посоветовал хозяин «жигуля», — а автомобиль я не уберу. Чего я должен каждого слушать? Я имею право даже под знак, а здесь нет никакого знака.

Все уже осуждающе смотрели на хозяина машины и ждали, что будет дальше. Однако, никто не хотел вмешиваться в спор.

Тогда к спорившим направился болезненный, интеллигентного вида, мужчина преклонных лет — в поношенном льняном пиджачке и с планками боевых наград на груди. Приблизившись, он деликатно обратился к водителю:

— Вы, пожалуйста, извините меня за вмешательство, — начал негромко он, — но Вы не правы.

— Это почему ещё? — рявкнул тот и посмотрел на подошедшего, как на какую-то козявку.

— Да, знака здесь действительно нет, — продолжал интеллигентный мужчина, — но совесть у Вас человеческая есть? Ведь Вы поставили машину вплотную к скамейке, на которой действительно отдыхают люди.

— А куда я её тут поставлю?

— Продвиньте чуточку вперёд или сдайте назад, вот и всё.

— А если мне это не подходит? — съехидничал водитель.

— Вам это не подходит потому, — высказал ветеран войны, — что Вам не хочется, дабы машина стояла на солнце. Вы машину свою сберегаете.

— Да,— откровенно признался хозяин,— а ты как думал? Мне моя машина в десять раз дороже...

— Всех нас,— закончил за него мужчина с планками боевых наград.— Такой участник войны, как Вы, и на головы людям заедет. Разве мы с Вами за это воевали? Стыдились бы!.. Мы все тогда были участниками — и солдаты, и женщины, и дети. А Вы: «Разрешение... Право... Положено...» Стыдились бы!..— выговорил он, заметно побледнел и отошёл в сторону.

Мужчина-водитель выслушал его, но никак не отреагировал: ни на слова ветерана, ни на просьбы старушки, ни на осуждающие взгляды отдыхающих. Он обсох, отправился к своей машине и долго одевался. Затем открыл багажник, достал сумку с инструментами и принялся их переключивать, видимо, с той целью, дабы показать, что он плевал на всех. Лишь когда на него перестали обращать внимание и он уверился, что всех победил, уселся по-барски за руль, нажал на стартёр, долго газовал, и только потом включил передачу и тронулся...

СЕМЕЙНЫЙ ЛАД

Девятый час вечера. Море, прогретое за день, тёплое. Воздух тоже тёплый, ветра нет совсем. Тихо. Волны не плещут, а лениво хлюпают в берег. Ещё светит солнце, но оно опустилось так низко, что уже не припекает, а лишь приятно ласкает мягкими лучами моё тело, водную гладь, остывающий берег. Купающихся уже нет, да и отдыхающих тоже. На бетонном парапете сидит полноватый мужчина лет тридцати пяти, видимо, хорошенько выпивши и, склонив на руки взлохмаченную большую голову, беззаботно дремлет. До него нет никому дела, он тут явно сам по себе. Другой мужчина,— стройный, высокий и гораздо моложе того, что дремлет,— так же изрядно выпивши, у него неуверенная походка, заплетается язык, но он не один. С ним его семья — жена, изящная привлекательная шатенка лет тридцати, на вид, намного старше своего мужа, девочка лет двенадцати и ребёнок в детской коляске. Ребёнок совсем маленький. Надышавшись морским воздухом, крепко спит. Муж, видно, отчим девочки, потому что та его называет не папой, а дядей Толей.

Жена с мужем уже одеты и намерены идти домой, а дочке хочется ещё покупаться. Она с азартом ныряет, барахтается в воде, просто прыгает с берега в море. Не успеет выбраться на су-

шу, как тут же кидается назад. Радуетя, хохочет, никого и ничего не замечает вокруг. Матери и хочется, чтобы дочь вволю накупалась, — она понимает, как той сейчас весело, с какой девчоночьею прытью та играет и наслаждается, понимает её как женщина, как мать, понимает, что, может, этот момент запомнится её девочке на всю жизнь, — и в то же время очень волнуется за своего молодого мужа. Волнуется, может, оттого, чтобы он с кем-то не задрался, чтобы его не забрала милиция, а главное, оттого, что он взял коляску с дитём и, придерживаясь за её поручни, покатил, пошатываясь, вдоль набережной. Женщина, как заботливая наседка, кидается взглядом и окриком то к дочке, то к своему новому мужу, которому успела подарить ребёнка и накрепко связала с ним свою судьбу. Ей хочется, чтобы всё и всем было хорошо.

Вот она зычно кричит дочери, но не строго, а для того лишь, чтобы слышал муж, что она её ругает:

— Нинка, вылазь сейчас же, слышишь! — окликает она девочку. — Ну, кому говорят!..

И тут же, заискивающе, мужу:

— Толя, куда ты?.. погоди, мы сейчас. Не уходи!..

А муж ей спокойно отвечает:

— Да ты не бойся, я далеко не уйду... Я здесь покатаю. У загородки. Не торопитесь, собирайтесь...

Дочка, не понимая мать, старается ещё и ещё нырнуть, ещё и ещё броситься в воду, и тоже кричит в ответ. Кричит весело, без обиды. Она уловила тон матери и знает, что ей за это ничего не будет.

— Мам, я сейчас!.. Иду-уу! — шаловливо отзывается она, а сама снова и снова кидается с камня в набегающую волну.

Я купался метрах в сорока от берега, наблюдал эту картину, и она меня увлекла. Поняв игру матери, я стал на сторону девочки и начал заговорщицки подбивать её:

— Нин, слышь, нырни ещё! — подзадоривал я, — Пусть мамка думает, что ты одеваешься, а ты ныряй. Нырни!..

Девочка, подогреваемая моими словами, делала то, что я ей велел. Делала бесшабашно, поспешно, будто рядом с ней кто-то был и мог ухватить её за ногу, делала с большим желанием и увлечением.

Мать всё кричала, всё грозилась, уходя дальше и дальше вслед за мужем, а дочь всё откликалась, откликалась, и не выхо-

дила из воды. Мне было приятно любоваться на добрую, здоровую игру мамы и дочки.

Потом мать стала то возвращаться к девочке, то уходить к мужу, продолжая беззлобно покрикивать. Но было видно, как ей хотелось этими покриками придержать мужа и дать волю накупаться своей дочери, которую она, конечно же, очень любит. А дочь, отзываясь на её голос, всё резвилась и прыгала. Она даже не прыгала, а падала на воду — всей длиной своего тела. Ей так этого хотелось, что, глядя на неё, не радоваться её возбуждению было невозможно. Мы с ней были заодно, и это она хорошо понимала. И мы, обманывая мать, вместе от души хохотали, а мать, отлично понимая, что мы обманываем её, в конце концов и сама рассмеялась — тоже весело и по-доброму.

Я ей крикнул:

— Ну, чего Вы не даёте девочке накупаться? Видите, как ей хочется побарахтаться в море. Вода ведь тёплая...

— Да она уж и так давно купается.— ответила мне издали мать с благодарностью в голосе, что я их обеих понимаю, и что я советую того же, чего она сама желает.

Наконец мать не вытерпела, подошла ближе и приказала дочери:

— Нинка, вылезь!.. Хватит баловаться!.. Пора домой!..

Девочка тут же, без никаких обид, согласилась и вылезла, хотя и не очень хотелось ей этого делать. С такими же энергией и поспешностью, с какими только что бросалась с подводного камня на глубину, принялась одеваться. Самодовольно улыбалась, кривила губами, когда не попадала в рукава халата, легко встряхивала намокшей головой.

Я заметил необычную ласковость девочки и умение её не вступать в пререкания. Она, как бы соглашаясь, умела выпрашивать то, чего ей хотелось, и за это на неё невозможно было рассердиться. Она не ехидничала, не упрямилась, хотя и не вполне повиновалась, но это ей всё как-то невольно прощалось и не вызывало зла на неё. Я подумал, что у этой девочки золотое сердце. Как, должно быть, счастливы её мама, бабушка и вообще, все те, кто с ней учится, играет, делает какое-то дело. Кто просто часто общается с ней...

Девочка была худощавой, с продолговатым лицом — очень весёлым, жизнерадостным и умным,— рослой и гибкой. Тело смуглое, волосы чёрные, длинные, глаза карие, живые, подвиж-

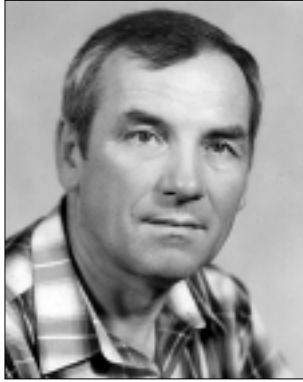
ные. Мне показалось, что похожа она на свою маму — и внешне, и по характеру. Только у мамы волосы пострижены и чуточку подкрашены, да и фигура вполне сформирована — женственная и в меру округлая.

Нина подбежала к своей маме, с разбега обхватила её длинными руками, прижалась. Та обняла её, поцеловала в ухо и они скорым шагом направились к мужчине с коляской, который стоял и поджидал их. А встретившись, о чём-то шумно заговорили. Потом заглянули все трое в коляску, что-то там поправили, и двинулись дальше. До меня доносились их возбуждённые голоса и весёлый искренний смех.

Я долго провожал их пристальным взглядом, пока они не скрылись за поворотом, глупо улыбался и по-доброму завидовал чужому семейному ладу...

Владимир Володин

ОСЕНЬ

Обессилело солнце за лето.
Не добраться ему до зенита.
Нету силы сквозь тучиз прорваться,
Приголубить озябшую землю.
Бурой шкурой промокшего зверя
Степь от стужи грядущей укрылась,
В полусне обнимая курганы.
Не звучат её звонкие песни...
Лишь ветрам беспокойным не спится,
Шарят жадными лапами всюду.
Тучи тяжкие в стаю сгоняя,
Одинокого ворона кружат.
То забросят его в поднебесье,
То к земле прижимают нещадно,
То к кургану пригонят, играя,
А то выкинут к морю седому.
А из моря, упорною ратью,
Волны яростно берег штурмуют,
Под руном белоснежным скрывая
Злого зверя свирепую сущность.

Только, как бы они ни ярились,
Берег дик остаётся, пустынен.
Ни следа на песке. Только брызги
В степь просоленный ветер уносит...
Обессилело сердце в невзгодах.
Часто стало на отдых проситься.
Потерпи ещё самую малость,
Будет время у нас для покоя...

* * *

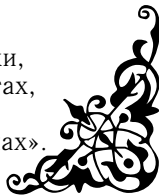
Блесну, почти как лист осенний:
Он — золотом, я — серебром.
Он повисел до воскресенья
И, жароптицевым пером
Мелькнув последний раз в очах,
Умчал у ветра на плечах.
Порою, близкой ли, далёкой,
Когда исполнится мой срок,
В последний раз окинув оком,
Я, покидая сей мирок,
С порывом ветра, вгорячах,
Рвану, с листвою на плечах!
И пусть рыдает, кто утратил.
И пусть избавившийся рад.
И что мне в том, кто виноватей.
И вряд ли кто-то виноват
В том, что душа, во весь опор,
Из плена рвётся на простор!

ВСТРЕЧА С ОДНОКЛАССНИКОМ

Владимиру Голицыну-

Рюриковичу

Ах, какая волшебная встреча!
Тридцать лет, будто камни с горы,
Проскакали, гремя и увеча,
И пропали, как в тартарары.
Сразу вспомнились юности вежи,
Старый парк и скамейки в кустах,
Полудетские наши утехи,
Дым табачный и стены в «Битлах».

«А ты помнишь портвейн и картишки?...»

«А большие походы в кино?...»

Всё ушло. Постарели мальчишки.

Время... Неумолимо оно...

Вспоминаю всё реже и глуше.

Только старой гитары струна

Вдруг зацепит нечаянно душу,

Ярко высветив те времена...

Ах, какая сумбурная встреча,

И вопросы не в лад, невпопад...

Словно, где-то пропавший далече,

Возвратился потерянный брат.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я вспомнил мягкий августовский вечер,

Когда закат остыл и потемнел.

Ты руки возложила мне на плечи,

А я и пальцем двинуть не посмел.

И мыслей, и души переполохом

Твой вольный жест из снов моих возник.

Движением неловким, лёгким вздохом

Боялся я спугнуть тот чудный миг...

Спросила ты, тая сердцебиенье:

«А где она, Полярная звезда?»

Так, будто не было в текущие мгновенья

Важнее ничего и никогда.

Я, Млечного Пути завидя речку,

Дрожа рукой, Медведицу искал.

Твой лёгкий локон — тонкое колечко,

Мне щёку жёг и нежил, и ласкал.

Вот и нашлась та призрачная точка,

Что осью мироздания звалась.

И я сказал тебе: «А знаешь, дочка,

Пора домой. Нас мама ждалась.»

МЫ

Мы из прошлого столетья,

Из исчезнувшей страны.

Мы, иной эпохи дети,
Здесь, похоже, не нужны.
Оказались мы от дома
В невозвратном далеке.
Всё вокруг до слёз знакомо,
Мы ж — как рыбы на песке,
Что бездарно прозевали
Неожиданный отлив.
Жаркий воздух ртом хватали,
Обо всём другом забыв.
Вдруг чужими став друг дружке,
И давным тем — другим,
Кто остался в тёплых лужах
Сыт, здоров и невредим.
Не сойтись, как прежде, в стаю.
От прибоя вдалеке,
Пылью жабры забивая,
Бьёмся, скачем на песке...

КРЫМСКАЯ ЗИМА

Вновь снежинок кутерьма —
Белых мошек стайка.
К нам во двор вошла зима,
Словно в дом — хозяйка.
Стёкла окон убрала
В льдистых ёлок лапки,
А домам преподнесла
Снеговые шапки.
Двор метелью подмела,
Лужи застеклила
И, закончив все дела,
Отдохнуть решила.
Только вся работа — зря:
Солнце вышло в небо.
В середине января
Снег исчез, как не был.
Тротуар опять сухой,
Травы зеленеют.
Ветры, будто бы весной,

Тёплым духом веют.
Солнце скрылось. И опять —
Вьюга осерчала...
Можно стих не продолжать,
А читать с начала...
Давний спор Зимы с Весной,
А причин немного:
Крым никак между собой
Поделить не могут.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Время катится под гору
на расхлябанной арбе.
Ту арбу ни повернуть, ни удержать.
Остаётся след глубокий
на планете, на судьбе,
И с пути его ни скрыться, ни сбежать.
Колесит арба по свету
курсом собственных следов.
Всюду щедро проступают те следы
В виде кладбищ и песками
занесённых городов;
В виде проседи, морщин и бороды.
Вот я снова ощутил её
на собственном горбу.
Без потерь прошла. Опять на новый круг.
Долгим взглядом провожаю
я злосчастную арбу.
С днём рождения меня поздравил друг.

СОЛОВЬИ

На вечерней заре
На соседнем дворе
Выступал соловей
С песней дивной своей.
И мы знали с тобой,
Что на липе густой
Он споёт вновь и вновь
Нам про нашу любовь.

Лето скоро уйдёт
И певца уведёт...
Что ж, тогда тебе я
Замену соловья.

ВЕСЕННЯЯ ФАНТАЗИЯ

Ты, как фея, появилась
В царстве призрачного сна,
Где меж веток притаилась
Любопытная луна;
 Где на шёлковой поляне
 Чутко дремлет ветерок.
 Там из радостных мечтаний
 Мы с тобой сплели венки.
Там, густой настой сирени
С лунным светом размешав,
С небывалым наслаждением
Пили мы на брудершафт.

ТОЛЬКО И ВСЕГО

Злобно дует лютый ветер.
И, наверно, от того
Я в глазах твоих заметил
Слёзы. Только и всего.
 Крепче холодом дохнуло !
 И, наверно, от того
 Ты к груди моей прильнула.
 Зябко. Только и всего.
И внезапно я заметил,
Уж не знаю, отчего, —
Только двое нас на свете.
Двое. Только и всего.

ПОЭТЫ

Уж такое нынче время:
Пусть колотит Муза в темя,
Пусть ты звёзды рвёшь с небес,
Денег нет, и ты — балбес.

Пусть он — с грамотой не дружен,
Пусть размер ему не нужен,
Пусть в помине рифмы нет,
Деньги есть и он — поэт.

СЛОВО

Тисками жмёт словесный мусор:
Консенсус, менеджмент, продюсер,
Маркетинг, плейер, паритет...
Родимых слов почти что нет.
Мы к Западу спешим в галопе.
Родная речь, покамест, в шопе.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Ветер вздохнул и повеял весной.
Мне показалось на миг : ты со мной.
Но под моею ладонью рука
Так равнодушна и так далека...

СВАДЬБА

Ах, свадьба! Древняя коварная ловушка!
Гремит и блещет златом самоварным.
Потом Царевну сделает лягушкой,
Царевича — растяпою бездарным.

СЛЕД

Старался много зим и лет,
Чтоб в жизни свой оставить след.
Потом уборщицы твердили:
«Вот, паразиты! Наследили!»

ОТРАЖЕНИЕ

Я молодой, весёлый, удалой.
Пружина или чёрт во мне сидит.
Но что это за дядька пожилой
Везде за мной из зеркала следит?

КРАСОТА

Бомжи развесили в подвале
С десяток стареньких афиш.
Упрёк уместен тут едва ли —
Красиво жить не запретишь.

ХМУРОЕ УТРО

Холодный чай, несладкий, без заварки.
Сухарь, уже последний, к чаепитью...
Ослепший телевизор древней марки
Настырно звал старуху на Гаити...

МЕЧТАТЕЛЬ

Как он мечтал, что жизнь положит на лопатки!
Потом. Пока ж козлом по ней скакал.
Когда решил в неё вцепиться мёртвой хваткой,
Глядь — рядом смерти жизнерадостный оскал...

ВЕТРЕНИЦА

Ветер пляшет, кружит, дует,
Как шаман, когда колдует.
Но не вырвется, увы,
Из прекрасной головы.

ПОСЛЕДНЕЕ

Жена последняя моя
Последний рубль мой отыскала.
Последний раз простив меня,
Козлом последним обозвала.

ВЫВОД

Мы порешили с корешами
(Кто возразит — прошу!),
Что любят женщины ушами.
Особенно лапшу.

ГОД ЛОШАДИ

Сказали: Новый год подходит конский.
А мне бы в зной в тенёчке полежать
На конском щавле, под каштаном конским.
И яблоч...- Нет! Не конских!.. — пожевать.

БЕСЕДА

«Сосед! Короче стали ночки.
Вчера сирень отбила почки!»
Сосед — с похмелья, думать лень:
«Дык шо? Со мной пила Сирень?!»

Наталья Голубева

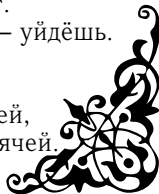

* * *

Мы приближаемся к границе,
Где за чертою — пустота.
Где платится за жизнь сторицей
И не мешает суета.
Своих грехов не искупивши,
Никто не знает день и час.
Слегка ворота приоткрывши,
Туда заманивают нас.
Свеча упала, догорела,
Растаяла в воде звезда,
Ночная птица улетела.
Жизнь продолжается всегда.
Так, свет Луны не исчезает,
Заколосится в поле рожь,
Звезда на небе засверкает.
Всё — будет. Только ты — уйдёшь.

* * *

Воспоминания, как острия лучей,
Чем дальше, тем сильнее и горячее.

Ещё горит хладеющая рана,
Как лезвия расплавленных мечей.
Моя душа почти всегда со мной.
Как бабочка, когда в траве порхает,
То замирает, то опять взлетает,
Переливаясь радужной волной.
Но как прочесть захлопнутую книгу,
Её безмежных таинства страниц?
Ведь жизнь — она...

Она подобна мигу,
Мелькнувшему с опущенных ресниц.

* * *

Не отпустить и не измерить,
В ладони жизнь не сохранить.
И ничего не изменить.
А надо дальше, дальше жить.
И ничему не хочешь верить.
Проходит день, проходит ночь,
На сердце — камень от потери.
Никто не в силах тут помочь.
Скребётся горе тихо в двери.
Не изменить нам ход времён.
Но как же дальше жить с утратой?! —
Терять ребёнка, мужа, брата...
Из камня трудно выжать стон.
А камень холодом могил
Хранит молчанье в своде склепов.
О, как ужасно, как нелепо
Жить, даже если нету сил!

* * *

Как хочется тепла
От первых дней весны!
Сквозь изморозь стекла
И зябкой тишины.
И первый солнца луч,
Мелькнувший на стене,
Из-за косматых туч,
Напомнит о весне.

Я окунусь в воспоминания
Давным-давно минувших лет,
Воссоздавая очертания
Тех, с кем меня сегодня нет.
Но солнца луч блеснёт за тучами,
И исчезает суета.
Тревожит душу что-то,
мучает,

Зовёт и манит пустота.
Так хочется вернуться в прошлое,
Исправить, даже зачеркнуть.
Но было что-то и хорошее.
И не уйти, и не свернуть.
Я погружаюсь в подсознание,
Туда, где днём мне путь закрыт.
И — нет вражды, непонимания,
И светлый, чистый путь лежит.

* * *

Как тяжело друзей терять,
Невозвратившихся обратно!
Словами так не рассказать,
Как не объять, что необъятно.
Как тяжело друзей терять! —
Парней высоких, молодых,
Сопровождал почти весь город.
Ведь каждый был при жизни молод,
Из неоставшихся в живых.

ПАМЯТИ ВЛАДА ЛИСТЬЕВА

Погиб ведущий — эхо века.
Убийц не дрогнула рука.
В живых не стало Человека.
Утраты боль так велика!
Её не выразить словами,
Не передать её пером.
Убийцы ходят между нами.
Идёт борьба добра со злом.
Его глаза...

Его улыбка...
В подъезде выстрел роковой...
Судьбы нелепая ошибка.
Цветы на пыльной мостовой...

* * *

Прощай! Я растворюсь во тьме.
Из тьмы шагни навстречу мне.
Но ты не унывай:
Ведь скоро будет май.
Меня не забывай.
Прощай!
Приду к тебе во тьме —
Протянешь руки мне.
Попробуй-ка тогда поймай!
Звенящей тишиной
Над пенистой волной,
В мерцающей звезде узнай.
Когда-нибудь с тобой
Над бездной роковой
Промчимся мы в манящий край.
Дарю тебе весну.
И, отходя ко сну,
В последний раз шепчу:
«Прощай!»

* * *

Человек — это звучит гордо.»

(М. Горький)

Об этом вслух не говорят
И в новостях не сообщают.
Собаки в души нам глядят.
А через миг их убивают.

Где твоя гордость, человек,
Когда друзей ты убиваешь
И в кузов грязный, словно в штрек,
За лапы тянешь и швыряешь?!
Но почему-то до сих пор
Собаки людям доверяют.

И охраняют дом, забор. —
За это люди в них стреляют?
Где на вопросы взять ответ?
Кто за предательство в ответе?
Короткий выстрел...

Вой...

И след...

Кровавый след при тусклом свете.

* * *

О чём мечтает пёс во сне?
О той поре щенячьей,
Когда он прыгал на волне,
Под солнышком горячим.
Мелькали лапы, уши, хвост.
А он визжал и бегал.
И, заскочив под старый мост,
Чем Бог пошлёт, обедал.
Ему казалось всё кругом
Таким большим, прекрасным.
И волны бились под хвостом,
Коротким и вихрастым.
Он, весь от радости светясь,
Под ноги всем кидался,
Ещё угрозы не боясь,
Всей пастью улыбался.
Теперь он взрослый, крупный пёс,
Осанистый и гордый.
Хозяйке тычет мокрый нос,
В улыбке скалит морду.
С щенячьей резвостью гулять
Он так же выбегает.
Но то, что было — не догнать.
И пёс во сне вздыхает.

* * *

Звучит мелодия Востока.
Печаль в вечерней тишине.
Я вижу тополь одинокий
В туманно-серой вышине.

И что-то грустное до боли,
И что-то сладостное в ней.
Я чувствую, как дышит поле
В закате солнечных огней.

ЛЕТО

Капля на ладони
Катится, сверкает.
Хрупкая пушинка
В воздухе летает.
Бабочка застыла
В золоте цветка.
И блестит на солнце
Синяя река.

* * *

Музыка влетает
Через двор в окно.
Солнце догорает:
Вечер уж давно.
Жаркий день закончен
И деревья спят.
Кое-где тихонько
Листья шелестят.
Так и жизнь проходит.
И, взмахнув крылом,
Мудрость к нам приходит
С первым серебром.

* * *

Плачет малышка: колли убили.
Кровью замешан дорожный песок,
Лапы и хвост припорошены пылью,
Насквозь разбитый лохматый висок.
Плачет девчонка пронзительно, тонко,
Слёзы бегут в кулачок.
А у дороги, почти что у кромки,—
Труп, как кровавый мешок.

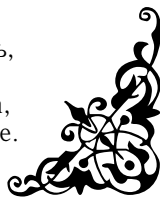
Рядом, притихнув, стояли мальчишки,
Горю не в силах помочь.
Лишь надрывалась от крика малышка
И «Мерседес» летел прочь.

* * *

Листик осенний кружится и падает
Бабочкой жёлтой на снег.
Что-то нас в жизни печалит и радует
В атомно-ядерный век.
 В мире насилия, в росте инфляции
 Короток жизни пробег.
 В мире коррупции и радиации
 Чахнет живой человек.
Сколько ещё нам судьбою предсказано?
Кто нам на смену придёт?
Сколько открытий, ещё не разгаданных,
С гибелью мира умрёт?
 Листья промокшие медленно падают
 За потускневший забор.
 Что-то нас в жизни печалит и радует.
 Впрочем... пустой разговор...

* * *

Позови меня в морскую даль,
Где волна встречается с волной,
Плеск волны и тихая печаль
Погружают в мир иной. —
 Мир волшебных слов и сладких грёз,
 Где исчезнет боль земных утрат.
 Шум дождя и запах свежих роз,
 Шёпот листьев невпопад...
Позови меня в морскую даль,
Где из волн рождается рассвет
И вода прозрачна, как хрусталь,
Излучает яркий свет.
 Догорит последняя звезда,
 Догорит свеча в моём окне.

Позови меня в морскую даль
В предрассветной тишине.

* * *

Шины машин по асфальту шуршат.
Жёлтые листья, зелёные ели...
Что ж мы друг другу сказать не успели?
В парке влюблённые пары сидят.
Много воды утекло с этих пор.
Листья от инея посеребрили.
Этот ненужный, пустой разговор...
Жёлтые листья, зелёные ели...

Александр Машинин

* * *

Не унывай, мой друг, не унывай.
Что жизнь и смерть?
Есть вещи поважнее.
В печи моей печётся каравай
И хлебный нож веками не ржавеет.
 Порежем хлеб, нальём себе вина.
 Что жизнь и смерть? —
 Условные понятия.
 Давай сейчас напьёмся допьяна
 И ляжем в ночь на стёртые полати.
Века пылят по брэнности во мгле.
Что жизнь и смерть? —
Кострища на дороге.
Остынет жар космических углей
И нас растопчут схоженные ноги.
 А кто-то там, в измятом далеке,
 Где мир ещё на миг один свежее,
 Увидит волос белый на виске...
 Что жизнь и смерть? —
 Есть вещи поважнее.

МОНОЛОГ ЮРОДИВОГО

Обмани меня, ночь, обмани!
Дай почувствовать силу и жажду.
Пусть вдали засияют огни,
Что зажглись и погасли однажды.
Пусть не эта кофейная муть
Будоражит мне сердце и разум.
Дай хоть раз мне свободно вдохнуть
И свободную выдохнуть фразу!
Чтобы фраза добротным венцом
Укрепила строение храма!..
Даже если на теле моём
Эта фраза останется шрамом.
Я готов эти шрамы нести
По дорогам тоски и печали,
Головою в припадках трясти
И в постели мочиться ночами,
И юродствовать на площадях,
И показывать грязное тело.
И пусть толпы меня не щадят —
Пусть камни швыряют умело...
Всё снесу я. Всё выдержу я.
Жизнь была или нет?
Это, в общем, не важно.
Обмани меня, ночь.
Обмани меня!
Утоли ядовитую жажду.

* * *

Умчит такси в Талнах меня
Из шума, гама ресторанного.
Заизвевается змея —
Дорога жизни, окаянная.
Вонзая жёлтый стопор фар
В хмельную лихость снегокружева,
Машина терпит перегар
Не до хорошего и не до лучшего.
О, как приятно позабыть
Кто и зачем ты в этом вареве,

Не ненавидеть, не любить,
Сквозь жизнь промчатъ, вонзаясь фарами!

* * *

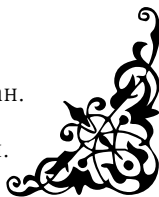
Кому-то весело в ночи:
Стучится в окна смех девичий.
А здесь так больно, хоть кричи,
Или налей «Столичной».
 Да я ль смеяться не умел!
 И мне ли слушать, как тоскливо
 Скрипят созвездья про удел
 Обидный и несправедливый.
Мы все равны под небом вольным,
Но всяк по-своему влачит.
И как всегда: кому-то больно,
Кому-то весело в ночи.

* * *

Когда душа устанет жить,
Когда душа спешить устанет,
Судьбы слепые виражи
Покроет жёлтыми листьями.
 И зародится боль в груди,
 Которой нет истолкованья.
 И горы слов не города —
 Ей не придумаешь названья.
Одна печаль у нас, одна —
Что песня жизни не допета.
Но от петли и пистолета
Нас не спасает и она.

* * *

Сколько раз говорил я себе:
«До чего ж докатился ты, Сашка?!
От любимой осталась тебе
Лишь в полоску с узором рубашка.»
 Только это — хандра и скулёж.
 Был я тоже ведь счастьем обласкан.
 Не такой я колючий, как ёж,
 Да и в чувствах свои не растаскан.

Правда, женщины шли чередой,
Оставляли и пустошь, и метки.
Чаще боль становилась бедой,
Сердце птицею билось по клетке.
Но одна дорога мне из них.
Остальные — они не любимы.
Ни одна не ворвалась в мой стих,
Даже в памяти сердца незримы.
Не рубашка одна! Не дури!
Всё пришло на всю жизнь из мгновенья.
Стих, зажжённый любимой, горит.
В нём — любовь, в нём моё вдохновенье.

МАМИН ПЛАТОК

Белым по зелёному,
голубым по краю,
Мама вышивала
поле, смех цветка.
Птица пролетела,
белая такая,
И застыли крылья
посреди платка.
Я потом уехал
далеко-далече,
И платок весёлый
милая взяла.
На платке по полю
расплескались плечи,
Словно крылья птицы,
словно два крыла.
Волны дико бились,
ветры звонко пели,
Облетели с клёнов
ржавые листья.
А глаза зачем-то
верить не хотели,
Что цветы в метели —
не весной цветы.
Снова бьют по полю
крылья светлой птицы,

Клевера и маки
 подминаешь ты.
Все уснули вьюги,
 мне опять не спится,
Мама вышивает
 поле и цветы.

* * *

*Ушедшему в мир иной поэту-другу
Эдуарду Владимировичу Нонину
с признательностью за добрые дела.
Пусть земля будет пухом...*

О, грусть моя, взвейся облаком
В густой беспредельной сини...
И, может, паду я в обморок —
Крикливый росток России.

ДУШИ НЕСКАЗАННОЕ СЛОВО

Я в упадке,
 я в порыве.
На переломе новых чувств.
Моя душа,
 как пепел стынет,
Но я мечусь,
 мечусь,
 мечусь.
Мчусь в неизведанные дали
Непокорённой высоты.
Моей судьбе не навевали
Ветра несбыточность мечты.
Душа моя мгновенья ждёт.
Ей не впервые.
Всё не ново...
Так никогда не упадёт
Души несказанное слово.

ПРОЩАНИЕ

посвящается М. М.

Ты тихо плачешь.
 Я молчу.
Я понимаю твои слёзы.

Кто виноват, что мир так создан,
Переплетён и перепутан, —
Приходим рано или поздно,
Но никогда в одну минуту.
В последний раз, в последний миг,
Всегда приходит откровенье.
Но не находится спасенье
В последний час, в последний миг.
Прости меня и не прощай!
Тебя любил я, это — правда!
Но ждёт услужливое авто...
Прости меня и не прощай.
Но ждёт услужливое авто,
И, поднимаясь всё выше,
Луна предсказывает Завтра,
В котором я —
как дом без крыши.

ПОЭТЫ И ГУСАРЫ

Куртизанки с гитарами,
Кудри над эполетами.
Пьют поэты с гусарами,
А гусары с поэтами.
Жизнь богата победами,
Канделябры — пожарами.
Пьют гусары с поэтами,
А поэты с гусарами.
Пунш пылает над чарами
Голубыми рассветами.
Пьют поэты с гусарами,
А гусары с поэтами.
Потому ли, поэтому,
Умирили не старыми
Все гусары — поэтами,
А поэты — гусарами.

Зарема Дадой

* * *

Твои слова мне душу согревают,
Во мне они таинственно звучат,
Слегка кружат меня и опьяняют,
Дорогою неведомою мчат.

И в суматохе дней, в ночах бессонных
Я мысленно тебя к себе зову.
О, как хочу в твоих глазах бездонных
Увидеть тот же свет и синеву!

* * *

Зелень лета, облака,
Море, синий цвет...
Твоя надёжная рука,
Мечты на склоне лет.

Неужели наяву
Это всё со мной?!
И я как облако плыву
Следом за тобой.

Ранней весенней порою
Роща умылась росой,
Солнце теплом приласкало,
Всё от зимы здесь устало.
Травы зевнули, проснулись,
Птицы недавно вернулись.
День весь сверкал и смеялся,
Ветер на ветках качался.
Жизнь вся играла, кипела,
Радостно птица запела.
Стало всё вдруг распускаться:
Время пришло пробуждаться.

* * *

Как ни одну пору другую,
Люблю я осень золотую.
За чудный свет её волос,
За аромат цветущих роз,
За изумительный наряд,
За чистый, нежный, добрый взгляд,
За её сказку, волшебство,-
Чем наслаждаться мне дано.

* * *

Бал в осеннем лесу. Здесь танцует листва.
И кружится она без конца, без конца.
Тихо шепчутся листья, улетают слова,
Им мелодию ветер напевает слегка.
Как прекрасен их бал! И волненье листвы,
И задумчивый вальс в этой милой тиши.
И в прощании этом нет ни слёз, ни мольбы,
Только лёгкие вздохи надо мною слышны.

* * *

Часы, как минуты, бегут и бегут.
И мы их торопим куда-то.
Так за минутами годы пройдут.
Не будет назад им возврата.

Опадают листья. Осень улетает.
И свои владенья с грустью покидает.
И кружатся в небе мелкие снежинки.
А быть может, это — осени слезинки?

* * *

Улетели соловьи,
Розы вянут без любви.
Где-то слышится в тиши
Плач невинной их души.

* * *

Ей много не надо — несколько слов,
Лишь изредка, может, букетик цветов.
И- в сердце её вдруг проснётся весна!
И вам улыбнётся по-детски она.

* * *

Жизнь наша — миг. Мы забываем это.
Себя терзаем зря, страдаем без просвета
И годы тратим попусту, напрасно,
Того не замечая, что — прекрасно.

* * *

Есть в мире счастье, улыбнись.
Оно с тобою, оглянись.
На всё иначе посмотри
И слёзы горькие утри.

* * *

Ты прилетишь, как ветерок,
С твоих бесчисленных дорог.
Едва переступив порог,
Ты отдохнёшь от всех тревог.

Жизнь погрузилась в нищету,
Ведёт нас вниз и в пустоту.
Она — подобие кольца,
Где нет начала и конца.

Море вскрикнуло в ночи,
Слёзы брызнули на сушу.
И казалось, что вдали
Сам Нептун всплывал наружу.
Из глубин, из темноты
Грозный призрак поднимался
И, услышав шум воды,
В небе месяц просыпался.
С высоты, издалека,
Он следил за этой сценой.
Бледный свет его слегка
Освещал простор безмерный.
Там — швыряло и несло:
Море волнами вздымалось,
Их бессчётное число
В бой невидимый бросалось.
Проходили в гнев дни,
Бушевало море страстно.
Но однажды всё в ночи
Усмирило время властно.

Забытый свет твоих очей,
Забытый плач, в ночи, свечей...
Весна, цветы, твоя любовь —
Всё вспомнилось, вернулось вновь.
Передо мною — снова ты,
Слова любви, весна, цветы,
Плач восхитительной свечи
В прозрачной, сказочной ночи.

Я в плену у твоих восхитительных глаз.
Я их видеть хочу каждый миг, каждый час!
Вслед идти за тобой по ступенькам любви,
И подняться до звёзд, заблудиться вдали.
В свете яркой луны здесь остаться вдвоём,
В королевской ночи позабыть о земном,
Слушать музыку звёзд, шёпот нежный в тиши
И идти, и идти за тобой в миражи.

* * *

Слёзы летнего неба
Постучали в окно.
Я не знаю ответа:
Этот плач — отчего?
И напрасно гадаю,
Твою слушая боль.
Я тебя утешаю
И страдаю с тобой.

* * *

Я спросила у лета,
Где же счастье моё:
Затерялося где-то,
Не приходит давно.
И в ответ слышу ясно:
«Ты его и не жди:
Ожидаешь напрасно —
В твоей жизни — дожди...»

* * *

Мы хотим в своё поверить счастье,
Прикоснуться хоть одной рукой.
Но оно приходит так не часто,
Или же обходит стороной.
Но мы верим в счастье, словно в чудо,
И зовём к себе в тиши ночной.
И оно приходит ниоткуда
И уводит следом за собой.

Ты не услышишь плач желанный,
Он не сорвётся с губ моих.
И этот вечер наш прощальный
Последним станет для двоих.
 Тебе не больно, не тоскливо,
 Не жаль нисколько меня.
 Всю горечь эту молчаливо
 Я в сердце спрячу у себя.

* * *

Я год за годом к старости иду.
И с каждым годом — ближе, ближе, ближе
Мой смертный час. В могилу я сойду
И, опускаясь с каждым мигом ниже,
Я растворюсь в безмолвной тишине.
И смерть меня накроет чёрной шалью.
И в этой страшной и холодной тьме
Останусь я наедине с печалью.
И стон мой не услышат на земле,
И сон мой, в глубине, навечно будет,
И вскоре все забудут обо мне,
И никого мой голос не разбудит.

* * *

Ещё горит моя свеча,
Но так немного ей осталось!
Вот-вот угаснет и она,
И снимет всю мою усталость.
И я вдохну последний вдох.
Умчит меня. И в Неизвестность
Я поднимусь. И только Бог
Продлить мою сумеет вечность.

* * *

Устаю от бессонных ночей
И напрасно надежду питаю.
Я тоскую в постели своей,
Чем утешить себя, я не знаю.

А во мне — нестерпимая боль,
От которой так трудно живётся.
В этой жизни горька моя роль.
Всё проходит, а боль остаётся.

* * *

Мужайся, гордый мой народ!
Не раз сносил ты оскорбленья
И в бездне мутных вод
Ты видел смерть и униженье.
 Но, смело голову держа,
 Ты не склонился пред судьбою!
 Ты жил и, верою дыша,
 Боролся с чёрною чумою.
И не иссякнет твёрдый дух
В душе бесправного народа!
Освободимся мы от мук
И — будет светлою дорога.
1987 г.

НАМ НАШУ РОДИНУ ВЕРНИТЕ!

Ты помнишь, Крым, людское горе?
Печаль бездонная, как море,
На землю крымскую легла,
И плачем вспыхнула она!
Казалось, горы содрогнулись
От крика, шума, суеты
И в небо птицы встрепенулись
От вдруг нагрянувшей беды.
Как будто туча грозовая
Нависла над людьми тогда,
И участь горькая и злая
Им уготована была.
Людей разлука ожидала.
Сердца пылали, словно жар;
Земля, в отчаяньи, впитала
Те слёзы высланных татар.
Им всё живое вслед кричало:
«За что?! Куда?!.. куда?!.. куда?!»

Светило от стыда молчало,
Закрыв печальные глаза.
Осиротел цветущий край,
И люди вмиг осиротели,
Когда в тот горький, грозный май
Их обвинили — всех! — в измене.
Какая страшная вина
На бедный мой народ легла!
Рекою слёз была полна
Моя родная сторона.
И долго слышался их плач.
То не правитель, а палач
Такой приказ им подписал
И весь народ оклеветал!
Под стук колёс с родной земли
Народ невинный увезли.
А братья, внуки и сыны
Сражались на полях войны.
И разве знать они могли
Всю силу страшной той беды:
Что их народ чужбина ждёт,
Что клевета сердца их жжёт.
Рвались сердца людей на части —
То был позор Советской власти!
Где — Братство, Равенство, Свобода?!
Где честь правителей народов?!
Убитый горем мой народ:
Что хуже может быть чужбины?! —
Для нас там птица не поёт,
Она нам — клетка и поныне...
С тех пор прошло немало лет.
Дать положительный ответ
Давно пора: нам дорог каждый час.
Вы сердце отняли у нас!
Молчать не будем и теперь —
Родное небо возвратите!
Скитаньям будет ли предел?
Нам нашу Родину верните!
1978 г.

Наталья Шрушкова

* * *

«Кто ты такая, чтоб тебя любить?
Ославлена, стара и с сединою.
Не нам чета. Смешною нужно быть,
Чтоб осень жизни спутать вдруг с весной.»
 Благодарю! Летящих стрел огни
 Навылет сердце выбросили в юность.
 Калейдоскопом — праздничные дни...
 Их лёгкая наполнила бездумность.
Всего лишь взгляд — небесный метеор,
Всего лишь жест — в нём нежность и тревога.
В твоих словах ткала любовь узор
И радостью стояла у порога.
 Благодарю. Не чаяла уже
 Испить вина пьянящего разлива.
 Подарком дорогим тоскующей душе
 Звучат твои слова: «Ты так красива.»

КОТУ

Никто котам стихи не посвящает.
О верности кошачьей не кричат.

А сколько тысяч лет они спасают
От одиночества и взрослых, и ребят.
Пушистые, любимые зверюшки —
Тепла и неги колобки.
Всегда на страже! Ушки на макушке!
Украсть сметану и порвать клубки
Готовы вы. Но вас легко прощают,
Надравши, гладят, молочком поят,
Кусочком рыбы дружбу закрепляют,
Обнявши вас, блаженствуют и спят.
Красивые, изящные зверюшки,
Вы под рукой, когда невоготу.
Дружочки вы! Дружки! А не игрушки.
И дружбы этой славлю красоту.
История чудес немало знала:
Коты искали дорогих людей,
Протопав путь тернистый и немалый!
Ты береги котёнка и жалей.

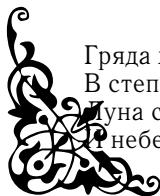
* * *

Дождь стучится осторожно,
Словно путник у двери.
Весточку принес, возможно,
В час бессонный до зари?
Весть добра или печали?
Быть готовой ко всему...
Праздник был у нас вначале,
Может, проводы ему?

* * *

Благодарю тебя, мой добрый гений,
Мой дар писать, неяркий и простой.
Я знаю счастье радостных мгновений —
Победы над бедой и суетой.

* * *

Гряды холмов — верблюд стогорбый — дремлет.
В степи полынь — духи на все века.
Луна словам любви и вздохам внемлет,
И небеса, как вечности река.

Покой во всём. И ветер крылья прячет.
Земля усталою кормилицею спит.
Ночной порой всё видится иначе,
И Вечность с человеком говорит.

* * *

Что-то смута в моём сердце.
Что-то смута и печаль.
Никуда от них не деться.
И себя совсем не жаль.
 Дождь стучит, как нищий кружкой.
 Темень ночи, как печать.
 Нежность горькой побирушкой
 Мне привидится опять.
Очи-очи — звёзды синие.
Птицы-жар осветят тьму.
Сколько ласки в твоём имени,
В твоих взглядах. Почему?
 Почему? Откуда слёзы?
 То дождинки за окном.
 Тёмной ночью угрозы?
 Это просто майский гром.
Утром солнце грусть развеет,
Заалеет в чашах роз,
Приласкает, отогреет
От угроз и просто гроз.

* * *

Запах палой листвы
И небес розоватые дали.
Мы тобою на «Вы»,
Елей тёмная зелень печали.

СОСНЫ

Как много зим и много вёсен
Тянулись ввысь верхушки сосен,
Навстречу солнцу, небесам,
Дневным и звёздным чудесам.

И обнажив стволы прямые,
Как души высветив святые,
В зелёном царственном раю
И у обрыва на краю.
На страже высшей правоты —
Природы чистой красоты,
Их кроны солнце коронует,
Величье власть даёт святую.
Так гении среди людей
Душою выше и ровней,
Их часто рубят на корню,
Чтоб не завидно было пню.
Кто ростом выше — не забудь:
Топор наточит кто-нибудь.

СОБАЧЬЯ ЛЮБОВЬ

Вечереет. Зябко. Воеет ветер.
Ветка тополя стучит в окно.
Пёс-дворняга у калитки встретил,
Поджидал меня уже давно.
И — восторг собачий! Лижет руки.
Что ему ненастье? — Ерунда!
Он согласен на любые муки,
Только б быть с хозяйкою всегда.
Нерасчётлив, ласков, предан — Боже!
Нам высот собачьих не достичь.
Ведь любовь для них на жизнь похожа.
И дороже, чем любая дичь.

ЗАЩИТНИК

Саша с мамой были друзья. Не у всех мальчиков мамы друзья, а у Саши — друг. Они всегда с мамой заодно, если против мамы бабушка или папа. Мама у Саши очень красивая и любит красивые платья. Она их покупает, а папа с бабушкой её ругают.

— Вот, опять все деньги истратила, ребёнку на питание не хватит! — кричала бабушка.

Мама молчала, а Саша отбивался:

— Мне хватит на питание, я мало ем!

— Не девчонка, довольно уже наряжаться, — ворчал папа.

— Пусть! Она же не бабушка,— убеждал Саша папу, потому что Саше так нравилось, когда мама в новом платье, когда от неё пахло духами, а волосы были уложены в причёску и сверкали. У Саши даже дух захватывало. Мама стояла и радостно улыбалась, она хотела, чтобы все её хвалили и любили.

Саша видел, как от упрёков у мамы гасли глаза и она сникала. Меняла платье на старый халат и шла на кухню. Саша шёл за ней следом. Он прижимался к ней и шептал:

— Мачка! Ты самая красивая в этом новом платье!

— Не мачка, а мамочка! Это правда, Саша? — доверчиво спрашивала мама и присаживалась на корточки.— А причёска моя тебе понравилась?

Саша трогал её сверкающие волосы ладошкой и восхищённо говорил:

— Да, мачка! Я в кино видел такую, у артистки.

Мама весело целовала сына и шептала:

— Спасибо, дружок. Теперь у меня хватит сил на стирку и уборку.

— Я тебе помогу,— так же тихо отвечал сын.

Зимой Саша простудился и заболел. Он долго лежал в больнице, а после больницы его отправили в санаторий в другой город. Мама отвезла его и попрощалась. Она стояла, постаревшая и некрасивая. Как только мама уехала, Саше стали сниться сны, в которых мама приходила к нему в новых платьях, со сверкающими локонами на плечах. И он думал, как её теперь ругают бабушка и папа, а защитить некому. Саша тосковал, мучился и не знал, как помочь маме.

Они каждый день играли с ребятами во дворе санатория. Однажды Саша нашёл монетку, пятнадцать копеек. Обрадовался и спрятал в карман. Пришёл в палату, вытащил конверт и надписал его на обороте: «Секрет для мамы». А на белом листе бумаги старательными каракулями вывел:

«Здравствуй моя любимая мачка! У меня всё хорошо! Я вылеживаюсь. Нашёл пятнадцать копеек, посылаю тебе. Целую, твой сын Саша.»

ПАПА-МОРЯК

У Серёжи появился папа. Раньше они с мамой жили вдвоём и Серёжа очень хотел, чтобы к ним приехал папа.

Каждый вечер папа приходил в садик и забирал Серёжу. Мальчик гордо и радостно смотрел на высокого моряка и кричал на весь детский садик:

— За мной папа пришёл! — И бежал к моряку, не забывая по дороге оглянуться, чтобы проверить, как смотрят дети на его папу. Дети, как и полагалось, смотрели на моряка одобрительно.

Утром, едва переступив порог группы, Серёжа заявлял:

— Вечером за мной придёт папа!

Все радовались за Серёжу.

Но однажды за ним пришла мама. Серёжа тревожно посмотрел на неё и замер на месте. Его розовые щёки побледнели, тонкие пальцы вцепились в кубик и не хотели разжиматься, широко раскрытые глаза недоумённо смотрели на маму. Она ласково улыbnулась:

— Серёжа, пошли домой!

Мальчик не двигался с места. Женщина растерянно огляделась, словно извиняясь перед детьми за Серёжино поведение, потом подошла к нему:

— Ну, что ты, Серёженька? Я не хотела тебя огорчать заранее. Папа ушёл в рейс. Он вернётся не скоро.

Серёжа облегчённо вздохнул:

— Ничего. Я подожду его в садике.

ИЗВИНИТЕ

В детский сад входит симпатичная девушка баскетбольного роста. Курносый лопухий Виталик смотрит на неё удивлённо.

— Ой, тётя, какая Вы большая! — поражается он.

— Вот вырастешь, и будешь таким же! — обиженно отвечает девушка.

— Я очень хочу вырасти! — доверительно делится Виталик и даже жмурится от удовольствия.

Но девушка уязвлена.

— Ты вырастешь и будешь таким же большим, как я, — мстительно добавляет она.

— А! Значит, я буду Дядей Стёпой! — очень счастливым голосом восклицает Виталик и только теперь замечает, что у девушки от обиды прыгают губы.

Он задумывается, смотрит на неё сочувственно и доброжелательно говорит:

— Вы, наверное, Дяди Стёпина Тётя?! А я Вас не узнал! Извините...

ДРУГ

Каждый раз, когда дети одевались на прогулку, Вова терпеливо завязывал Наде шнурки на ботинках, застёгивал трудную верхнюю пуговицу на пальто.

Однажды Надя шалила и разбила вазу для цветов. Воспитательница поставила Надю в угол. Надя нудилась в углу, глядя, как девочки играют в зоопарк плюшевыми игрушками. Когда же Ира взяла её любимого Чебурашку, Надя горько заплакала.

Вова тотчас заметил Надины слёзы. Ему и без того было не по себе, а теперь стало совсем плохо.

— Надя плачет,— грустно сказал Вова, подходя к воспитательнице.

— Ей, наверное, вазу жалко? — спросила Нина Егоровна.

Вова обиженно глянул на неё. Лицо у Нины Егоровны было серьёзным, а Вове почему-то казалось, что она смеётся. Он растерянно потоптался на месте и отправился к Наде. Ободряюще улыбнулся ей и ласково сказал:

— Иди поиграй, я постою за тебя в углу.

— Нина Егоровна ругать будет! — нерешительно, но обрадованно откликнулась Надя.

— Не будет. Угол всё равно занят,— твёрдо ответил Вова.

ЛУЧШЕ ВСЕХ!

Серёжина фамилия была Зинченко, а звал его Зиночка.

Мальчика это не обижало, потому что прозвище было ласковым. И характер у Серёжи был такой же — покладистый, стоворчивый, спокойный. Он ни с кем не дрался, и никто из взрослых с ним не мучился. Но была у Зиночки одна слабость. Ничем не выделявшийся мальчик хотел быть лучше всех. Каждый раз, когда заканчивались занятия, воспитательница говорила:

— Сегодня лучше всех считал Олег!

— Сегодня лучше всех рисовала Оля!

— Сегодня лучше всех делал упражнения Коля!

И каждый раз Зиночка опускал белокурую голову и расстроено спрашивал:

— А после них, кто лучше всех?

— Ты! — ободряюще говорила воспитательница.

Зиночка улыбался, но понимал, что ему чего-то не хватает, чтобы стать лучше всех.

Весной дети вскапывали огород. Немного поработав, передавали лопаты товарищам и уходили играть. Все трудились поровну. Один Зиночка никому не давал лопату.

— Серёжа! Отдай лопату! Хватит! Ты устал!

— Не отдам! — твёрдо говорил Зиночка.

Никакие уговоры не помогали. Когда всё было вскопано, воспитательница поставила Зиночку перед детьми и сказала:

— Ребята! Серёжа копал лучше всех! Он самый трудолюбивый мальчик в группе.

Зиночка застенчиво пошмыгал носом:

— Вовсе и не трудно было. Это дедушка научил меня копать.

Борис Слуџанко-Поплавский

ДАВИДОВА ЗВЕЗДА

Я изменил родном городу...
Я изменил ему за то,
Что в нём евреям рвали бороды
И шили звёзды на пальто...
Шестиконечные, зловещие,
Те могоидовид на плечах...
В последний путь
Тащил их вещи я,
И видел ужас в их глазах...
Ту чашу с ядом, митридатову,
Отведал мой народ до дна...
Коротким залпом автоматовым
Его судьба оборвана.
Их давит боль
И ров им тесен,
И я проклятье повторю
Не раз зловещему, без песен,
Тому немому ноябрю.
Была их песня не допета,

Была их ноша нелегка.
И был им мир
Огромным гетто.
Был... до нажатия курка.
Я изменил родному городу,
Коль стал мне город неродным.
От злости я кусаю бороду.
Я сед, я нем, я нелюдим...
Так дайте ж сил мне геркулесовых,
Чтобы поднять их из земли,
Чтобы над каждым неизвестным
Суровый обелиск застыл.
Чтобы его наведаль раввин,
И засияла, навсегда
Резцом оставленная в камне,
Как сон, Давидова звезда.

Я ВИДЕЛ... **(поэма об одном дне)**

В дни войны я побывал в Берген-Бельзене, где находились представители ста семей, сохранивших документы о жизни и бытии своих родов в Испании. Они обратились к заступничеству испанского консула и... Испания признала этих евреев своими гражданами. Те, кого видел я, дождались своего освобождения в лагере, дождались крушения Гитлера.

Далёкие, серые годы...
Тогда и малец был рабом.
Не думал никто о погоде,
Барак принимая за дом.
Над лесом зловеще стояла
Как сон, люнебургская мгла,
Нацистам она предвещала
Падение горе-орла...
Я видел этап варшавянок
Во мгле люнебургских лесов —
Созвездие гордых славянок
В кольце автоматов и псов.
Но самое страшное было,

В глазах изумлённой земли,
Что, в серо-зелёных мундирах,
Их в лагерь прусачки вели.
То были и Гретхен, и Эльзы,
Вели, словно скот со двора
В барачный зловонный Бельзен,
Жующий тела, как дрова.
И самое страшное было
В шеренгах из серых полос,
Что женщина женщину била
И резко кричала: «Лос!»
А рядом, в беретах, евреи,
Готовясь, увы, не на бал,
От вечного страха немея,
Продолжили лесоповал...
Я знаю, что ненависть-сила
Поднять их на подвиг могла...
Но всё это время скрыло,
И та люнебургская мгла...

КОГДА ЗЕМЛЯ НЕ МАТЬ...

Одна ты, средь сотен могил,
Покрытая дёрном, могила,
Тела превратившая в ил.
Одна ты, с их кровью, застыла.
И руки их тянутся к нам,
Хватая за ноги и души:
«Вы видите этот бедлам?
Чего же вы бьёте баклуши?!...»
Они надеялись и ждали,
Сжимая кисти белых рук...
Но были: ров, глаза из стали
И автоматов перестук...
Какое здесь подыщешь слово,
Чтоб эту драму описать?
Смерть ни за что.
Не жить им снова.
И больше им земля не мать.

ЗДЕСЬ НЕ ПАСУТ ОВЕЦ...

*(За Дуванкоем, на обочине,
гитлеровцами было расстреляно
около шести сотен евреев...)*

Здесь не пасут овец,
Здесь не цветёт чабрец,
Шесть сотен иудеев
Нашло здесь свой конец...
В промозгом ноябре
Фашистское каре,
Сомкнув ряды, в туман и непогоду,
Без следствия, суда,
Приволокло сюда
«Винovníков» невинного народа.
Кровавую вуаль
И крупповскую сталь
Увидела «немытая Рассея».
И падали ничком,
Глотая боли ком,
Несчастливые потомки Моисея...
Под грозный лай собак,
Без боя, без атак,
Свершалось хладнокровное злодейство.
И падало в полынь,
Неслось в колодца синь,
Покошенное пулями, еврейство...
Чредой прошли года,
Но больше никогда
Подобное не в праве повториться...
И пусть поёт о нём
Осенним хмурым днём
Безмолвных слёз солёная водица...

ЗЕМЛЯКУ НА ПАМЯТЬ...

Недоверья растоплен лёд.
Чёрной мидией скован камень.
Время мчится. И каждый год
Пополняется земляками...

Уезжает в Израиль Ком...
Что ему там, в Израиле, делать?
Но зовут его там земляком:
Он привёз нашу, крымскую, землю...
Кто ж тогда в этом мире я,
Победивший и лень, и делячество?
Щебень Керчи — моя земля.
Люди Керчи — моё землячество...
Чёрной мидией, как во сне,
Обрастает подводный камень.
Голос дивный слышится мне:
«Обрастайте, друзья, земляками»...

* * *

Пашни, равнины, в степи полустанки,—
Мой поезд грохочет по крымской земле.
Он мчится к далёкой и близкой керчанке,
С которой не виделся тысячу лет...
И сердце забилось, ревниво забилось,
От мысли, что больше не встречу я с ней.
Припомнил я всё, что давно позабылось:
Свет белой луны и причальных огней...
Ужель возвратится то счастье былое?!
Его не сравнить мне с сегодняшним днём.
И будет ли небо опять голубое?
И будем ли зори встречать мы вдвоём?..

СЛОН ИЛИ ЧЕРЕПАХА?

Прибегает как-то сын
И кричит мальчонка:
«Папа, видишь — пластилин.
Сделай мне слонёнка.»
От души я «созидал»
Ноги, хобот, уши.
Всё сынишку поучал,
Как лепить игрушки.
Наконец сказал: «Готов!»
Для родного сына

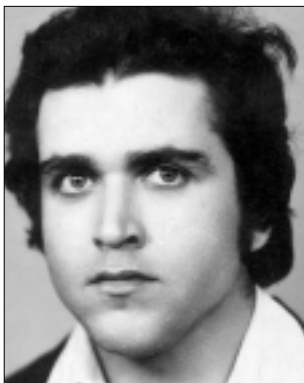

Я слепил бы сто слонов —
Нету пластилина.
Сын «скульптуру» оценил
Взглядом мецената:
«Хвост велик, а хобот мал,
Ухо — как лопата.
Не медведь и не бизон,
Не осёл, не птаха...
Ну, какой же это слон?
Это — черепаха!»

Александр Иванов

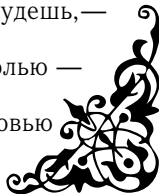
В КЕРЧИ

Под моря шум тревожно спится —
На карте и в душе тупик.
И шторм девятибалльный снится,
И круг спасательный в «час пик».
 Зверь на цепи — волна морская,
 Фонтаном брызг она зовёт
 Вслед за собой, всем потакая,
 В морской пучине кто живёт.

Не моряка и не матроса,
И не любовью рыбака —
Тебя я, море, за вопросы
Люблю, спросив издалека:

 Доколе ласковым ты будешь?
 Застынешь ли зимой во льду?
 Под панцирем про всё забудешь, —
 Что снова я к тебе приду?

Вернусь, чтобы расстаться с болью —
Так любят только матерей,
Вернусь, чтоб обласкать с любовью
Песчаный берег двух морей.

1999г.

9 МАЯ

Вознёся вершиной,
Разросся, как сад,
В глубоких морщинах,
Седой Митридат.
Девятого мая
Сюда все идут,
Цветами встречая
Победный салют.
И разные страны
Медалью легли
На грудь ветеранов —
Европу прошли.
Нет больше нацизма!
Пророк старины
Страшной катаклизмов
Смерч видел войны.
Преследовал страны
Фашизма злой рок,
Но сам Нострадамус
Предвидел урок,
Дадут что солдаты
Великой страны.
Теперь с Митридатом
Обнявшись они.
Слеза человечья
О том говорит,
Что факелом вечным
Здесь память горит.

2001г.

ПАМЯТИ ЛИСТЬЕВА

Почки развернутся в листья,
К возрождению новый март зовёт,
Но убит бандитской пулей Листьев —
В голову! И в шоке весь народ.

Девять граммов ведь хватило гадам,
Чтоб с надеждою покончить и с мечтой.
Мы всегда гордились нашим Владом —
Он для нас навечно молодой.
От руки наёмного убийцы
Пал уже не первый журналист.
Не пора ли всем остановиться
В страшном танце под свинцовый свист?!
Или власть употребить, где надо —
Как бессильна эта власть сейчас!
Потеряли мы не просто Влада, —
Ведь уходят лучшие из нас.
Но со счёта списывать их рано.
Журналисты — совесть наша, боль.
Смотрит Листьев на меня с экрана...
И «Час пик» — последняя та роль.
1 марта 1995 г.

НАМ — 50 !

Бывают в нашей жизни годы,
Когда мы детям антиподы.
Ведь нам по паспорту полвека,
А век короткий человека.
В плену у седины и лысин,
И грустных, недостойных мыслей,
Не можем, право, обольщаться,
Что возраст — главное богатство.
Но наше счастье, наши дети,
Дороже всех богатств на свете,
Во внуках узнаём упрямо
Себя, детей и даже — маму.
Но наша дружба, наше братство
Дороже золота богатство.
С годами только, не иначе,
Друзей теряя, горько плачем.
Бывают в нашей жизни годы,
Когда мы детям антиподы.
Но наши мудрые советы
Помогут детям в жизни этой.

Пусть груз годов нас книзу давит,
Но связь времён не покидает.
И через тысячу столетий
Мы снова будем — просто дети.
2000 г.

ДОЧЕРИ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ!

Семнадцать раз пора настала
Поцеловать тебя, любя.
Для мамы этот возраст — мало,
Но очень много для тебя.
Семнадцать лет — всему начало:
Любви, мечте и парусам,
Что от родимого причала
Умчат к волшебным небесам.

И пусть заветные три слова:
Надежда, Вера и Любовь —
Тебе помогут в жизни снова
В желанном выборе любом.

И пусть сопутствует Фортуна —
Подарок сладостный судьбы,
Пусть сердце будет вечно юным,
Мечты, как небо, голубы!
2000 г.

КТО ОН?

Он — мужчина с убийственным взглядом,
Он — критичный к себе и к другим,
Как поэту, ему были рады —
Представлял сатирический Крым.

Но у женщин не знал он успеха,
Хоть и был, улыбаясь, красив —
Раздражал гомерическим смехом
И с сарказмом он всех поносил.

И в великом своём постоянстве
Был изменчив, как ветер степной,
Не замечен в двуличном жеманстве,
Ведь не сердцем он жил — головой.

Для одних он — исчадие Ада,
Ангел он для других, во плоти,

Незаметно сметал все преграды
На заметном ему лишь пути.
Гений он? Или он сумасшедший? —
Задавались вопросом не раз
Те, кто видел поэта пришедшим
К ним угрюмым в торжественный час.
Любопытным земным ротозеям
Задал, в общем, вопрос непростой-
Кто сегодня настолько рассеян,
Что апрель перепутал с зимой?
Не артист и, пожалуй, не клоун,
Хоть шутилив он изрядно порой.
И вопрос на засыпку: «А кто он? —
Человек? Или Сфинкс неземной?»
1999 г.

РЫБАЛКА

Креветки попадут в сачок —
Наживка для бычка готова.
Ловись, янтарный «круглячок» —
Нет для тебя другого слова.
Бывалый рыбаки народ,
Знакомы с морем не заочно,
И вот уже крючком за рот
Хрустальный ловится «песочник».
И если на большой крючок
Жемчужную поймает «жабу», —
Доволен рыбкой рыбачок,
Улов его совсем не слабый.
Упал «сиреневый туман» —
На вёсла налегаем дружно,
Рыбацкий кончился роман
Морской проверенною дружбой.
2000 г.

ЗА ЧЕСТЬ МУНДИРА

Среди милиции, бывало,
Неординарных я видал.
И сделали они немало,
Чтоб наш закон торжествовал.

Такие милиционеры —
Не «господа» и не «кенты»,
Гордятся званием без меры,
Без слова грубого — «менты».
Их столь заметные седины,
Без сна усталые глаза —
Привычка штурмом взять вершины,
Что «брать» без опыта нельзя.
Среди милиции немало
Людей отважных на посту.
Но чтоб ещё их больше стало,
Подняться надо на версту
И экономике, и нравам.
Пусть рядовой и командир
Гордиться будут той державой,
В которой чист любой мундир.
Такой стране послужат верой,
Чеканя шаг в одном строю,
И жизнь отдать для офицера
Не будет страшно за страну.
2000 г.

Вера Дубинская

Я ДАРИЮ ТЕБЕ ПЕСНЮ, ЗЕМЛЯ

Милый, с детства чарующий, край,
Ты меня с новой песней встречай.
Хороша Украина моя!
Я дарю тебе песню, земля.

Я в колосья по пояс войду,
Васильков синеглазых нарву.
Все слова соберу на цветах
И спою о родимых полях.

По росистой траве я брожу,
Ото сна перепёлок бужу,
Слышу крики, вдали, журавлей —
Прозвучат они в песне моей.

Милый, с детства чарующий, край,
Ты меня с новой песней встречай.
Хороша Украина моя!
Я дарю тебе песню, земля!

ОСЕНЬ

Дует стужей осень,
Бродит в час ночной.

Загляделся в просинь
Месяц золотой.
Звёзды потускнели,
Холодна земля,
Ветры налетели —
Треплют тополя.
Не шумит, как прежде,
Серебристый лох,
Ясень безнадежно
Стонет, что продрог.
Поседели кручи,
Травы полегли,
Вихри листьев тучи
Кружат у земли.
И резвится осень
В красоте своей
По верхушкам сосен,
В листьях тополей.

НИВА ЗОЛОТАЯ

В синем небе звёзды угасали,
Ночь ушла. И с утренней зарёй
Просыпалась нива золотая,
Умывалась чистою росой.

Солнце щедро людям улыбнулось,
И встряхнули гривами поля.
Я к зелёным травам прикоснулась —
Васильков букетик нарвала.

Я люблюсь колосистым полем,
Россыпью ромашковых лугов,
Ковылём седым на косогоре
И прозрачной дымкой облаков.

В синем небе звёзды угасали,
Ночь ушла. И с утренней зарёй
Просыпалась нива золотая,
Умывалась чистою росой.

ОБЕЛИСКИ

Мне не забыть к святой земле дорогу.
Я на зелёный косогор взойду.

И, в своём сердце затаив тревогу,
Тихонько к обелиску подойду.
Здесь молодой полынью пахнут травы,
На склоне маки алые цветут,
Горит звезда на Обелиске Славы,
Над Керчью зори ясные встают.
Ещё не все осыпались воронки,
Не все ещё окопы оползли,
На брустверах колючие осколки
Невысказанной болью проросли.
За косогор спустилось солнце низко
И загорелся золотой закат.
Ласкает тёплый ветер обелиски —
Бессмертные солдаты крепко спят.
Здесь молодой полынью пахнут травы,
На склоне маки алые цветут.
И светят звёзды с обелисков славы.
Над Керчью зори ясные встают.

БАЛЛАДА О БЕРЁЗКЕ

Посадил солдат свою берёзку.
И задумал: если приживётся,
И задумал: если приживётся,
То с войны домой солдат вернётся.
И росла берёзка, красовалась.
Мать её на зорьке поливала.
Мать её на зорьке поливала
И родного сына ожидала.
Туча в небе проплыла уныло,
Солнце красное крылом закрыла.
Солнце красное крылом закрыла,
Сердце материнское заныло.
А солдат домой не возвратился.
Долго он с врагами в поле бился.
Долго он с врагами в поле бился,
С матерью родною не простился.
А берёзка выросла большая,
Она горя матери не знает.
Она горя матери не знает,

И с ветрами синими играет.
Никому не верит мать седая,
У берёзки сына ожидает.
У берёзки сына ожидает
И слезу с морщинок утирает.
И в косы тугие ромашек вплести,
Играть в «телефон» или в «жмурки».
И санки зимою под горку везти,
В пальто нараспашку и в бурках.
Ах, если бы детство мне снова вернуть!
Деревню — такую родную.
Прошла бы я снова свой жизненный путь.
О детстве я сильно тоскую.

ЗЕМЛЯ МОЯ!

Земля моя, ты вышита цветами.
Твои узоры так тебе идут.
Колышешь нивы спелыми хлебами.
А как сады весенние цветут!
И нет тебя красивее на свете.
Люблю закаты алые твои.
Ты звёзды гасишь в голубом рассвете
И зорями встречаешь корабли.
В объятьях гор красуются долины
И пахнут разнотравием поля,
Леса звенят от песни соловьиной.
И я тебе пою, моя земля!
Земля моя! Люблю тебя сердечно,
Всегда тебя я вижу молодой.
Пусть над тобою солнце светит вечно,
Мой живописный край, мой Крым
родной!

ПОЛЫННАЯ СТЕПЬ

Полынная степь, беспокойное море,
Тут ветры в бессмертных просторах поют.
Но помнит земля Эльтигена о горе
И раны его нам забыть не дают.

И там, где у моря заросшие дзоты,
Овеянный славой, стоит обелиск.
Здесь насмерть сражалась морская пехота
За малый клочок нашей крымской земли.
Солдаты в атаку бесстрашно бросались.
«Ни шагу назад!» — беспощадно дрались...
Невесты и матери их не дождались:
Домой не вернулись — в бою погибли.
В минуты затишья о счастье мечтали —
Хотели бойцы до Берлина дойти...
Но мирных рассветов они не встречали —
Навечно остались в полынной степи.
А птицы сюда каждый год прилетают
И гнёзда в обрывах весной они выют.
Хлеба изумрудные ветер качает.
И алые маки на склонах цветут.
И солнцу ковыль серебристый кивает,
И молча курганы степные стоят.
А море, быть может, бои вспоминает,
Бессмертные подвиги наших солдат.

Галина Марова

* * *

Моя мать мне заря, а отец мне туман.
Потому в жизни есть и любовь, и обман.
Мать мила и чиста, и любовь мне дала
С силой духа, с огнём, что сжигает до тла.
Тот родительский дар с детских лет берегу,
Ни на что и никак разменять не могу.
Потому с давних пор лишь к бумаге тянусь,
Страстью или тоской только с нею делюсь.
Потому до сих пор та бумага моя
Не испачкана грязью, чиста, как и я.

* * *

Волга-реченька, с детства до боли
Мне знакомы твои берега.
Кинешь взгляд, а кругом косогоры,
А то пойма — цветные луга.
Моя речка из детства — что диво!
Синь воды, да закаты в цветах,
Босоногое детство бродило

На раздольных её берегах.
А луга — что постели цветные,
Упаду, провалюсь до корней.
Ах вы, годы мои молодые!
Не вернуть их назад, хоть убей.

* * *

Печальная земля, поникшие дубравы,
Вечерний пруд рябится серебром.
Холодный ветер дунул, потемнели травы,
Листва бушует пламенным огнём.
По небу тучи тусклые плотнее
Несут дыханье бешеной грозы,
А ветер всё сильнее и сильнее
С дороги пыль поднял и рвёт кусты.
Репейник вырванный вертится вдоль дороги,
Грачи поднялись в небо — шум и гам,
Тростник ложится низко и в тревоге
Утята с уткой расшумелись там.
Густые облака всё сизыми пластами
Теснят вечерний алый свет зари,
Лишь золото дубрав волнуется ветрами.
Настала темень грозовой поры.

МУЗЫКА КЕРЧИ

Я музыку услышала случайно.
О, сколько волшебства в ней и добра!
Лауреатов города нечаянно
В лицо увидела я — детвора!
Закрыв глаза, сажусь на стул свободный
И сердцем ощущаю высь небес,
Тепло ярила и зимой холодной,
Зелёную поляну, тихий лес,
И пеньё птиц, и жар луча, как летом,
В душе моей развеял зимний мрак.
О, музыка, ты так могуча светом,
Жить без которого нельзя никак.
А вот капелла города родного.

Мелодии от Бога взвились ввысь.
Небесный свод разверзся вдруг и снова
Все звуки в поднебесье вознеслись.
И, позабыв о месте нахождения,
Забыв и время, и своих друзей,
Я слышу только музыки творенье
И чистый, звонкий, нежный голос в ней.
И словно побывав в потустороннем мире,
Где чистота без примеси ясней,
Душа моя, в сладчайшей эйфории
Раскрылась, понеслась за ней.

* * *

Русь моя родимая страдалица,
Все мечты и мысли о тебе.
Отчего, любимая красавица,
Всё нескладно так в твоей судьбе?
И, хоть велика ты и раздольна,
Глазом не объять твоих широт,
Неужель, скажи, судьбой довольна —
Нищей быть уже который год?!
Потому, как власть всё дурью мается,
Вмиг один другого подомнёт,
Да на предыдущего кидается
И врагом его же обзовёт.
Отвоюет власть, да и с размахом
Правит, словно враг, иль идиот.
Тяжела ты, шапка Мономаха-
Оттого страдает весь народ.

* * *

В тот час, когда спит всё иль дремлет как будто,
Чуть ветер поёт... В синем небе горя,
Из ночи является свежее утро,
Растаяла ночь — появилась заря.
И воздух, и травы — все свежестью полны,
И доли, и рощи в росы серебре.
Поляну рассветную сизые волны

Тумана окутали в этой поре.
И шепчутся травы в росы перламутре,
И ивы стыдливо клонятся... Люблю!..
Звон раннего часа весеннего утра
Как гимн воспеваает рассвета зарю.
И воздух так зыбок, и лучики солнца
Искрятся в росе на траве и кустах.
Душа распахнула в Природу оконце,
Да сбудется день в его добрых делах!

* * *

Из года в год кто травы жжёт?
Ведь он и в разум не возьмёт,
Что степь, объятая огнём,—
Зверья горящий отчий дом.
Зверьё горит: ежи и змеи,
Сурки, зайчата потемнели,
Все ищут выход из огня,
А он сильнее день ото дня.
Хватает их за лапки, грудь,
За голову и крылья, жуть.
И все они, живьём сгорая,
Пищат, детей оберегая.
В безумстве звери, страшен миг,
Тот страх агонии достиг,
И та геенна, как чума,
Вселила ужас... Нет ума
В том, кто их поле уничтожил.
А это был всего прохожий,
Что кинул спичку в зной и ветер.
И от жилия остался пепел.

* * *

Сижу я в сквере на скамейке,
Где слышу шум прибоя,
А у собора три копейки
Юродивый брал, воя.
Он выл в воскресный день Христа.

На что в обиде нищий?
Кем вложена в его уста
Святыни суть?.. Без пищи
Он трое суток отслужил
С молитвой, верен Богу
За то, что в жизни пережил,
Что в ней искал дорогу.
Стремился с верою святой
Он к светлому, большому.
И с этой радужной мечтой
Пришёл к концу такому.
В отрепьях каждый день стоит
Он здесь, на этом месте,
Чистосердечно говорит:
Погублен из-за чести.
Не по душе ему обман
И не по сердцу подлость,
Он пережил любви роман,
Узнал её жестокость.
Не понятый любовью той,
С жестокостью людскою
В душе он вёл незримый бой
И заболел тоскою.
А люди глупостью сочли
И боль его, и раны,
Юродивым вот нарекли.
В том нет его изъяна.

БАБЬЕ ЛЕТО

Пурпур, багрянец, золото пучком —
Всё это краски бабьего преданья,
Когда последним солнечным лучом
Нам лето песню пропоёт прощанья.
Дожди холодные, осенние ветра
Ещё над миром власть не проявляют,
Пока царит счастливая пора,
Что бабьим летом люди называют.
И вы заметьте чудеса поры,
Когда всё зелено, но в переходе в осень:
Прелестный цвет прозрачной бирюзы

Перебивает ярко-жёлтый ясень.
Ещё цветы прекрасны и нежны,
Ковры зелёные и осы донимают,
Но день короче, ночи холодны,
Да малыши с портфелями шагают.
О, благодати радостной пора!
Не потому ль и люди в эту пору
Красивы от душевного добра,
Прекрасны, грациозны и здоровы!

ПЕРЕПРАВА

Пролив в морозы льдом одет,
Над ним кружится, вьётся снег,
А по нему с Кубани дед
Идёт, с кудрявой бородой,
Несёт нам в Керчь привет большой.
«Эй вы, украинцы родные,
Теперь уж времена другие,
Аль не хватает нам ума,
Когда закончится зима,
Соединить мостом прекрасным
Два берега и без опаски
Друг друга чаще навещать
И нашу дружбу укреплять.
Мост мы любовью назовём,
Чтобы векам напомнил он,
Что ничего прочнее в мире
Нет дружбы... Отношенья шире
Должны с любовью мы решать,
Ей никогда не изменять.
Так пусть же наше поколение
Потомкам всем на удивленье,
Оставит мост, своё творенье,
Плод разума и вдохновенья!»

РОВ СМЕРТИ

В сиянии луны холодной,
В сырую ветреную ночь

Их, в уверении бесплодном,
Везли из хижин, саклей прочь.
Евреев — нацию от Бога,
Гонимых адом всей земли,
Поставили у рва. Дорога
Их в небеса в крови, в пыли.
Свинцовый град хлестал и сыпал,
Кося мишень из живых тел,
Кишел от тел ров, кровью хлюпал,
Таков еврейский был удел.
Сияла хладная луна,
Мрак освещая ночи этой.
Не описать пером поэта.
Сатурн — бог смерти и судьбы,
Неужто ты не удивился,
Когда в мучениях борьбы
В ров люд израненный валился?
Прошло полвека, в память аду
Шумит аллея тополей,
А моему открылось взгляду —
Великий мученик — еврей.

Злата Андропова

АПА

«Все божества — по-своему уроды,» —
Неспешно размышляла, нежась, Апа.
С литого свода влажный сумрак капал
И отзывался дрожью позолоты.
Она всегда предпочитала камень —
Кость самой Геи, привкус тёмной мощи.
Он был с рожденья и щедрей, и проще
Всех «лучезарно-пламенных» созданий.
Но к тем столпам, к тем стражам побережья,
Вратам отца, что охраняли космос,
За их простую гордую весомость
Особую она питала нежность.
Лишь здесь хромал, с ноги сбивался Хронос,
И Мнемозина докучать не смела,
И плен перекорёженного тела
Дарил не яд, но сладкую покорность.
Тень камня становилась тогой Никты,
Седая степь сочилась пряным соком...
Забвение для девы змееной...

Покой для покорённой титаниды.
Он гнал быков по каменистым склонам,
Бока быков лоснились серой солью.
Как будто здесь, восточней спальни солнца,
Он пастбище искал им, беспокойный.
Но что искал в степях он, бич титанов?
Орудие отца, палач невольный?
Бежал туда от олимпийской роли,
Где именем его назвали камни?
Жевал жару, жирел ковёр сторогий,
Под веком пастуха пылилась дрёма,
Как водится, по вечному закону
Сказания, а может быть, дороги.
И в звоне зноя змееногой деве
Почудился пьянящий праздник мира,
И, повинувшись, стадо поманила.
Лишь Океан-отец вздохнул, надеясь.
Погонщик пробуждён, грустит о стаде,
О чернолобых, словно мощи Крита.
Здесь пахло малой мезтью титаниды
Себе, ему, его отцу и дяде.
Спроси, пастух, дыхание ихора,
Привычно следуя серебристой крови.
Тут нет беды, но есть закон и повесть,
Две маски и цикады в роли хора.
Свобода от беспомощности силы —
От «должно» рока, от людского «нужно».
Смеялась Апа: «Враг мой, будь мне мужем!»
Смеясь ответно, он с ней согласился.
Седьмицу стада ради сытной свадьбы
Свежуха, оба спорили о жертве,
Но под конец сошлись на Тёмной Гее:
Зачем Олимп напрасно призывать-то?
...Но прав аэд — хитрец с небесной жилкой,
Захлопнувший на этом ларчик мифа:
Супружество — банал, икота мира.
Как жили эти двое? Так вот... Жили.
И сыпались года песком и пеплом,
Клевали просо постоянства птицы,
И коршуном не смела кровь яриться,

Но тёплой струёй цикады пела.
Сладки богине эти прядки-игры:
Не титанида, а смешная Апа,
Не сын Зевесов, а нескладный папа,
Не вопрошать моря, а жарить рыбу.
Но мир стучит в подставленную спину:
Её зовёт земля, его — Эллада.
Понятна тишь привычного уклада —
Размеренная вечность нестерпима.
И сыновья — три камешка-погодка,
Бравада безмятежная во взорах,
Залепанная брызгами ихора,
И сумрачная не по-детски гордость...
Он начал мёрзнуть ночью, стал несдержан,
В её ответах степи шелестели,
И был восход, что встретил он у двери,
Взяв старые погонщика одежды.
Немой наказ: он бросил лук и пояс,
Их титанида прибрала с порога
И, лёгкой пожелав вослед дороги,
Осталась с сыновьями, успокоясь.
Пусть растут, не зная слов, что значат
«Отшельник», «бог», «титан», «ихор», «уродство».
Пусть жизнь в степи, не спрашивая схождения,
А памятки о папе Апа спрячет.

... Но младший, Скиф, став до смешного взрослым,
Гераклов лук найдя, решит иначе.

июль 2001 г.

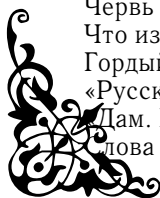
ХАН И ЕГО СЫН

Ветер гудит диким намазом,
Волнами машет, о берег мажет.
Море, как стая шайтанов хохочет
Нынешней ночью.
Где-то дворец, скопище шершней.
Он ли исчез? Я ли исчезну?
Трогает бездна
Гулкими вздохами лоб или щёки.

Сухо ответив, кинжал в ножнах щёлкнет.
Вьётся листва, ухмыляясь криво:
Девичья чёлка?
Конская грива?
Клёкот орла — старого хана
Сумрачных гор, древних курганов —
Требует дани,
Требует крови памяти давней,
Кружит аллаховым напоминаям...
«О, Всеблагой, столь же смелое дай мне...»
Сердцем я воин,
Только любви оказался Тойлак недостоин.
В кратер походов и пиршеств откинулась юность,
Ханство жиреет.
Кара ли? Мудрость?
Просто старею?
Дети войны, после набега
Мы пировали, славя победу,
Сладкими винами потчюя пляшущих пери
(Пристальней если взглянуть — не такие уж пери,
Впрочем, о них нищие пели).
Силой руки похвалялись, отсутствием страха,
Пленным стреляя в глаза. Хмелем дивным и сладким —
Над головой длань простёрлась Аллаха...
Эта казачка — ей не сиделось в гареме! —
Ласточкой льнула к отцу, прислонилась к коленям.
Иблисом в кубке скалилась ревность.
Лаял диван песню иную —
Злее и злее.
Что я жалею?
Да и кого же из них я ревную?
Встал эль Асваб, хан Мосолайма:
«Мой Алгалла, крымская слава!
Сколь велика милость Аллаха и сила —
Червь моё сердце источит, но жив буду в сыне.
Что из руки из отцовской ты примешь,
Гордый воитель?»
«Русскую дай мне пленянку, отец-повелитель!»
Дам. Кончим пир...» —
Дова без дыханья.

Будто бы раненый джинн говорил
Голосом хана.
«Что отдаёшь — знаю я это!
Сын твой — твой раб! — помню, ответил.—
Кровь в час по капле возьми!
Двадцать смертей будут в радость!

Мне ничего боле не надо».
Пир грохотал перед нами —
Нам же казалось:
Тучи ночные коврами
Накрыли ползала.
Ластится луч к девичьей башне,
Тёмен был путь, странен и страшен.
Шорохом белых песков под ногою Пророка
Слышалось слово из хановых уст
в пасмурной этой дороге:
«Время грызёт дни мои, словно мыши — лепёшку,
То, что сияло огнём, плавится воском.
Ласки казачки — последний очаг моей жизни.
Так ли нужна тебе ласточка?
Сын мой, скажи мне!»

Эхом в горах,
Стражей в дверях,
Воем собаки —
Молчанье Тойлака.
«Как буду жить в мире я, зная,
Что её ты, сын, обнимаешь?
Женщине сын ли, отец — всё едино.
Женщина видит мужчину.
Сто моих жён, всех моих жён за одну, если б взял!
Иль пыль постылейших лет оборвал —
вот кинжал».

Воинством тёмным,
Возгласом скорбным,
Росчерком мрака —
Молчанье Тойлака.
Эхо, страшась, спряталось в камень —
Сын отвечал старому хану:
«Как же мне быть, если казачка —
А не иначе шайтан её зачал —
В сердце вошла лаской кинжальной,

Лезвием ржавым?

Раз на базаре мне странник святой, босый
дервиш,

«Женщины бойся! — сказал. — И не заметишь,
Сделает жизнь твою женщина пустошью жал
скорпионных,

Радость изгонит!»

Если вдвоём

Из-за казачки лишились покоя,

Может, невольничьи цепи порвём?

Ветру вернём,

Скормим прибою?»

Робким зверьком, птахой уставшей

Спит на ковре русичка в башне,

Розы улыбок даря и во сне старому хану,

Сладко вздыхает.

В сердце сдавив жадного дэва,

Тронул я — чуть — горе несущую деву.

Вскинулась сойкой, тут же остыла,

Только узнав не орла над собой — лишь орлиного сына.

Разом поняв, к старику подошла, твёрдая взглядом:

«Знаю: так надо.

Выбор мужчины!»

Всё поняла, не осудила,

Словом орла гладила дивным —

«Так и должны поступать Гордость и Сила!»

Долог и труден путь по уступам.

Думал — уступит,

Думал — отступит, оступится, кинется серной

Прочь — и надеялся: вот, отставать начала,

уж наверно...

Нет! Просто, ногу поранив, к отцу, как дитя, тянет руки.

Дальше — без звука,

Поступью мерной.

Море, ворча, гложет уступы,

Бьётся в камнях злобно и тупо.

Так и во мне, долг отесняя сыновний,

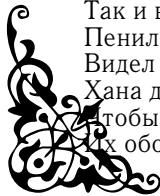
Пенилась страсть грязной и грозной волною.

Видел я: лаской ответной

Хана дарила она, отводя от лица его ветви.

Чтобы не видеть отцовскую спину,

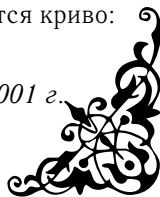
Она обогнал — и клинок в пасть ущелия кинул.

Враз разгадав,
Хан усмехнулся печально:
«Вышний простит иль воздаст.
Я же — прощаю».
Скальный ифрит, стражник геенны,
Встал, монолит, в туче и пене.
Русичке пленной
Только теперь изменили её невеликие силы.
«Бросьте меня!» — попросила.
Будто даря ласточке волю,
Поднял отец её над головою
И опустил в хохот прибоя.
Сколько стояли там после — знает лишь пропасть.
Пепел и копоть,
Сажа с золою.
Помню: в зрачке круглом, железном —
Мрак штормовой, пульс, песня бездны.
Это орёл глянул в глаза мне,
Глянул — я замер.
Понял: и мёртвая, серая тень в валунах мшисто-серых,
Гурия русских степей манит старое сердце.
«Милость Пророка пребудет во тьме этой с нами! —
Вспомни, отец: но Аллах...»
«Сын мой, Он знает».
Ветер гудит диким намазом,
Волнами машет, о берег мажет.
Голос владыки гор-исполинов —
Клёкот орлиный —
Кружит аллаховым напоминаньем,
Ибо и вправду: Он знает, всё знает!
Годы кидал скакунам под копыта,
Мощь и богатство на тридцать земель знамениты...
Камешек в бездне —
Он ли исчез? Я ли исчезну?
Времени вздох тронет лоб или щёки,
Сухо ответив, кинжал в ножнах щёлкнет.
Что там внизу, на волне? Темнота ухмыляется криво:
Девичья чёлка?
Конская грива?

август 2001 г.

Юлия Коплер

БРАТЬЯМ ПОЭТАМ

Мы с вами зовёмся пиитами,
Похожие чем-то и разные,
Из раковин разных добытые,
Но нитью единою связаны.
 Так быстро мы сделались мудрыми,
 Вдали от реальности, чуждой нам.
 Мы жили в мирах перламутровых,
 Подобно прекрасным жемчужинам.
Всевышний извлёк нас из раковин,
Любуясь красою, увидел он,
Что нету среди нас одинаковых,
Связал всех он нитью невидимой.
 И стали мы жить, как созвездие,
 Красуясь в витрине Вселенной.
 Мы царственно мыслили вместе
 С высокой мечтой вдохновенной.
Но как-то Евтерпа-проказница
Томимых творцов, пожалела нас,
А может, чтоб просто прославиться,
Решила украсть ожерелье.

Вот порвана нитка злосчастливая!
Рассыпались по свету бусинки.
У каждой призвание разное,
Всё разное — Музы и музыка.
К своим берегам все причалили —
Мы в разных живём измерениях.
Но ниточку ту изначальную
Мы чувствуем с мига рождения.

ДВЕ СТИХИИ

На перекрёстке двух стихий,
Где обнажённый нерв печали,
Как предсказания звучали
Зодиакальные стихи.
 Не выбирала жребий свой,
 Но видно так решили звёзды.
 И стал моей стихией воздух.
 Я между небом и землёй.
В минуту раскололся мир.
Две грани — твердь и вздох распятой.
Открыл свободы дух крылатый
Неосязаемый эфир.
 О, как мне сделать выбор свой?
 Меж двух стихий я разрываюсь:
 Всё больше в небосвод влюбляюсь,
 Но так же дорожу землёй.
И здесь, и там мне хорошо,
Люблю и облака, и камни.
И расстоянья меж веками
Как между телом и душой.
 Дилемма сладкая, живи,
 Держи меня в полёте вечном,
 Как в сновиденьи бесконечном,
 Вне стран и лиц, в стране любви.

* * *

Кто-то складывает крылья,
Кто-то ружья.
Кто-то прячется в бессилье,
Кто-то в дружбе.

Между порохом и блеском
Пропась взгляд.
Лента лжи кровавым всплеском
Как награда.
Для Евтерпы и Афины
Двоевластье —
Трон могучий и единый,
Смерть и счастье.

ПОСЛЕ МОЛЧАНИЯ

Как лиры порванные струны,
Как лоно бархатной лагуны,
Из глубины, со dna звучаья
Звонит всесильное молчанье.
Из невозможности ответа,
Из мимолётных песен лета,
Из нитей встреч и расставаний
Душою соткано молчанье.
А после... Вздрогнет чей-то шёпот,
И вечный мир услышать чтобы
Извечный голос — Покаянье
Убьёт гнетущее молчанье.

* * *

В скупой на обмороки прозе,
В манящей солнечностью розе,
В горящей на небе грозе
И в синеглазой стрекозе
Есть что-то общее, поверьте.
То, что на зависть подлой смерти
Из сердцевины дивных чар
Пьёт жизни огненный нектар.
Слепому року подчиняясь,
В безмолвный камень превращаясь,
Смиренье — чадо простоты
Со злом и глупостью на «ты».
Но плавит камень, словно воск,
Цветенье солнечное роз,
Блистанье вечное грозы,
Паренье яркой стрекозы.

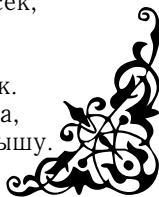
Желанье жить из потаённых жил
Волною снов плывёт к тебе, тревожа.
Когда хоть раз любовь ты пригубил,
То вкус её забыть уже не сможешь.
 Быть может, так уж создан человек:
 Он сочетает скупость и ранимость.
 Набухших почек и припухших век
 Неукротимость и несокрушимость.
Весна плеснёт зелёною листвою
В лицо упрямо-злому небосводу.
А мы нелепость путаем с мечтой
И принимаем дерзость за свободу.

ГОЛОВОЛОМКА

Голова разлетелась на тысячи
Обжигающих несоответствий.
Но остался, сомнением высечен,
Ящик необратимых последствий.
 Как уверенный жест хирургический
 Любопытство злодейки Пандоры,
 Не увидело связи логической
 Вскрыв, как опухоль, старые споры.
Расцветают, ликуя, извилины —
Разноцветные черви познания.
Здравомыслия жерди распилены
Ятаганом кровоизлиянья.
 Стойкость слёз переплавится в олово —
 Плоть солдатиков, лающих громко.
Собирайте теперь мою голову,
Как мозаику-головоломку.

МЁД

Из небесных бесчисленных пасек,
Молодой, невесомо текущий,
Золотистый, пахучий, тягучий,
Льётся мёда сияющий праздник.
 Заливает он улицы-блюдца,
 Рассекая хрустальную крышу.

Я звучания мёда не слышу
И боюсь, что придётся проснуться.
В феврале неуместны виденья,
Потому я так часто тоскую.
Посреди золотого свеченья
Ложку дёгтя увидеть рискую.

МОЕЙ КЕРЧИ

Словно радуга разноцветная,
Многоликая, многодетная.
Двух морей госпожа и невольница,
Вдохновенье моё и бессонница.
Кожи разные, веры разные,
Дни погожие и ненастные.
Были солнца смех и печаль ветров,
Ты живёшь уже двадцать шесть веков.
Город грёз и снов,
Вечный город мой!

РЫБАК

Морская упрямая едкая соль
Мильоном иголок вопьётся.
И острая, жгучая, резкая боль
Израненных пальцев коснётся.
Но старый рыбак не заметит её —
Подумаешь, вот ещё горе.
Он верит в рыбацкое счастье своё
И любит лазурное море.
Проворная стайка сверкающих рыб
Скользнёт в прохудившийся невод.
Безмолвны, бесценны морские дары,
Бездонно огромное небо.

Ольга Шафран

* * *

Шумит прибой. На улице темно.
Вокруг всё тихо. Спят уже давно.
В молчании застыли тополя,
Закутавшись в зелёные халаты,
Блестят луны воинственные латы
И отдыхает от трудов земля.
Прикосновенья ветерка легки,
Лишь иногда, играя, встрепенётся.
А я всё жду, когда моей руки
Твоя рука горячая коснётся.

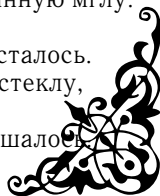
1978

* * *

Мне надеждой моей не рассеять туманную мглу.
И у солнца тепла для меня

в этот дождь не осталось.

Беззащитной рукою ударить хочу по стеклу,
Чтоб живое тепло
с дождевыми слезами смешалось.

Я когда-то любила. Быть может, то было вчера.
Может, вечность назад, в жизни той,
что себе сочинила.
Как теряет тепло на ветру уголёк из костра,
Так надежду мою покидают последние силы.
День уходит за днём, календарь
всё теряет листки,
И уже на пороге холодной зимы неизбежность.
И хотя друг от друга с тобой мы сейчас далеки,
Пусть тебя согревает моя бесконечная нежность.
1991

* * *

Медленно жизнь течёт,
Словно река в тумане.
Днище о камни рая,
Плот мой по ней плывёт.
Средь суеты и фраз
Образ Ваш чист и светел.
Сможет ли кто ответить,
Как мне прожить без Вас?
Вы на моём пути
Мглу озарили светом.
Как мне сказать об этом?
Где мне слова найти?
Помню тепло руки.
Кажется на мгновенье,
Что на моих ступенях
Ваши слышны шаги.
День, как свеча, угас.
Лёг покрывалом вечер.
Скажете ль Вы при встрече,
Как мне прожить без Вас?
1993

* * *

Город мой, утомлён суетою,
Отражается в стеклах витрин.
Светофор свои шлюзы откроет
И плывут вновь асфальтной рекою
Разноцветные листья машин.

Любопытством прохожих случайных
Не нарушить души забытьё.
Где волна тихо шепчется с галькой,
Над водой белокрылою чайкой
Одиночество плачет моё.
На асфальт, раскалённый от зноя,
Слёз своих летний дождь не прольёт.
А в степи сладко пахнет травой,
Там любовь моя крымской весной,
Как шиповник колючий, цветёт.
Тонет в море полоска заката,
В проводах ветер песни поёт.
Я на склонах крутых Митридата,
Где цветы мы срывали когда-то,
Детство встречу, быть может, своё.
Тихо крылья раскрыл летний вечер.
Дарит ночь, тишину и покой.
В переулочках старенькой Керчи,
Фонари где мерцают, как свечи,
Ищет счастье свиданья со мной.
Город мой, я тебя не покину.
В дни тревог буду вместе с тобой.
За проливом, за дымкою синей,
Став чужой, спит родная Россия,
И в ночи что-то шепчет прибой.

1992

* * *

Я стремлюсь к тебе, Россия,
Всем невзгодам вопреки.
Помню луг под небом синим
И берёзу у реки.
К ним хоть раз бы возвратиться
Не во сне, а наяву,
Только стала за границей
Сторона, где я живу.
Гласу совести не внемля,
Словно были во хмелю,
На куски делили землю,
Ту, которую люблю.

То ли правда, то ли снится,
По иронии судьбы,
На пути теперь границы
Полосатые столбы.
Жизнь гудит пчелиным роем,
Всё вокруг перемешав.
Оттого болит и ноет
Занемевшая душа.
Так порой невыносимо,
Но минуют эти дни.
Только, Боже, дай мне силы
И спаси, и сохрани!

1995

* * *

Как внезапно порой ветер времени рвёт
Человеческих судеб сплетённые нити!..
Но я верю, меня сохранит и спасёт
Тот, кто рядом всегда, кто всё знает и видит.
Всё теперь только дым, что горело огнём,
Воскрешая в душе звук любви позабытой,
Вновь, как прежде, стою под осенним дождём
Я в рубашке простой, с головой непокрытой.
Время камни бросать, время их собирать.
Я печали гоню, как гостей нежеланных,
Чтоб на душу мою снизошла благодать
И омыла любовь, как бальзам, мои раны.

1999

* * *

Как все проблемы разрешить?
Куда идти, к чему стремиться?
И настороженность души
Мешает сердцу гулко биться.
Так непривычно робок стих,
И оседает пыль на струны.
Души всё глуше лейтмотив,
Когда-то трепетный и юный.
Мы в жизни радостью бедны,
Непониманием богаты.

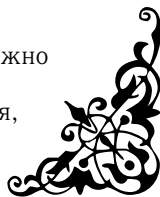

И виноваты без вины,
Копим потери и расплаты.
По странным правилам игры,
Не изменяясь и не каюсь,
Как параллельные миры,
Идём, едва соприкасаюсь.
Звучащих слов пустая медь
Вновь понимается превратно.
Уже чему-то не гореть,
И что-то гибнет безвозвратно.
Но несмотря на боль потерь,
Жизнь — удивительная штука.
Души не закрывайте дверь,
Чтоб счастье к вам вошло без стука.

2001

КОШКИН ДОМ

За окном осеннее ненастье.
Ветер крыши рвёт.
Слава Богу, свет пока не гасят.
Дома я и кот.
Дождик за окном течёт, как речка,
Нам всё это нипочём.
Мы сидим с котом у тёплой печки
И мурлычем о своём.
Расскажу ему свои проблемы.
«Мяу» мне в ответ.
В разговорах на любую тему
Нам запретов нет.
На коленях восседает гордо,
Рыжий хвост скрутив кольцом,
Милый баловник с нахальной мордой,
Приближённое лицо.
Руку облизав мою прилежно,
Щуря правый глаз,
Он клубком свернётся безмятежно
И уснёт тотчас.
В те минуты легче жизни бремя,
Отступает суета,

Потому меня, мой друг, всё время
Просто клинит на котках!

2000

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

1

Не на шутку непогода
Разыгралась на дворе.
Разбуянилась природа
В декабре, как в декабре.
Ветер свищет, как по нотам,
Песню зимнюю свою.
Утром шапку из енога
Я со вздохом достаю.
Шапка впору, в ней прекрасно,
Не поела шапку моль.
Но другой вопрос не праздный
Возникает исподволь.
Как придумать постараться,
Чтоб не смог никто стащить?
Сверху ль шарфом повязаться,
Иль тесёмочки пришить?

2

Снег блестит, не свищет ветер,
Рады взрослые и дети
Встрече с зимушкой-зимой.
Только крымская погода
Не даёт дремать народу
Поворотов крутизной.
Снег лежал, но тёмной ночью
Дождь пошёл, замёрз и вот
Утром видим мы воочью
По ногами гололёд!
Натяну ботфортов пару,
Шарф потуже завяжу,
Целиною тротуара,
Растянув пальто, как парус,
На работу заскольжу.
По блестящему накату

Быстро я смогу дойти,
Если будет мне, ребята,
С зимним ветром по пути!

3

Вечер тёмный и морозный,
Невидимкою луна.
Я, как мышь, с работы поздно
Вновь домой спешу одна.
Снега выпало прилично,
А дорога неблизка.
С сумкой, полной, как обычно,
Мёрзнет в варежке рука.
И летят во тьму снежинки,
И следы заносит снег...
Эти зимние картинки
Так знакомы вам и мне.

1996

Алексей Табошин

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Есть в народе нелепый обычай,
Тёмной древности горестный культ —
Приходить иногда на кладбище,
И покойников чествовать тут.
Так ведут старики своих внуков,
Покупают на рынке цветы.
Чтобы совести горькую муку
Искупить подношеньем простым.
Вспоминают минувшие ссоры
С теми, кто под землёю лежит.
И прощают их, зная, что скоро
Им самим страшный путь предстоит.
Достают из кульков угощенье,
Поделиться едой с мертвецом.
И за всё они просят прощенья
У своих матерей и отцов.
Только тщетны все эти старанья —
Не оценит их мёртвый — увы.
Это смерти пришло наказание
За отсутствие в жизни любви.
Не целуйте холодные плиты,

Их теплом ваших губ не согреть.
На живущих ещё, посмотрите,
Им помочь постарайтесь успеть.
Правда жизни сильнее и выше
Пожелтевшей могильной травы.
Не дарите цветов отжившим,
Подарите цветы живым.

Нариман Нурадинов

1978 — 1997

Нурадинов Нариман Османович родился и жил в селе Кирово Ленинского района в Крыму. В 1994 году участвовал в семинаре юношеских дарований в Симферополе. Награждён дипломом. После окончания средней школы в 1995 году поступил в Прибрежненский техникум на зоотехника. Окончить техникум не успел: жизнь его оборвалась трагически.

Юный поэт не успел слишком многого.

Но успел также немало: оставил стихи, звучащие философски — мудро, пусть иногда юношески наивно и бескомпромиссно, но, тем не менее, исполненные глубокого понимания жизни, её сути.

* * *

Говорили мне: «Бредни всё это!»
Никого не хочу убеждать:
Всё равно — моя песня уж спета,
И другую уже не начать...

* * *

Потерян дар. Тот дар Поэта,
Который был Природой дан.

Закрылся путь к искусству, свету...

«Чего уставился, болван!»

«Ну, что за реплики «крутые»?!»-

Вы все хотите мне сказать.

(Хоть это — самые простые,

Что я могу употреблять).

Закрылся путь!.. И жизнь угасла...

И цвет приобрела иной.

Неужто было всё — напрасно

И я в Поэзии — чужой?!

Сюда мне больше не вернуться,

Хоть не успел я и войти...

Остановиться... оглянуться...

И больше не свернуть с пути!

* * *

Одинокий пейзаж, лёгкой дымкой сокрытый,

Уплывает вперёд, интерес пробуждая.

Одинокий пейзаж. И почти позабытый.

(К сожаленью, не знаю, что он представляет.)

Все забыли о том, что есть в жизни другое,

Кроме вечных забот, что всегда окружают:

Это сложно сейчас. В то же время — простое.

Но оно для души роль большую играет.

Вдохновенье души! Позабытое чувство...

И, пусть времени нет, я о нём вспоминаю.

Вдохновенье ушло — на душе стало пусто...

И уплывший пейзаж пустоту пополняет.

* * *

Открыта дверь в Природу,

Ты видишь всё вокруг.

Леса и горы, воды —

Всё для тебя, мой друг!

Весёлое журчанье

И звонкий щебет птиц,-

Открыта книга жизни,—

Не рви её страниц!

В ней есть любви страданье,
Есть радость встречи, смех,
Есть горе, ожиданье
И наконец — успех!

* * *

На местность тихо опустилась ночь.
Лишь ветки треск нарушил вдруг молчанье.
Не знаю, что сказать мне на прощанье.
Ведь ты сейчас уже уходишь прочь.
Уходишь прочь. Уходишь в неизвестность.
Ещё ты здесь, но уж со мною — нет...
И всё молчит. Никто не даст ответ...
И равнодушный взгляд бросает местность.
Трепещет сверчок, ответ даёт кузнечик.
Да, жизнь идёт обычным чередом.
Ей всё равно, что будет там — потом.
И представляет: «Мелкий человечек.»
Коль мелок ты — твой не заметен след,
Какой широкий шаг ты там ни делай,
А будешь смят... Твоё разбито тело
И на вопрос не сыщешь ты ответ.
Что ж, ты один, душа твоя разбита.
Но верь: не стоит сильно унывать.
Учись в пути уверенней шагать
И обходить «разбитое корыто».

* * *

Если жизнь набирает крутой оборот,
Сердце бьётся, «ломаю ограду», —
Знать, не гаснет надежда о шаге вперёд
И бороться за этот шаг — надо.
Шаг вперёд — значит, глянуть с другой стороны,
Сознавая всю боль и утрату.
Взгляд на то, что построили, сделали мы,
Поломав за такую же плату!
И, сломав, равнодушно взирали на то,
Чем недавно ещё мы гордились.
(Вместе с шагом вперёд порождается боль.

С ней в сердцах по домам расходились).
Что ж... Не нужно теперь уже локти кусать.
То, что было — прошло и забылось.
Стимул жизни- лишь твёрже на землю ступать,
И чтоб сердце спокойнее билось...

* * *

Как глупо — жить, ошибки совершая,
Осознавать и — снова совершать!
Как глупо: я из жалости — страдаю.
Меня не могут, не хотят понять.
Мне жаль себя. Но и других жалею.
И кажется, что я её люблю.
Из жалости страдаю и болею
И, может быть, себя так загублю.
Что за характер! Я не понимаю:
Какой он мягкий, твёрдости в нём нет!
Что я — люблю? Иль просто так страдаю?
Вокруг мочанье. Кто мне даст ответ?
Кто мне она? И что же означает
Вся эта жалость, слабость, ...пустота?
И кто она? Какую роль играет?
Влечёт меня — любовь, иль красота?

* * *

Не судите любовь, не судите!
Не судите по тёмным углам.
Помогите двоим, помогите!
Помогите, пожалуйста, нам.
Не судите любовь, что случилась
У двоих несчастливых людей.
Если что-то при этом рублилось —
Нам, поверьте, ещё тяжелей.
...Словно уши заполнила вата:
Только — ты!.. Остальное — потом...
Друг на друга глядим виновато,
До утра расстаёмся с трудом.
Только — ты!.. Понимаете, люди?
Это — просто. Нельзя не понять:

И никто уже больше не будет
Твои плечи вовек обнимать.
Только — ты!.. И — навеки крылата...
У Ромео — седые виски
И Джульетта слегка полновата,
И морщины, признаться, резки...
Оказалось, всё это — не важно.
Ты прекрасна и так как молода!
Мы любовь защищаем отважно
От глухого людского суда.
Мы с тобой — в круговой обороне,
Предлагаем противнику мир.
И всё это (но чуть в ином тоне)
Написал в своё время Шекспир.
...Не сумели понять — как хотите...
Мы — в обиду себя не дадим.
Не судите любовь, не судите:
Кто не судит — не будет судим.

* * *

Уж свален камень. Чувство облегченья
Должно вот-вот уж мною овладеть:
И сердце ждёт иного увлеченья,
И рваных струн мне больше не задеть.
Пусть не наладить больше ход событий,
Чтоб шли они лишь по моей спирали:
Тот путь давно разбитый и забытый —
Бездействующей следствие морали.
Есть новый путь. Но только — в неизвестность.
Лишь чувствую опору под ногами.
Что впереди? Что представляет местность?
Ответ на это отыщите сами.
«Иди вперёд, вкус жизни понимая» —
Гласит пословица, придуманная миром.
Уж свален камень!.. Той пословице внимая,
Себя ты ставишь в уровень с Мессиром!
...Прими совет — войди в своё признание,
Не подавайся мелочным пристрастьям,
Забудь о славе, почестях и званьях —
Они придут. (Не важно — какой масти...)

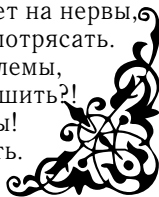

Вся сущность жизни — жизни бред.
Стоит вся правда пред глазами.
От правды — польза, но и вред.
Поймёшь и ты это, с годами.
Идя по жизни, ищешь след.
Найдёшь — глазам своим не веришь.
Его искал ты столько лет! —
След правды... Но зачем-то меришь —
Куда идти. И сколько нужно
Забывших мест ещё пройти.
Знакомо — всё. И так же — чуждо.
И всё ж, от правды не уйти.

Обычный жизни темп, чуть строже ход
событий.
Сложнее жить. Легко существовать.
Вся жизнь полна провалов и открытий,
А суть проблемы нужно понимать.
Пусть — жизни темпа нужно
опасаться,
Осознавая сути каждый шаг,
В бездну зачем сигать? Зачем
играться,
Не понимая: кто есть друг, кто — враг.
Зачем?! — Вопрос уж многих поколений.
Отыщет каждый — собственный ответ,
Что будет полон бодрости и — лени,
И тем, — на чём давно основан свет.
Пусть — происходят в жизни
перемены,
Которых нам нельзя не ощущать.
По-своему, но — действует на нервы,
Чтоб, раздражая, всё же потрясать.
Но для чего же создавать проблемы,
Коль не всегда их можно разрешить?!
Сбивай вопросы на другие темы!
Авось, тогда полегче будет жить.

Смотреть на жизнь всегда однообразно —
На все её проблемы и сюжеты —
Не стоит: ведь экран бывает грязным,
Изображая суть и вялой, и отпетой.
 Не сложно: поливая правду грязью,
Смотреть невинно, чистенько-безгрешно.
 И низко льстить, как раны мазать мазью.
 Рыдать и лгать, что горе — безутешно.
Для наших дней — обычная картина
Предстала перед вашими глазами.
И пусть сюжет неполный и унылый —
Не передать обычными словами.
 Жизнь не понять без критики и грязи.
 Пусть это скверно (не совпали взгляды).
 И как по ней с душой спокойной лазить,
 Коль: вот, хорош, а завтра — будешь гадом?!
Не нужно видеть только безобразье.
Ведь жизни сущность, это — перемены:
Всегда она сулит разнообразье,
Всегда готовит новые проблемы.

Ветка берёзы стучится в окно.
Жизнь так прекрасна! Но жизнь и — дерьмо.
Рядом — друзья. Но и — рядом враги.
Где ты, подруга? Приди, помоги!
 Я не живу. То — слова мертвеца.*
 Дай мне надежду дожить до конца!
 Время наладит расстроенный бег.
 Где ты, любимый, родной человек?!
Жизнь угасает, она терпит крах.
В сердце — бесстрашье: забыт смерти страх.
Где ты?! Молчанье... Вокруг — пустота.
Кто ты — реальность, иль просто мечта?..

* В авторском тексте после этих слов стрелка указывает на начало следующей строфы. (прим. Т. Левченко)

Мне надоели люди-лицемеры!
И нету слов, чтоб чувство описать.
Как много их в пределах атмосферы!
Их надо бить. Иль просто презирать.
 Не важно — кто. Мне это опостыло:
 Вся эта ложь — в глаза и за глаза...
 Пусть против них один я, и без силы —
 Не струшу! С глаз не полетит слеза!
Пусть это бред: ведь я ещё не знаю,
Кто есть я сам. Но я осознаю,
Что я — живу! И что я уважаю
Того, кто уважает жизнь мою.

Разбитый путь, забытые тревоги —
Уже всё в прошлом, в памяти моей.
Мне надоели дальние дороги,
Когда идёшь один ты, без друзей.
 Унылый вид в окошке степи голой.
 Пустой пейзаж способствует хандре.
 И это всё — не знак свободы полной.
 И жить так надоело очень мне.
Вся жизнь пуста, скучна, однообразна.
Про всё, что будет, знаешь наперёд.
Молчишь в тоске, иль говоришь несвязно.
О чём? Никто иной не разберёт.
 Но как так жить?! Не веря предсказаниям,
 Ты всё торопишь жизни бег крутой,
 И всё живёшь... живёшь — по расписанью,
 Так и не зная: кто ты есть такой...

Лилия Олейник

ДЕНЬ ВЛЮБЛЁННЫХ

Пусть говорят, что поздно уж влюбляться,
Виски посеребрила седина.
Но сердце не устало волноваться,
Его тревожит ранняя весна.

Проходит всё, тревоги и печали.
Невольно забывая о годах,
Мы улетаем в призрачные дали,
Нам хорошо в волнующих мечтах!

И каждый день святого Валентина
Встречаем мы с предчувствием любви.
Душа горит — и наша «половина»
Придёт на зов — лишь только позови...

Две половинки сердца — две частицы
Сольются воедино — пусть на миг!
И на земле — всё снова повторится,
И шёпот перельётся в крик...

Не сдерживайте чувств, откройте души.
Пускай — февраль. Но впереди — весна.
Учитесь сердца зов призывный слушать.
Пусть правит в этот день любовь сполна!

О, не судите строго! —
Любовь ведь, как напасть:
Ещё совсем немного,
И — возгорится страсть.
Божественно, прекрасно
Слиянье душ и тел!
И вовсе не напрасно
Ты птицею летел.
Ведь было так, и будет:
Все мучатся, любя.
Томленье не остудит
Прекрасного тебя!
Пусть будет миг — как вечность.
Священной нет его.
Лишь мы и — Бесконечность...
И больше — ничего...

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Живу предчувствием беды
Уже который год.
Судьбу, как в капельке воды,
Я вижу наперёд.
Ведь правду люди говорят:
Красивой не родись.
Счастливым быть — не всем подряд,
Напрасно ты не злись.
Грешна, как все мы на земле,
Богата и бедна.
Мечта уносит на крыле,
А в бездне — нету дна.
Хожу по лезвию порой,
Но боли не боюсь.
Живу надеждой и игрой,
И плачу, и смеюсь.
И сколько сыграно ролей,
И сколько спето слов,—
Всего дороже и милей

Свобода и любовь!
И бог и чёрт сама себе:
Была — эх! — не была!
Но благодарна я судьбе,
Что веру сберегла.
Быть может, снова жить начать,
Поверить в счастье вновь?
Просить, молить, шептать, кричать:
«Да здравствует любовь!!!»

БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ

Да-а...

Мне уже, к сожаленью, не тридцать...
Жизнь, перейди уж с галопа на рысь.
Скорость убавь: ни к чему торопиться...
Ну, не лети ты! Немного уймись!
Да... Не весна. И, наверно, не лето, —
Их не вернуть, да и я уж не та.
В возрасте каждом свои есть секреты,
В каждой поре есть своя красота.
Зеркало лжёт: ведь ему не известно,
Сколько в душе нерастраченных сил.
Даже самой иногда интересно:
Бог, или дьявол меня сотворил?
Возраст «бальзаковский», ты на подходе.
Но не остудишь мне пылкую кровь. —
В этой поре, как судачат в народе, —
Ягодкой баба становится вновь!
Есть ещё порох в пороховницах!
Нежности хватит, и хватит тепла.
Может, попробовать снова влюбиться? —
Броситься в омут — была не была!

Елена Щербина

* * *

С чем в мир пришла земной и для чего я тут?
Любовью наполнять души моей сосуд
И щедро раздавать любовь, словно цветы.
Мир этот создавать словами красоты.
Пусть радугой горит из запада на юг
Великий мост любви. Пусть каждый будет друг.
Мы будем раздавать любовь наших сердец.
Подобию Отца, мы, каждый, — сотворец.
Пусть помыслы чисты, чтоб мыслью управлять.
Прекрасным этот мир сумеем мы создать!

* * *

Люблю, когда стихи
Соскальзывают с уст.
Таинственно-тихи,
Не знают они уз.
Подобен ручейкам
Их безудержный бег,
Как будто к лепесткам

Слетает первый снег.
Порхают мотыльком
И тают в вышине.
Манящим, сладким сном
Звучат они во мне...

* * *

Лоскутком махнула ночь
И ушла под утро прочь,
Небо уступив рассвету,
Обнял он в любви планету.
Пробудившееся солнце,
Вот лучом земли коснется,
Золотую бросит тень
И начнется новый день.
Все вокруг тот час проснется,
Солнце людям улыбнется
И в гармонии земля
День начнет, всех нас любя!

* * *

Небо пасмурно, но вот-вот
Солнце тучи сейчас пробьет.
Заискрится лучи бросая.
Как прекрасна земля родная!
Как прекрасна наша планета,
В гладь озер и морей одета
И степями покрыта без края,
Как прекрасна земля родная!
Нас леса укрывают тенью,
Дарят нежность сады цветеньем.
И поет душа, замирая.
Как прекрасна земля родная!

* * *

В тебе, во мне заложена любовь.
Она хранится множество веков
И, словно птица, за семью замками —

Она живет покорно с нами.
Ты распахни телесную темницу —
Пусть выпорхнет взволнованная птица
И, озаря мир в его убранстве,
Создаст любви безмерное пространство!
Пусть свет души всем льется бескорыстно,
Рождает сердце мысли чистые.
Купаясь в радостных лучах любви,
Прошу ее: «Всегда живи!»

* * *

Музыки звук расплескался во мне.
Голосом нежным пропел в тишине.
Слышишь? Откуда-то издалека
Музыки вечной льется река!
Все заполняет бурлящий поток.
Сил непомерных откуда приток?
Чувствую силу в себе неземную —
В ней утопаю и в ней торжествую!!!

* * *

Уж полночь, спать пора давно,
Но, видно, спать не суждено.
Нет сна, рифмуясь, льются звуки.
Их, как младенца взяв на руки,
Колышу я. Лаская слух
Наполнил мир блаженный дух.
«Давайте спать, ложиться надо!»
Но звук зовет и, как торнадо,
Меня обьяв, уносит ввысь,
Предупредив меня: «Держись!»
И там, в бескрайней вышине,
Так хорошо, спокойно мне...
Мелодия все тише... тише...
И с ней я опускаюсь ниже...
Умолкло все. Прикрыв ресницы
Я буду ждать... что мне приснится.

Не дайте свою душу погубить.
Ее святыню бережно храните.
Старайтесь искренно людей любить.
Любите жизнь, весь мир любите.
Спешите отдавать души зарю
И сердца чистоту не запятнайте.
Я вас прошу. Я просто вас молю:
С любовью утро каждое встречайте!

Я всех люблю, как ласковая мать.
Я всем готова целый мир отдать.
Букеты звезд далеких подарить.
Я помогу вам в мир любви уплыть.
Согрею вас любовью в непогоду.
Я помогу вам оценить свободу
От каждодневной, глупой суеты.
Я покажу дорогу в мир мечты.
Я проведу по Млечному пути,
И душу розой научу цвести.
Стать другом преданным сумею.
И жизни я своей не пожалею.
Я принесу вам сердце на ладони.
И пусть беда вас никогда не тронет.
Остановлю ветра и растворю туман.
Мне этот дар Великим Богом дан.

Я часто в людях вижу пустоту
И горький след материализации планеты.
Порыва нет прорваться в высоту,
Стремится к Солнцу, Богу, Свету
И разорвать отныне навсегда
«круг горечи и утомленья»,
Гореть, как самая лучистая звезда.
К Всевышнему направив устремленья.

Остановился ход космических часов
И нет развитию движенья.
Так отзовись на добрый зов:
Всевышний ждет, какие тут сомненья!
Спеши скорей в «желанный круг»
Все мысли устреми к духовной сфере.
Доверься Богу, он надежный друг.
Он укрепит тебя в любви и вере.

Александр Шкаденко

Исторический процесс

Не сумев стерпеть пустой обиды,
Маргаритка задушила Розу
плетью ивы.
Мстительные дети Розы мёртвой
Маргаритку изрубили в клочья
Острыми мечами тамариска,
Умertzвив по ходу дела
Дюжины четыре неповинных
Родичей злосчастной Маргаритки.
Розы род был выведен под корень
Толпами взбешённых маргариток.
Эти также без отмщенья
не остались...

Тане

Я застолблю свое право
на твою боль,
кровосмешеньем греша.
Я выдолблю в тебе место

для боли моей,
думая о кровосмешеньи.
Не передавай мне
непередаваемое
в твоих тёмных кудрях
вздыхающих.
Я весел,
но не верь мне,
я — памятен.
Амен.

Знакомство по объявлению

Любовь,
не подкрепленная простым и ясным
словом деньги,
влечет нас в романтическую даль
значительно слабее,
чем нежели обратный случай.
Но Боже, как бывает скучен
поэтико-финансовый роман
двух алчностей,
в дешёвеньком кафе
дотошно выясняющих,
что у кого не на душе,
а за душой.
И разве что обман,
как след искусства,
способен озарить
потёмки ценностного торга
и приподнять его на высоту
хоть и убогого,
но всё же чувства.

Последний скриптус

Благостен,
напитанный огнём и шоколадом,
в полях я ехал.
Как раз был день в году,

когда всегда я плачу.
Но ровно год тому,
рыданием охвачен,
не мог я долго в себя прийти.
И слёзный мой запас
был нерасчётливо истрачен.
С тех пор тот день в году,
когда всегда я плачу,
бужу сухим истошным воплем
одиноким.

Попытка суицида

Молчи,
Молчи, душа.
Молчи,
Молчи, душа.
Молчи,
Молчи, душа.
Молчи,
Молчи, душа...
Если не приедешь, получишь телеграмму:
«Душа,
Душа,
Душа,
Душа...»

Песня задушенного

Хочу держать в руке топаз,
чтоб острой гранью точной
вонзался он в мою ладонь.
Хочу, чтоб тусклый глаз топаза
мерцал и оставлял в ладони
След непереносимый.
И для топаза моего
хочу я смастерить футляр,
чтоб вкладывать туда я мог его.
(Как тело на ночлег конечный
мы вкладываем в гроб).

Но изредка
хочу его оттуда
вынимать я.

Ирине

На острие печали,
как на ноже,
душа закричала.

Женщине по имени По

Когда б ты умерла,
я плакал бы навзрыд всем телом,
как сейчас.
Я плакал бы навзрыд всем телом,
когда б ты умерла.
Но ты жива
и счастлив я.
Но тела судорог унять я не могу
и тем лишь счастлив я,
что ты жива.
Живи и дальше, но теперь
два разных измеренья:
ты и я.
Отныне — живи дальше,
но при этом знай:
что не утихнет плач мой
никогда.

Карине

Голоса надо мной,
подо мной.
Я лежу под землей,
запахнувшись, как саваном,
палой листвой.
Но пропой еще раз мне о том,
о чём ангелы в вышних поют
от любви неземной.
Ветки хруст под твоим каблуком

отзовётся тоской
в истлевающем сердце моем.
Будем мы не вдвоем, вчетвером:
ветер, ты, я и кто-то иной.
Музыка тел в скрипе диванных пружин,
ужас восторженный твой
За чужою облезлой стеной —
это всё не том,
ни о чём.
Пламя пущенной вверх
изумленьем объятай души
летит, как звезда,
и сгорает в пространстве пустом...
Звезды, словно гроздь
пылающих жаром сердец
в небесах простыней,
мерцают и гаснут
за пределами жизни моей,
но зачем?
Будем снова с тобой мы нигде
и никем.

Из биографии

Отдал я дом за честь.
Но мало чести в том,
сказали люди мне.
Отдал я дом за честь.
С неё не сварить есть,
сказали дети мне.
О том, каков я есть
(что дом отдал за честь)
не разнеслась в округе
о мне благая весть.
Приют нашел убогий
меж степью и людьми,
но неустанно ночью
и в тягостные дни
благодарю я Бога,
что вместе с честью мы.

Галина Долгополук

1914 — 1988 гг.

МОЙ ПОСЁЛОК

В тёмном небе серп луны
Бродит в тучах волокнистых.
Бледным светом озарён
Старый тополь серебристый.
Под ногами — листьев тень
Кружевом дорожку стелет,
Тополиная метель
Белым инеем седеет.
Море дремлет, спит волна,
Люди тоже отдыхают.
И такая тишина —
Даже сердце замирает!
Помнит море, помню я
(Прошлого забыть — нет силы) —
Оглушённую войной,
Нашу землю немцы били.
С моря, с неба — смерч огня
Умывал её слезами.
Кровью пенилась волна
И рыдала вместе с нами.
Горы чёрные руин,
Горький дым, да пепел серый,
Кладбище родных могил
Враг оставил озверелый.
Насмерть здесь стоял солдат,
Бился, не жалея жизни.
Погибая, завещал
Нам беречь свою Отчизну.
А теперь посёлок мой
Здесь, на берегу пролива,
Встал из праха и рацвёл
Красотою горделивой.
Здесь — заводы и руда,

Здесь — рыбацкие колхозы.
И резвясь, шумит вода,
Созревают абрикосы.

1968 г.

ГРОЗА В ЯНВАРЕ

Тёмной ночью гроза налетела,
Уперлась головой в небеса,
А у ног её море кипело,
Пеной волн разметалась коса.
 Вихрем кружится снежное платье,
 Опоясали молнии стан.
 Туч нависших немые объятя
 Разгоняет шальной ураган.
Каждый взмах её крыльев могучих,
Рассекающих чёрную мглу,
Гром рождает, грохочущий в тучах,
Снегопада сплошную стену.

1968 г.

АБРИКОСЫ

Весна вышивает букеты
По зелени нежной канвы.
Деревья нарядно одеты
В ажурные платья листвы.
 А здесь, на пригорке зелёном,
 Стоят абрикосы в цвету.
 Как девушки, в празднично новом
 Наряде, встречают весну.
Накинули белые шали
Из снежных цветений весны
И чутко на зорях дремали,
И видели девичьи сны.
 Играя, запутался ветер
 Среди ясноглазых цветков.
 И утро апрельское встретил
 Сплошной снегопад лепестков.

1968 г.

Николай Конопов

1927 — 1999 г.г.

В КОЛИЗЕЕ

Вспоминаю Рим
Бой часов
Колизей,
Среди ультра...
Я пробился
На свиданье
По-романски —
Вход направо,
Полумрак
Белый мрамор
Обнажённая
И подвальный
Вижу битву —
На арене
Меч легко
В смоляных

вчерашний:
на древней башне,
едва заметный,
среди ретро...
без пароля
с Джованьоли...
Колоссео.
вход налево,
кирпичных сводов,
вдоль проходов.
арена,
запах тлена...
участь злая,
кровь людская.
проходит мякоть.
опилках слякоть...

По карману ли
Кровь и роскошь
Я смотрю —
Камень слёзный
Он молчит,
Фестиваль
Век начала
С той поры
Все следы
Моют ливни.
Колизей —
Мысль людская
Императорская ниша.
Замер я,
Сквозь века,
Смех и стон
Слышу гул
Маршируют
И Спартак —

плебею
Колизея?
суровы стены:
вдоль арены,
но помнит вечно
бесчеловечный...
нашей эры.
по знаку Геры
на камне красном
Но напрасно...
сооруженье,
и творенье...
но слышу,
 слышу:
тысячелетья
доносит ветер...
большой колонны,
легионы...
непобеждённый.

Сотни битв,
За любовь,
Рвал он
Нет,
Гладиаторы
Не за славу,
Умирать —

ора сражённых.
за жизнь
и братство
с кровью
цепи рабства...
убийцами не стали.
восстали!..
не в угоду,
так за свободу!

Пётр Ясинский

1929 — 1991 гг.

НА МОГИЛЕ ГРИНА

Облака плывут, как бригантины,
Паруса подняв в голубизне.
И кораблик над могилой Грина
Вдруг качнулся, словно на волне.
 Сделанный ребячьими руками,
 Он висит на ветке дерева,
 Альми своими парусами
 Обжигая память и сердца.
Парусник над прахом капитана
Больше не поднимет якоря,
Больше не пристанет к дальним странам,
И не бороздить ему моря.
 Парусник как памятник приписан
 Навсегда у порта Старый Крым.
 Я, из всех земных великих истин,
 Низко преклоняюсь перед ним.
Здесь не плещут у причала волны,
Здесь кусты бредут на Агармыш.
За дорогой городской, окольной,
Сумерки сползают с синих крыш.
 Спит над Грином тишина святая
 Под прикрытьем алых парусов.
 ...А у моря где-то ожидает
 Капитана юная Ассоль.

1976 г.

УХОДИТ ДОЧЬ

Уходит дочка из родного дома.
Уходит, разрешенья не спросив.
Мне это чувство не было знакомо,
И с ним мириться не хватает сил.

Все двадцать лет мы были с нею рядом,
Всё двадцать лет делили пополам.
И вот вчера она сказала: «Надо,—
Ему сегодня я нужнее там.»
Я понимаю — ведь на то и разум.
Но есть ещё и сердце у отца!
Вот как ему прикажешь, дочка, сразу
Понять всё от начала до конца?
Мы были вместе двадцать лет. Не мало!
И вот настал разлуки этот миг.
Наверное, твоя, когда-то, мама
Всё деду так сказала напрямик.
...В мир смело из гнездовья улетают
Пернатые, окрепшие птенцы.
И их назад уже не возвращают,
Оставшись в одиночестве, отцы.

1976 г.

ЕЁ ВЕЧНАЯ БОЛЬ

Разграблены кусты черёмухи.
И снова — никого в лесу.
Её дурманящие ворохи
На свадьбы звонкие несут.
Цветы подарят там торжественно,
Как знак признания в любви.
Она — черёмуха с окрестностей —
Такой домашний примет вид.
И будут бережно и хлопотно
Все ворковать вокруг невест.
И не услышат, как черёмуха
Кричит: «Верните меня в лес!»
И лишь потом, в разгар веселия,
О ней не раз ещё споют.
Не будет только воскресения
Черёмухи в лесном краю.
Баяны вскоре стихнут вздохами
И свадьба срок свой отпоёт.
Но к ней, обломанной черёмухе,
Уже никто не подойдёт.

1979 г.

Содержание

Василий Маковецкий	3
Елена Рабочая	7
Иван Юдин-Кауниди	14
Марина Назаренко	22
Виктор Запорожец	28
Борис Васильев-Пальм	35
Галина Дмитриюкова	41
Фаина Дерий	49
Александр Бойченко-Керченский	55
Людмила Храмкова	60
Василий Нестеренко	66
Лариса Алексеева	70
Владимир Лось	77
Светлана Бурова	84
Алексей Вдовенко	91
Татьяна Левченко	97
Николай Щербуха	102
Владимир Володин	110
Наталья Голубева	119
Александр Машихин	127
Зарема Дадой	133
Наталья Трушкова	141
Борис Случанко-Поплавский	149
Александр Иванов	155
Вера Дубинская	161
Галина Марова	166
Злата Андропова	173
Юлия Котлер	180
Ольга Шапран	185
Алексей Бабошин	192
Нариман Нурадинов	194
Лилия Олейник	202
Елена Щербина	205
Александр Ткаченко	210
Галина Долгополик	215
Николай Конотоп	217
Пётр Ясинский	221